

Дик
Фрэнсис

Дик
Фрэнсис

Ставка на
проигрыш

ТАШКЕНТ
«УЗБЕКИСТАН»
2015

УДК: 821.111-3

ББК 84(4-Ингл)

Ф 93

12.4 - Прозв. англ.
лит-ры

Репортер спортивного журнала Джеймс Тайрон, у которого парализована жена, берется за частное расследование загадочной гибели своего коллеги Берта Чехова. В ходе расследования ему приходится столкнуться с группой мошенников, орудующих на скачках. Жизнь Тайрона и его близких оказывается под угрозой. Однако, ввязавшись в это опасное дело, он все-таки сумел разоблачить преступников, незаконно проворачивающих свои махинации.

ISBN 978-9943-28-294-0

© ИПТД «УЗБЕКИСТАН», 2015

2016/11

Uzbek Navoiy

adabiyoti

А681

Uzbekiston MK

Глава 1

Письмо из «Тэлли» пришло в тот день, когда погиб Берт Чехов. Самое обычное письмо: предложение из иллюстрированного журнала написать статью о скачках на Золотой кубок. Я перебросил конверт через стол редактору спортивного отдела и продолжал разбор почты, которая всегда накапливалась к моим приходам по пятницам. Люк-Джон пробурчал нечто нечленораздельное и вяло протянул руку к конверту, рассеянно моргая при этом в ответ на какой-то бесконечный монолог по телефону.

— Да, да... сорви с них покровы, — сказал он.

Срывание покровов было генеральной политикой «Санди блейз», да будет благословенно ее черствое сердце. Почему я не пишу для «Санди таймс», часто спрашивала моя теща, вместо того чтобы строчить репортажи для такой драной подстилки, как «Санди блейз»? Да больно я им нужен — вот почему. Понять это она была не в силах и всякий раз, когда на нее «накатывало», принималась оправдываться перед любым встречным и поперечным за мою службу. О том, что в «Блейз» платили на двадцать восемь процентов больше, чем в «Таймс», а то, что содержание ее дочери влетало мне в копейку, она почему-то забывала.

Я вскрыл дешевый коричневый конверт — какой-то придурок сообщал, что только безнравственные и беспринципные халтурщики вроде меня могут хорошо отзываться о человеке, за которого мне пришлось выступить в воскресном репортаже.

Письмо было написано на туалетной бумаге, и злоба сочилась из него, словно болотный газ. Дерри прочитал его, стоя у меня за спиной, и рассмеялся.

— Говорил же тебе — расшевелишь осиное гнездо!

— Мне только повод дай влезть в неприятности, — согласился я.

Дерри строчил прилизанные нейтральные статьи в еженедельник, благополучно сплавляя мне материалы, возмущавшие спокойствие граждан. Спина у меня, постоянно твердил он, шире.

Еще восемь корреспондентов выражали примерно такое же мнение. И все, разумеется, анонимно. «Проблем у них, — решил я, сбрасывая письма в корзину для бумаг, — было куда больше, чем у меня».

— Как жена? — осведомился Дерри.

— Спасибо, прекрасно.

Не глядя в мою сторону, он кивнул. Ему никак не удавалось преодолеть некоторое смущение в разговорах об Элизабет. И не ему одному.

Разговор Люка-Джона вышел на финишную прямую:

— Непременно, обязательно... Позвоню... Самое позднее в шесть. — Он повесил трубку и с профессиональной скоростью пробежал глазами письмо из «Тэлли». — «Глубокое исследование»... До чего обожают эту фразу шикарные журналисты! Хочешь заняться?

— Если заплатят прилично.

— Я думал, ты все еще бьешься над биографией Бастера Фигга.

— Застрял на шестой главе. Мой герой ускользнул на Багамские острова и не оставил материалов.

— И сколь глубоко ты успел погрузиться в его ужасную и ничтожную жизнь?

— Дошел до конца ученичества и первой победы в классических скачках.

— Это купят?

— Не знаю, — вздохнул я. — Его интересуют только деньги. Все, что он помнит о скачках, — это стартовые ставки. Они доходили до тысяч. Просил написать о самых крупных его выигрышах. Считает, что теперь, когда он удалился от дел, лицензию отобрать не имеют права...

Люк-Джон сопел, потирая веснушчатой рукой резко выстунавший на шее кадык, и, опустив тяжелые веки, изучал письмо из «Тэлли». В моем контракте с «Блейз» были свои ограничения: сочинять книги — пожалуйста, сколько угодно, но для того чтобы написать статью для другого журнала или газеты, требовалась санкция Люка-Джона, добиться которой было нелегко.

Дерри столкнул меня со стула и уселся на него сам. Бывая в конторе только по пятницам, постоянного места я не имел и при каждом удобном случае пользовался столом моего более юного коллеги. В верхних трех ящиках у него хранилась настоящая библиотечка из скачечных программ, а также полбутылки виски, в нижнем — сотни две бумажных пурпурных сердечек и каталог порнографических фильмов — свидетельство того, каким лихим парнем хотел казаться Дерри, а совсем не тем законопослушным, умеренным и несколько отпущенным молодым человеком, каковым он был на самом деле.

Облокотившись на край стола, я вслушивался в стрекот пишущих машинок и телефонный перезвон — неделя катилась к субботе. По вторникам учреждение замирало, в субботу здесь, казалось, гудит целый рой растревоженных мух. По пятницам я сидел в «Блейз», по субботам ходил на скачки. Воскресенье и понедельник — официальные

выходные. Со вторника по четверг я измышлял какую-нибудь возбуждающую умы тему и писал. По пятницам относил материал Люку-Джону, а потом редактору — читать и править.

Результат — тысяча слов в неделю, груды бранных писем и чек, не покрывающий и части моих расходов.

Люк-Джон поднял голову:

— А кто у нас идет на скачки, ты или Дерри?

— Я! — выпалил Дерри в ту же секунду.

— Ты как, Тай, не против? — вопросительно взглянул на меня Люк-Джон.

— Нет, конечно. Это сложный гандикап, как раз по его части.

Люк-Джон поджал и без того тонкие губы и (неожиданная щедрость!) вымолвил:

— В «Тэлли» хотят всю подноготную, намеками тут не отделаться. Что ж, почему бы тебе и не поработать на них, коли есть желание?

В нижнем углу листа он накарябал жирное «о'кей» и подписался.

— Только уж будь другом — если раскопаешь какую «тухлятину», попридержи для нас, — добавил он.

«Вот она, цена твоему проклятому благородству», — желчно подумал я. Душа Люка-Джона всецело принадлежала «Блейз», и пробным камнем всех решений было: может ли данное дело прямым или косвенным образом сослужить службу газете? Время от времени одного из служащих спортивного отдела безжалостно «приносили в жертву» на этот алтарь. Отсроченные отпуска, несостоявшиеся свидания, упущенные возможности — ничто не останавливало его ни на миг.

— Само собой, — коротко ответил я. — И спасибо.

— Как жена? — спросил он.

— Спасибо, прекрасно.

Он исправно задавал мне этот вопрос каждую пятницу. Почему бы и не проявить внимание и чуткость, тем более что «Блейз» это ничего не стоило? А может, это и впрямь его интересовало? Интересовало лишь в той степени, что, если она чувствовала себя не «прекрасно», могла пострадать работа.

Я завладел телефоном Дерри и набрал номер.

— Журнал «Тэлли». Чем могу служить? — Девичий голос, ровный, утомленный, с западнокентским акцентом.

— Я хотел бы поговорить с Арнольдом Шенкертоном.

— Простите, кто его спрашивает?

— Джеймс Тайрон.

— Минуту... — Щелканье, пауза. — Соединяю.

Столь же ровный, интеллигентный голос провозгласил себя Арнольдом Шенкертоном из отдела очерков. Я поблагодарил за письмо и сказал, что готов принять предложение. В меру приветливым тоном он проронил, что это очень мило с моей стороны, а я в свою очередь добавил:

— Если, конечно, оплата будет приличной.

— Ну разумеется! Сколько вы хотите?

«Придумай цифру и помножь на два».

— Двести гиней плюс расходы.

Люк-Джон приподнял брови, а Дерри присвистнул.

— Вы разбогатеете!

— Наши доходы весьма ограниченны... — с оттенком жалобы заметил Шенкертон. — Сто гиней — абсолютный предел.

— Я плачу слишком большие налоги.

По проводу донесся тяжкий вздох.

— В таком случае — сто пятьдесят. Но очерк должен быть на уровне.

— Постараюсь.

— От вашего старания журнал прогорит. Нам нужны стиль и интуиция, а не скандал. Ясно?

— Ясно, — согласился я, нимало не обидевшись. — На сколько слов?

— Это основной материал. Примерно три с половиной тысячи.

— А иллюстрации?

— Закончите работу, и я свяжу вас с одним из наших фотографов.

— Прекрасно, — вежливо заметил я. — Каковы сроки?

— Номер идет в печать... так, сейчас посмотрим... двадцатого ноября. Значит, материал мы должны получить самое позднее утром семнадцатого. Но чем раньше, тем лучше.

Я взглянул на настольный календарь. До семнадцатого десять дней.

Люк-Джон бросил мне письмо через стол, но Дерри перехватил его и пробежал глазами.

— «Глубокое исследование», — иронически скривил он губы. — Что ж, тебе не привыкать к глубинам. Там ты чувствуешь себя как дома.

— Да, — рассеянно согласился я. — Но стоит ли погружаться из-за ста пятидесяти гиней?

Мне неожиданно пришло в голову, что интересно было бы извлечь из глубин людей, обычно остающихся в тени. Имена «звезд» подолгу не сходят со страниц прессы. Подпольные же «звезды» не фигурируют в разделе новостей. Надо же хоть иногда вытаскивать их на свет Божий!

Пару раз подобного рода оригинальные идеи уже приносили мне неприятности. Но что решено, то решено. Тогда я и понятия не имел, чем все это закончится.

* * *

К часу дня Люк-Джон, Дерри и я утрясли все свои делишки и под мелким морозящим дождем отправились в бар «Девере», что в Девере-корт, напротив Дворца правосудия.

Там уже сидел Берт Чехов и, обжигая пальцы о спички, тщетно пытался разжечь свою старую вонючую трубку. Его тушу обтягивал бесформенный твидовый пиджак, как всегда щедро обсыпанный пеплом, на ногах красовались стоптанные, запыленные ботинки. Водянистые голубые глаза Берта блестели ярче, чем полагалось бы в этот час и в этом месте, — видно, ленч у него начался минут на сорок раньше, по самым скромным моим подсчетам.

Люк-Джон поздоровался с ним, но он ответил лишь мутным, ничего не выражавшим взглядом. Дерри принес каждому по полпинте и вежливо пригласил Берта присоединиться, хотя не питал к нему особого расположения.

— Двойной скотч, — буркнул Берт. Дерри, по-видимому, вспомнил о своих закладных и по-мрачнел.

— Как дела? — осведомился я и тут же спохватился: Берт был поистине неистощим по части жалоб и воркотни.

Однако на этот раз плотина была перекрыта. Он с усилием сфокусировал на мне водянистый взор, и еще одна спичка обожгла ему пальцы. Он, казалось, и не заметил.

— С-с-совет тебе дам, — пробормотал он и тут же замолчал. Совет остался при нем.

— Ну так выкладывай свой совет, — предложил Люк-Джон. — Он ему всегда пригодится.

Чехов перевел взор с меня на моего босса и рыгнул на всю катушку. Бледное лицо Дерри брезгливо искривилось, и Берт это заметил.

«И вот так каждую пятницу, и в следующую тоже», — подумал я, но ошибся. Бертю Чехову оставалось жить меньше часа.

Люк-Джон, Дерри и я сидели на табуретках у стойки и поглощали холодное мясо с маринованным луком, а Берт, покачиваясь, стоял сзади, выпуская трубочный дым и пары виски нам в затылки. Время от времени он издавал нечленораздельное мычание, сопровождавшее, по-видимому, ход его мыслей.

Что-то с ним неладно. Но меня это мало заботило: своих проблем по горло!

Люк-Джон взглянул на Берта с состраданием и предложил еще виски. Алкоголь затопил мутно-голубые глазки, сократив зрачки до величины булавочной головки, что придавало взгляду совсем уж бессмысленное выражение.

— Пойду-ка, пожалуй, провожу его до конторы, — неожиданно для самого себя предложил я. — Не то еще под автобус угодит.

— И поделом ему, — тихо, чтобы не услышал Люк-Джон, прошептал Дерри.

Ленч завершился сыром и второй кружкой пива. Чехова мотало из стороны в сторону, и он опрокинул содержимое моей кружки на брюки Дерри и на ковер. Ковер воспринял это стоически, чего нельзя сказать о Дерри. Одним глотком я допил пиво и принялся подталкивать Берта через толпу к выходу.

— Бар еще не закрыт, — неожиданно отчетливо проговорил он.

— Для тебя закрыт, старина.

Он привалился к стене, размахивая трубкой, зажатой в пухлом кулаке.

— Никогда не уходи из пивной до закрытия. Никогда не бросай рассказ незаконченным. Никогда не держи женщину на пороге дома. Абзацы и

юбки должны быть короткими, а фазаны и грудки — пухленькими.

— Точно, — вздохнул я. Вот тебе и совет!

Я взял его под руку, и без особых помех мы выбрались на тротуар Флит-стрит. Нетвердое наше продвижение в сторону Сити вызвало немало косых взглядов, но к столкновениям не привело. Слитые воедино, мы перешли улицу и двинулись на запад вдоль знаменитых фронтонов редакции «Телеграф» и черных стеклянных витрин «Экспресс». Флит-стрит немало повидала на своем веку, и пожилой репортер, накачавшийся, словно бурдюк с вином во время ленча, был никому не интересен.

— Совет, — сказал он вдруг, резко остановившись. — Небольшой совет.

— Ну? — терпеливо спросил я.

Он косил на меня глаза.

— А ведь мы прошли мимо «Блейз».

— Ага.

Он попытался развернуть меня в обратную сторону.

— У меня дело в Лудгейт-серкус. Нам сегодня по пути, — солгал я.

— П-правда?.. — Он рассеянно кивнул, и мы потащились дальше. Еще через несколько шагов он снова остановился. — М-м-маленьки-ий... совет...

Он смотрел прямо перед собой. Я был уверен, что он ничего не видит, не замечает уличной суеты. Ничего, кроме какой-то одной навязчивой мысли, его не занимало.

Мне надоело ждать совета, который никак не мог материализоваться. Стало опять накрапывать. Я взял его под руку и попытался протащить последние оставшиеся до дверей редакции пятьдесят ярдов. Он не тронулся с места.

— Запомни последние слова, — вдруг сказал он.

- Чьи?
- Мои, ясное дело... Запомни последние слова. Маленький совет...
- Непременно, — вздохнул я. — Вымокнем тут.
- Я не пьяный.
- Ну, конечно.
- Могу написать свою колонку в любую минуту. Хоть сейчас.

Он пошатнулся, и мы направились к входу в редакцию. Еще три ступеньки, и он будет в тепле, в безопасности. Покачиваясь, он стоял у дверей.

— Если кто попросит, — выдавил он наконец, — не соглашайся.

По бледному мясистому лицу пробежала тень озабоченности. Нос был усеян крупными порами, на подбородке проступала жесткая черная щетина.

Рука его скользнула в карман, и выражение озабоченности сменилось радостной гримасой, когда она вновь вынырнула с наполовину недопитой бутылкой виски.

— Надо же, а я уж думал, что потерял... — проворкотал он.

- Ладно, пока, Берт!
- Не забывай, помни мой совет!
- Ладно. — Я уже повернулся, как вдруг он сказал:

— Тай!

Мне это надоело.

— Ну что еще?

— С тобой этого не случится. Ты не допустишь... я знаю, но иногда именно самые стойкие попадают в худшие переделки. Я хочу сказать... Они не понимают, где надо остановиться.

Внезапно он качнулся вперед и схватился за лацканы моего пальто. В нос мне ударил запах перегара, горячее дыхание смешивалось с сырым воздухом.

— Ты вечно будешь нищим из-за этой твоей... жены. Люк-Джон мне рассказывал, я знаю. Вечно без гроша, будь я проклят. Но не соглашайся, не продавай свою бессмертную душу!

— Ладно, постараюсь, — устало пробормотал я, но он, казалось, не слышал.

С параноической настойчивостью, свойственной сильно пьяным, он продолжал:

— Сначала они покупают тебя, потом шантажируют...

— Кто?

— Не знаю... Только не продавай... не продавай свою колонку!

— Не буду! — вздохнул я.

— Я тебе серьезно говорю. — Он придвинулся еще ближе. — Никогда не продавай свою колонку.

— Берт, а ты?

Он молчал. Потом отвалился от меня и снова зашатался. Криво подмигнул:

— Вот такой совет...

Развернувшись, как на шарнирах, он нетвердой походкой направился через вестибюль к лифтам. Я видел, как он стоял в освещенной кабине, сжимая в руке бутылку, и твердил: «Совет, совет...». Тяжелые двери сомкнулись. Я пожал плечами и, несколько озадаченный, двинулся обратно к «Блейз». Зашел в машбюро посмотреть, готов ли материал. Они еще не закончили. Просили зайти в понедельник.

Когда я снова вышел на улицу, там кричала женщина. Прохожие оборачивались. Резкий истерический крик перекрывал шум колес и визг автомобильных клаксонов. Вслед за другими я побежал посмотреть, в чем там дело.

На тротуаре, в пятидесяти ярдах от «Блейз», быстро собиралась толпа. Я еще подумал, что именно в этом месте недостатка в штатных репортерах не будет. Примчатся через секунду.

На асфальте лежал Берт. Мертвый. Плиты мостовой вокруг него были усеяны сверкающими бутылочными осколками, и острый запах алкоголя смешивался с вонью выхлопных газов.

— Он упал, упал! — Женщина была на грани истерики и кричала не умолкая. — Выпал из окна, я видела! Вон оттуда! Упал!

* * *

— Бог мой! — несколько раз подряд повторил Люк-Джон. Похоже, событие действительно потрясло его. Дерри выложил на стол груду газетных вырезок и начал рассеянно собирать их в стопку.

— А Берт точно погиб? — спросил он.

— Его комната на седьмом этаже.

— Да... — Словно не веря, он покачал головой. — Бедный старик!

*Nil nisi bene.*¹ Вот уж поистине резкая перемена в отношении!

Люк-Джон выглянул из окна на улицу. Изуродованные останки Берта убрали. Мостовую вымыли. Ничего не ведающие прохожие бодро шагали по плитам, на которых он принял смерть.

— Он был пьян, — сказал Люк-Джон. — Пьян, как никогда.

Сослуживцы Берта утверждали, что тот вернулся с ленча в совершенно невменяемом состоянии и просто выпал из окна. Нашлись и непосредственные свидетели происшествия — две девочки-секретарши. Они видели, как Берт, стоя у окна, хлестал виски прямо из горлышка, потом покачнулся, окно распахнулось, и он вывалился наружу. И удивляться нечему, если учесть, что Берт был пьян в стельку.

Но я вспомнил, с каким отчаянным упорством твердил он мне о каком-то совете. И призадумался.

¹ *Nil nisi bene* (лат.) — О мертвых или хорошо, или ничего.

Глава 2

Во внешности девушки, распахнувшей передо мной резную дверь особняка в стиле Тюдор в Вирджиния-Уотерс, меня поразили две особенности. Во-первых, ее осанка. Во-вторых, элегантность, с которой она была одета. И потом — цвет кожи. Кожа кофейно-медового оттенка, большие темные глаза и копна блестящих черных волос до плеч. Несколько широковатый в переносице нос и довольно крупный рот дополняли эту картину, над которой на славу потрудились негритянские и европейские гены.

— Добрый день, — сказал я. — Джеймс Тайрон. Я звонил.

— Входите, — кивнула она. — Гарри и Сара скоро будут.

— Что, до сих пор играют в гольф?

— М-м... — Она повернулась, улыбнулась слегка и сделала рукой приглашающий жест. — До сих пор завтракают, я полагаю.

Без десяти четыре... А почему бы, собственно, и нет?

Она провела меня через холл — прекрасно отполированный паркет, тщательно подобранные цветы, обтянутая кожей стойка для зонтиков — в уставленную хризантемами гостиную с мебелью, обитой ситцем. Потолок украшали балки из темного дуба с машинной резьбой. На гладких кремовых стенах резким пятном выделялась одна-единственная картина — современное импрессионистское изображение какого-то космического взрыва. Масляные краски были наляпаны на холст щедрыми кусками.

— Располагайтесь. — Она повела изящной рукой в сторону пышного дивана. — Хотите выпить?

— Нет, благодарю.

— А я думала, журналисты только и знают, что пьянствуют день и ночь.

— Если вы пьете и пишете одновременно, перо теряет свою остроту.

— Пожалуй, — кивнула она. — Дилан Томас говорил: для того чтобы писать страстно, голова должна оставаться холодной, как лед.

— Ну, это совсем другой класс. Немного повыше, — улыбнулся я.

— Но тот же принцип.

— Абсолютно.

Слегка склонив голову набок, она пристально рассматривала меня. Зеленое платье неподвижными складками стекало со стройного тела. Совершенно потрясающие ноги в новомодных сетчатых чулках были обуты в блестящие зеленые туфельки с золотыми пряжками. Единственным, кроме них, украшением служили золотые часы на широком браслете, охватившем правое запястье.

— Вы любите лошадей?

— Да, — сказал я.

— Еще полгода назад я и представить себе не могла, что буду ходить на скачки.

— Сейчас ходите?

— Жизнь круто изменилась в нашем захолустье с тех пор, как Гарри выиграл в лотерею Эгоцентрика.

— Вот именно об этом я и хотел бы написать.

Я приехал сюда за материалами для «Тэлли». И выбрал нетипичных владельцев скаковой лошади — Гарри и Сару Хантерсонов. В этот момент они как раз появились в гостиной, внося с собой смешанный аромат свежего воздуха спортивной площадки, запах дорогих сигар и недавно выпитого джина.

Гарри оказался крупным мужчиной лет шестидесяти, с властными манерами, несколько тяжеловес-

ным обаянием и непоколебимой приверженностью к партии тори. Я понял, что читает он исключительно «Телеграф» и водит «Ягуар» с автоматической коробкой передач. Он крепко пожал мне руку и осведомился, оказала ли мне его племянница должное гостеприимство. Я поблагодарил его.

Сара спросила:

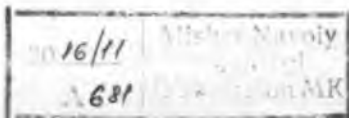
— Гейл, милочка, почему же ты не предложила мистеру Тайрону выпить?

— Он отказался.

Две женщины обращались друг к другу подчеркнуто любезным, ледяным тоном. Сара была лет на тридцать постарше Гейл, но усердно трудилась, чтобы удержать природу в рамках. А как тщательно продуман был весь ее туалет — от красновато-коричневого платья с золотистой каймой до плотных коричневых туфель для гольфа! Лишь глубокая складка под подбородком выдавала все ухищрения. Злоупотребление гольфом и джином почти не оставило следов, разве что мелкие морщинки вокруг глаз. Рот сохранил свежесть и красивую форму. Подобная оболочка предполагала и богатое внутреннее содержание, но надежды эти были беспочвенны. Нельзя сказать, что Сара не являлась цельной натурой, ее суждения и поступки были столь же размеренны, упорядочены и подражательны, как и вся обстановка в доме.

Гарри был возбужден только что выигранной партией, и разговорить его не составляло труда.

— Я, знаете ли, купил этот лотерейный билет на танцах, в гольф-клубе. Какой-то парень его продавал, приятель одного приятеля, что ли, ну я и дал ему фунт... Ну, знаете, как это всегда там, на танцах... В целях благотворительности... Я еще подумал, что целый фунт, пожалуй, слишком жирно за лотерейный билет, даже если играть на лошадь. Да и не нужна мне была никакая лошадь, заметьте

себе! А потом, черт меня подери, взял да и выиграл ее! Целая проблема... Потом вдруг получилось, что эта самая лошадь меня оседлала! — Он захохотал, ожидая награды за шутку.

Я оказал ему должную поддержку. Выражение на лицах Сары и Гейл говорило, что фраза о том, как Гарри оседлала лошадь, произносилась в их присутствии неоднократно, и они были готовы зубами скрежетать при каждом ее повторении.

— Расскажите о себе, — попросил я. — О своей семье и вообще о жизни.

— Всю биографию? — Он громко рассмеялся, оглядываясь на Сару и Гейл, словно ожидая поддержки с их стороны. Лицо его было отмечено своеобразной, несколько тяжеловесной красотой, разве что шея чересчур мясистая. Загорелая лысина и усы очень ему шли. — Биографию... — повторил он. — Откуда же начать?

— Начните с начала, с рождения, ну и так далее, по порядку.

Лишь знаменитости, которым часто приходится давать интервью, да еще крайне застенчивые люди способны устоять перед подобным соблазном. Глаза загорелись, речь полилась с энтузиазмом.

Родился он на окраине Суррея, в небольшом домике, раза в два меньше нынешнего. Ходил в дневную школу. В армию его не взяли, так как вскоре после окончания школы он заболел плевритом. Работал в Сити, в головном отделении одной финансовой компании, и с должности младшего клерка дошел до директорской, активно подбирая на этом долгом пути обрывки сведений, которые помогли ему сколотить скромный, но кругленький капиталец на фондовой бирже. Никаких темных делишек, никакого риска, однако вполне достаточно для того, чтобы поддерживать пристойный уровень жизни и после выхода на пенсию.

В двадцать четыре года он женился, а через пять лет в его автомобиль врезался грузовик и убил жену, трехлетнюю дочку и вдовую мать. В течение пятнадцати лет Гарри, активно приглашаемый на вечеринки и обеды, что называется «присматривался». Наконец на каком-то собрании сторонников партии консерваторов встретил Сару, и три месяца спустя они поженились.

Жизнь Гарри шла, но событий в ней было мало. Ничего интересного для «Блейз» и очень немного для «Тэлли». Смирившись с этим, я спросил, намерен ли Гарри держать Эгоцентрика и дальше.

— Да, думаю, да. Он очень оживляет нашу жизнь.

— Каким образом?

— Приподнимает еще на несколько ступенек вверх, — холодно заметила Гейл. — Есть чем похвастаться на вечеринках.

Все обратили на нее свои взоры. По ее виду трудно было понять, нарочно ли она старается раздражить или разозлить их. На лице Гарри застыло неуверенное выражение. Ясно одно: она задела их за живое, и Сара не замедлила наказать ее за это.

— Гейл, детка, почему бы тебе не приготовить нам всем чаю?

Казалось, каждой жилочкой Гейл противится приказу. Наконец нарочито медленно она поднялась и вышла из комнаты.

— Славная девушка, — кисло заметила Сара. — Правда, иногда с ней бывает нелегко ладить.

Неискренность свела на нет ее улыбку, однако она сочла нужным продолжить и пустилась в откровения, прибегнуть к которым не упускала случая при любой возможности и с любым, кто попадется под руку.

— Сестра Гарри замужем за адвокатом... Очень неглупый человек... но, знаете ли... африканец.

— Понимаю, — сказал я.

— Конечно же, мы очень любим Гейл, и вот, поскольку ее мать уехала на родину мужа, как только страна обрела независимость, и потом, раз девочка родилась в Англии и хотела остаться, мы решили... в общем, вот... она и живет здесь, с нами.

— Понимаю, — сказал я опять. — Здесь ей, должно быть, хорошо.

«Как это грустно, — подумал я, — что они считают нужным в чем-то оправдываться. Гейл в этом не нуждается».

— Она преподает в школе изобразительных искусств, в Виктории, — добавил Гарри. — Рисунки для мод.

— Моделирование, — поправила Сара. — Она очень способная! Ее ученики получают призы и все такое. — В голосе ее звучало облегчение: я воспринял все нормально, и теперь ей хотелось поразить меня своим великодушием. Надо отдать ей должное — она приложила немало усилий для преодоления давних, въевшихся в плоть и кровь предрассудков. Жаль только, что она не в состоянии замаскировать свое чрезмерное старание.

— Ну а вы? — спросил я. — Расскажите мне о своей жизни. И что вы думаете об Эгоцентрике?

Ее судьба, начала она извиняющимся тоном, не столь интересна. Первый муж, оптик, умер за год до того, как она встретила Гарри, и вся жизнь, за исключением благотворительности, сводится к ведению дома. Она довольна, что Гарри выиграл лошадь, ей нравится бывать на скачках в роли владелицы, и она считает игру на скачках захватывающей, но ставка в десять шиллингов — ее предел.

Они с Гейл страшно забавлялись, придумывая костюм для жокея Гарри.

— А какие цвета?

— Пурпурные и бирюзовые вопросительные знаки по белому полю, бирюзовые рукава, красное кепи.

— Очень красиво, — улыбнулся я. — Теперь буду следить за ним на скачках.

Гарри сообщил, что тренер планирует провести Эгоцентрика еще через один тур соревнований до начала скачек на Золотой кубок. Может быть, тогда я и увижу лошадь.

— Может быть, — согласился я, и тут Гейл внесла чай.

Гарри и Сара торопливо осушили по три чашки, одновременно взглянули на часы и сообщили, что пора собираться на коктейль.

— Я, пожалуй, не пойду, — проговорила Гейл. — Вы извинитесь перед ними, но мне надо поработать. Могу заехать за вами, если хотите. Позвоните, когда соберетесь домой.

— Прежде чем мы попросаемся, — сказал я, — мне хотелось бы взглянуть на все газетные вырезки, какие у вас есть. И фотографии.

— Ради Бога, ради Бога... — забормотал Гарри. — Гейл вам все покажет. Ладно, милочка? А сейчас надо бежать. Старина Марроу, заметьте себе, не кто-нибудь, а президент гольф-клуба... Рад был познакомиться. Надеюсь, вы узнали все, что необходимо... Звоните, если возникнут еще вопросы.

— Спасибо, — ответил я, но он уже исчез. Они поднялись наверх, потом спустились в холл, входная дверь хлопнула, от дома отъехал автомобиль. Дом погрузился в тишину.

— Они не то чтобы пьяницы, — произнесла Гейл. — Просто живут от одной выпивки до другой.

Очередь Гейл объяснять. Однако в ее тоне я не уловил ни малейшего желания оправдываться, не то что у Сары.

— Наслаждаются жизнью, — откликнулся я.

Гейл приподняла брови.

— Правда? Да, пожалуй. Мне и в голову не приходило.

«Эгоистична, — подумал я. — Холодна. Бесчувственна... Все, что я ненавижу в женщинах. Все, что мне необходимо в женщине. Слишком соблазнительна».

— Посмотрите фотографии? — спросила она.

— Да, пожалуйста.

Она принесла альбом, и мы перелистали его. Все газетные вырезки я знал. Ни одна из фотографий не оказалась достаточно изысканной для «Тэлли». Я сказал, что придется захватить еще раз с фотоаппаратом. Гейл отложила альбом и встала.

— Они позвонят от Марроу часа через два, не раньше. Может, останетесь и выпьете чего-нибудь?

Я взглянул на часы. Поезда ходили через каждые тридцать минут. Ну, допустим, на следующий я не успею... Там была Элизабет. А здесь — Гейл. И времени всего час.

— Хорошо, — сказал я. — Остаюсь.

Она налила мне пива. И сама взяла стакан. Я снова сел на диван, а она грациозно опустилась на огромный бархатный пуф.

— Вы, конечно, женаты?

— Да.

— Все интересные мужчины обычно женаты.

— А вы почему не выходите замуж?

В улыбке блеснули белые влажные зубы.

— А-а... С этим можно подождать.

— И долго ждать?

— Ну, думаю, пока не встречу человека, расставания с которым не смогу перенести.

— А вы уже расстались с несколькими?

— Да, с несколькими. — Она кивнула, глотнула пива и вызывающе посмотрела на меня. — А вы? Вы не изменяете жене?

Я заморгал. И ответил осторожно:

— Почти нет.

— А иногда?

— Нечасто.

Выдержав долгую задумчивую паузу, она коротко произнесла:

— Хорошо.

— Это что же, прикажете рассматривать как философское замечание или как конкретное предложение?

Она рассмеялась:

— Просто хочу четко представлять ситуацию.

— Чтобы знать, на что рассчитывать.

— Ненавижу всяческую неразбериху, — кивнула она.

— Особенно, наверное, эмоциональную неразбериху.

— Вы правы.

«Она никогда не любила, — подумал я. — В ее жизни был секс, но любви не было. Как раз то, что мне нужно». Я поборол коварный внутренний голос и задал типично журналистский вопрос о работе.

— Работа как работа. — Она пожала плечами. — Из ста студентов, может быть, один по-настоящему талантлив. По большей части амбиций у них в пять раз больше, чем идей.

— А сами вы занимаетесь моделированием?

— Почти нет. Придумываю иногда что-нибудь для себя или для Сары. Мне нравится преподавать. Доводить художественное невежество до уровня подлинного мастерства.

— И замечать потом отголоски своих идей по всей Оксфорд-стрит?

Она кивнула, глаза ее блеснули и улыбались.

— Сейчас на пяти крупнейших фабриках готового платья работают мои ученики. Стиль одного из них настолько индивидуален, что, глядя на витрину, можно безошибочно отличить его работы от других.

— Я вижу, вам нравится осознавать свою власть?

— А кому-то не нравится?

— Как сказать...

— Власть всегда разлагает? — Голос ее звучал саркастически.

— Каждого в своей мере. Интересно знать, в чем Ваша слабость?

Она засмеялась:

— Деньги, я думаю. Преподавателям их вечно не хватает.

— Но зато у вас есть власть.

— Надо же иметь хоть что-нибудь, раз нельзя получить все.

Я опустил голову, чувствуя, как исказилось мое лицо. Трудно подобрать более точные слова для описания положения, в котором я пребывал вот уже одиннадцать лет.

— О чем задумались? — спросила Гейл.

— О том, как бы вас завоевать.

Она, казалось, онемела от возмущения. Я поднял глаза, готовый к любым проявлениям женского самолюбия. Ведь я мог и ошибиться в ней.

Но я не ошибся. Она смеялась. Польщенная.

— Весьма откровенно.

— Ага.

Я поставил стакан на стол и поднялся, улыбаясь:

— Опаздываю на поезд.

— Уходить? После таких-то откровений?

— Именно после таких.

Вместо ответа она приблизилась, взяла меня за руку и вложила пальцы в золотое кольцо, венчавшее застежку «молнию» у нее на платье.

— Иди сюда.

— Но мы знакомы всего три часа, — запротестовал я.

— Однако раскусил ты меня через три минуты.

Я отрицательно помотал головой:

— Три секунды.

Зубы ее блеснули.

— Мне нравятся незнакомцы.

Я потянул кольцо вниз и понял, что именно этого она и ждала.

* * *

Мне казалось, весь мир отлетел куда-то на миллион световых лет, и я не торопил его возвращение.

— А что, твоя жена тебя не слишком балует?

«Элизабет, — подумал я, — о Господи, Элизабет! Но иногда, хотя бы иногда...»

Столь хорошо знакомое ощущение вины захлестнуло меня горячей волной. Мир снова придвинулся вплотную.

Я сидел, слепо всматриваясь в темнеющую комнату. Гейл, видимо, поняла, что допустила бестактность, со вздохом поднялась и не сказала больше ни слова.

«В горе и радости, — с болью думал я. — В бедности и богатстве. В болезни и благополучии буду с тобой, только с тобой, пока не разлучит нас смерть».

Так я поклялся. В ту пору клятвы давать было легко. Но я не сдержал слова. Гейл была четвертой за одиннадцать лет. И первой почти за три года.

— Будешь так сидеть и дальше, опоздаешь на поезд, — прозаически заметила она.

Я взглянул на часы: оставалось пятнадцать минут.

Она вздохнула:

— Так и быть, подвезу тебя до станции.

Мы успели с запасом. Я вышел из машины и вежливо поблагодарил.

— Еще увидимся? — спросила она. Без всякой заинтересованности в голосе. Ей просто нужна была информация.

Как далека и холодна была она теперь. Включилась, выключилась. Как раз это меня и устраивало.

— Не знаю, — нерешительно пробормотал я. Светофор на краю платформы загорелся зеленым.

— До свидания, — спокойно сказала она.

— А что, Гарри и Сара всегда играют в гольф по воскресеньям? — осторожно спросил я.

— Всегда.

— Тогда, может быть...

— Может, позвонишь, а может, нет, — кивнула она. — Что ж, по крайней мере, это честно. А я, может, буду дома, а может, нет. — Отчужденно улыбаясь, она смотрела на меня через опущенное боковое стекло.

О, такая не зарыдает, если я не появлюсь! Но если приеду — примет.

Она подняла стекло и отъехала. Не махнув рукой, не обернувшись.

Зеленая гусеница электропоезда тихо подползла к станции, чтобы унести меня домой. Сорок минут до вокзала Ватерлоо, потом на метро до Кингс-кросс. И три четверти мили пешком.

* * *

— Вы опоздали, — произнесла мать Элизабет с заранее рассчитанной долей раздражения.

— Извините.

Я наблюдал, как она сердито, рывками, натягивает перчатки. Пальто и шляпа были уже на ней.

— Поразительная беззаботность! Пока доберусь до дома, будет почти одиннадцать.

Я промолчал.

— Эгоист. Все мужчины эгоисты.

С ней не было смысла ни соглашаться, ни спорить. Неудачное и кратковременное замужество оставило в ее душе незаживающие раны, которые она усердно демонстрировала перед единственной дочерью. Когда я познакомился с Элизабет, та панически боялась мужчин.

— Мы ужинали, — сказала теща. — Посуду я оставила миссис Вудворд.

Не было ничего радостнее для миссис Вудворд, как обнаружить в понедельник утром груды грязных тарелок с застывшим на них жиром.

— Прекрасно, — ответил я, фальшиво улыбаясь.

— До свидания, Элизабет! — крикнула она.

— До свидания, мама!

Я распахнул перед ней дверь.

— Ну, до следующего воскресенья!

— Рад буду видеть вас.

Она желчно улыбнулась, зная, что я лгу. Днем ее посещения было воскресенье. Далеко не каждую неделю я мечтал видеть ее в нашем доме. Но в следующий раз это даст мне возможность поехать в Вирджиния-Уотерс. В размышления о том, как воспользуюсь своей свободой, я постарался не углубляться. Она удалилась, а я подошел к Элизабет и поцеловал ее в лоб.

— Привет.

— Привет, — ответила она. — Удачно провел день?

Удар, от которого перехватило дыхание.

— Ага.

— Я рада... Мама опять оставила посуду.

- Не беспокойся, я перемою.
- Что бы я делала без тебя...

Оба мы прекрасно знали ответ на этот вопрос. Без меня она провела бы остаток жизни в больничной палате, как заключенный, без малейшей надежды на освобождение. Она не могла дышать без электрического насоса, тихо гудевшего у подножия кровати, приподнятой в изголовье. Она не могла сама ни поесть, ни помыться в ванной. Моя жена Элизабет была на девяносто процентов парализована в результате полиомиелита.

Глава 3

Мы жили над рядом запертых гаражей на месте бывших конюшен за Грейс-Инн-роуд. Компания по застройке нового района недавно снесла все старые здания напротив, и закатное солнце беспрятственно проникало в наши окна. На площадке были возведены опоры для строительства новых домов. Если по окончании постройки они заслонят нам свет, придется подыскать другое жилище. Не слишком приятная перспектива. Мы уже пересезжали два раза, и это было сопряжено с огромными трудностями.

Поезда к ипподромам отправлялись из Лондона, поэтому, чтобы сэкономить на дороге, мы поселились в десяти минутах ходьбы от «Блейз». В Лондоне лучше жить на окраине, чем в центре: все наши соседи знали об Элизабет и, проходя мимо, иногда заходили, чтобы поздороваться с ней, поболтать или занести покупки.

По утрам приходила районная медсестра и делала Элизабет паровые растирания, чтобы не было пролежней. Миссис Вудворд, сестра с незаконченным медицинским образованием, работала у нас с понедельника по субботу, с полдесятого до шести, но ее всегда можно было попросить и задержаться.

Главная проблема заключалась в том, что Элизабет нельзя было оставить одну ни на минуту из-за опасности перебоев в энергоснабжении. При отключении электричества в сети дыхательный насос подключался к электробатарее, можно было приводить его в действие и ручным способом, но на этот случай в квартире постоянно должен был кто-то находиться, и делать это следовало быстро и четко. Миссис Вудворд, добродушная пожилая женщина, была в этом смысле вполне надежна, и Элизабет любила ее. Она, помимо всего прочего, была весьма дорогостоящей сиделкой, так как государство «всеобщего благоденствия» становилось немо как рыба, когда речь заходила о недееспособных женах: я не мог добиться даже налоговой скидки для оплаты услуг миссис Вудворд. Но мы никак не могли обойтись без нее и потому были бедны — вот в чем штука.

В одном из гаражей рядом с домом стоял заезженный фургон «Бедфорд», единственно приемлемый для нас вид транспорта. Я оборудовал его кроватью типа носилок, насосом, батареями и прочими приспособлениями, и, хотя каждую неделю выбираться на прогулку было делом слишком хлопотным, фургон вносил в жизнь Элизабет некоторое разнообразие и позволял подышать свежим воздухом. Пару раз мы пробовали провести уик-энд в кемпинге у моря, но ей там было неудобно и беспокойно, оба раза шел дождь, и мы решили больше не ездить. «Вполне достаточно и дневных прогулок», — говорила она.

Респираторный аппарат «Спирашелл» был современным, «панцирного» типа. Он слегка напоминал панцирь от рыцарских доспехов. Целиком охватывая грудь спереди, он заканчивался по бокам толстым валиком из латекса и закреплялся на спине ремнями. Дыхание осуществлялось всасыванием воздуха.

Насос, подсоединенный к «Спирашеллу» с помощью широкого гибкого шланга, создавал внутри корпуса частичный вакуум, а затем опять подавал воздух. Под действием вакуума грудная клетка поднималась, и воздух проникал в легкие. При подаче воздуха грудная клетка сжималась, и происходил выход.

«Спирашелл», гораздо более легкий и удобный в обращении, чем респиратор старого типа, обладал одним существенным недостатком. Как мы ни старались, сколько свитеров и шарфов ни подсовывали между латексным валиком и ночной рубашкой, побороть создаваемый им сквозняк не удавалось. Летом, когда в квартире было тепло, никаких проблем не возникало. Но холодный воздух, постоянно дующий на грудь, раздражал Элизабет. Кроме того, холод сводил к минимуму даже те небольшие двигательные рефлекссы, которые сохранились в левой руке и запястье и от которых она целиком зависела. Наши ежемесячные счета за отопление были поистине астрономическими.

За те девять лет, что она провела вне больницы, мы успели приобрести почти все мыслимые и немыслимые приспособления. Квартира была буквально опутана проводами и блоками. Элизабет могла читать книги, задергивать шторы, включать и выключать свет, радио и телевизор, говорить по телефону и даже печатать письма на пишущей машинке. Все эти чудеса осуществлялись с помощью электроаппарата под названием «Опоссум». Последним нашим достижением был электроблок, поднимающий и поворачивающий ее левый локоть и предплечье, благодаря чему она могла есть некоторые блюда без посторонней помощи. А закрепленной в нем зубной щеткой она даже могла самостоятельно почистить зубы.

Я спал на диване в той же комнате, над ухом у меня висел колокольчик на случай, если ночью

ей понадобится моя помощь. Колокольчики были развешаны также в ванной, кухне и в той комнатке, где я работал. Все это вместе с просторной гостиной и составляло нашу квартиру.

Мы были женаты три года, и нам обоим было по двадцать четыре года, когда Элизабет заболела полиомиелитом. Мы жили тогда в Сингапуре, где я работал в агентстве Рейтер, и как раз собирались домой, на родину, чтобы провести там месячный отпуск.

В самолете Элизабет стало плохо. Свет резал глаза, голова раскалывалась от боли, словно в затылок ей вогнали железный стержень, саднило в груди. Выйдя из самолета в Хитроу, она прошла несколько шагов и упала на асфальт. И это был последний раз, когда она стояла на ногах.

Наша любовь друг к другу помогла пережить все, что последовало дальше. Бедность, отчаяние, слезы, крушение надежд. Через несколько лет настал период относительно благополучного существования с удобным жильем, приличной работой, упорядоченным, налаженным бытом. Мы были по-настоящему близкими друзьями.

Но она не могла быть для меня, как прежде, женой. Я сказал, что придется, пожалуй, с этим поременить, она улыбнулась, как мне показалось, с огромным облегчением, и больше этот вопрос никогда уже не обсуждался.

* * *

На другой день после поездки в Вирджиния-Уотерс я вышел из дома, сел в фургон и направился на север, к Эссексу. На сей раз я избрал жертвой фермера, напавшего на золотоносную жилу, — Тидли Пома, предполагаемого фаворита в скачках на Золотой кубок.

Буйно разросшиеся сорняки обрамляли полуразбитую дорожку, которая от пары гниющих во-

ротных столбов вела к ферме Виктора Ронси. Сам дом, невзрачное сооружение грязно-кирпичного цвета, стоял среди вороха опавшей неубранной листвы и безучастно взирал на мир симметричными, давно не мытыми окнами. Выгоревшая краска на рамах облупилась, дымка над трубой не было.

Я постучал в заднюю полуоткрытую дверь, но никто не откликнулся. Через небольшую прихожую прошел в дом. Громко тикали дешевые настенные часы. В нос ударил резкий запах резиновых веллингтоновских сапог и коровьего навоза. На краю кухонного стола кто-то оставил пакет с мясом, и тонкая водянистая струйка крови, просочившаяся через бумагу, образовала на полу розовую лужицу.

Выйдя из дома, я пересек захламленный двор и заглянул в пару сараев. В одном стоял трактор, покрытый слоем грязи шестилетней давности. В другом я обнаружил кучу ржавых инструментов и старых сломанных рам, а также спиленные ветки деревьев. Под большим навесом, кроме грязи и паутины, ничего не было.

Пока я болтался по двору, не зная, куда отправиться дальше на поиски, из-за угла дальнего строения появился здоровенный молодой парень в вязаной полосатой шапочке с алым помпоном. На нем был просторный, давно не стиранный свитер бледно-голубого цвета и грязные джинсы, заправленные в тяжелые резиновые сапоги. Светловолосый, с круглым обветренным лицом, он выглядел добродушным и простоватым.

— Привет, — сказал он, — кого ищете?

— Я к мистеру Ронси.

— А он там, через дорогу, лошадьми занимается. Загляните попозже.

— А когда он освободится?

— Может, через час, не знаю, — пожал он плечами.

— Тогда я там его подожду, если не возражаете, — сказал я, махнув рукой в сторону своего фургона.

— Дело ваше.

Он двинулся к дому, но вдруг остановился, обернулся и пошел назад.

— Эй, а вы не тот парень, который звонил папаше?

— Какой парень?

— Джеймс Тайрон.

— Да, это я.

— Что ж вы сразу-то не сказали? Я думал, просто так, прохожий... Заходите в дом. Завтракать будем?

— Завтракать?

Он усмехнулся:

— Ага. Знаю, сейчас почти одиннадцать. А я встал еще шести не было. Успел опять проголодаться.

Он провел меня в дом через ту же заднюю дверь, не обратил никакого внимания на оттаявшее мясо, тяжело ступая, направился к дальней двери, что вела в комнаты, и распахнул ее.

— Ма! — крикнул он. — Ма! — Он пожал плечами и вернулся в кухню. — Где-то ходит. Ну ничего... Яичницу будете?

Я отказался, но, когда он достал огромную сковороду и щедро наполнил ее беконом, то передумал.

— Сварите пока кофе.

Скамья возле раковины была заставлена в ряд кружками, молотым кофе, сахаром, молоком, чайником и ложками.

— Наша ма, — улыбаясь, пояснил он, — умеет экономить время и энергию.

Он ловко зажарил шесть яиц, разделил на две равные порции и положил на каждую тарелку по огромному ломтю свежего белого хлеба.

Мы сидели за кухонным столом, и мне показалось, что уже давно я не ел так вкусно и сытно. Он неторопливо жевал, пил кофе, потом отодвинул тарелку и закурил.

— Я Питер, — представился он. — Здесь редко бывает так тихо, но сейчас ребяташки в школе, а Пэт с отцом.

— Пэт?

— Мой брат. У нас в семье свой жокей. Только не думаю, что вы о нем слышали.

— Боюсь, что нет.

— Я читаю ваш раздел. Почти каждую неделю.

— Я рад.

Покуривая, он наблюдал, как я справляюсь с яичницей.

— А вы не очень-то разговорчивы для журналиста.

— Больше слушаю.

Он усмехнулся.

— Вот и правильно.

— Тогда расскажите о Тиддли Поме.

— Ну нет. Это вам надо говорить с отцом или Пэтом. Они помешались на лошадях. А я занимаюсь фермой... — Он внимательно посмотрел на меня, стараясь понять, какое это произвело впечатление. Ведь он был еще совсем юным, хотя почти с меня ростом.

— Вам лет шестнадцать?

— Ага. — Он презрительно фыркнул. — Однако на деле все это пустая трата времени.

— Почему?

— Почему? Да все из-за этого проклятого шоссе. Они почти закончили это чертово четырехполосное чудище, а проходит оно вон там, по ту сторону поля. — Он махнул рукой с зажатой в ней сигаретой в сторону окна. — Отец до смерти боится, что у Тиддли Пома начнется нервное расстройство,

когда по дороге будут грохотать тяжелые грузовики. Уже два года мы пытаемся продать ферму, но никто не покупает, и их можно понять. — Он помрачнел. — И потом неизвестно — ведь они вполне могут отхватить еще кусок земли, забрали же те пятьдесят акров. Вот и настроения нет поддерживать тут порядок, правда?

— Да уж конечно, — согласился я.

— Шли разговоры, что наш дом снесут, — продолжал Питер. — Очень удобное место для станции обслуживания, с разными там ресторанами и большой стоянкой для машин... Единственный человек, кому нравится дорога, — мой брат Тони, он собирается стать автогонщиком. Ему одиннадцать... Вот чудило!

За окном послышался хруст гравия и цокот копыт, звуки приближались. Мы с Питером поднялись и вышли во двор. Три лошади пересекли ухабистую дорожку и остановились перед нами. Всадник на первой лошади соскользнул на землю, передал поводья второму и подошел. Подтянутый жилистый мужчина лет под пятьдесят с густыми каштановыми волосами и усами цвета горчицы.

— Мистер Тайрон?

Я кивнул. Он наградил меня крепким рукопожатием, что вполне гармонировало с его манерами и голосом, и посторонился, чтобы дать мне возможность как следует разглядеть лошадей.

— Вот этот гнедой и есть Тиддли Пом. — Он указал на третью лошадь, на которой ехал молодой человек, очень похожий на Питера, только, пожалуй, не такой крупный. — А это Пэт, мой сын.

— Очень красивая лошадь, — с трудом выдавил я. Владельцы по большей части ожидают похвал, но внешние данные Тиддли Пома говорили неопытному глазу не больше, чем неограниченный алмаз. Ничем не примечательная голова, слегка

опущенная к слабому плечу, да к тому же еще и тощий, как селедка. Такая лошадь выглядит одинаково нелепо и на дворе фермы, и на ипподроме.

— Ну нет! — рявкнул Ронси. — Он хорош в деле, а не на вид. И нечего тут льстить — я этого не люблю.

— Что ж, по крайней мере, это честно, — смиренно произнес я. — У него некрасивые голова и шея, да и седло в боках он как следует не заполнит.

— Так-то оно лучше. Вы, видать, знаете в этом толк. Проведи его по двору, Пэт.

Пэт повиновался. Тиддли Пом заскакал трясским аллюром, который раз в сто лет отличает прирожденного чемпиона. Эта лошадь, выведенная от чистокровной кобылы-гунтера и премированного жеребца, была потрясающим прыгуном и обладала невиданной для своей родословной скоростью. Когда вдруг появляется такой самородок, не только зрителям, но и самому хозяину нужно какое-то время, чтобы оценить его в должной мере. Сама индустрия по разведению скаковых лошадей подсознательно отрицает возможность того, что «звезда» в двадцать два карата может отыскаться в стойлах какого-то мелкого владельца. Тиддли Пому понадобилось целых три сезона участия в скачках, чтобы утвердиться в этом качестве.

— В прошлом году мы испытывали его в открытом гандикапе, — сказал Ронси.

— И он выиграл четыре скачки из шести, — закончил я за него.

— Ну ясно, вы это знаете по долгу службы. Пэт! — крикнул он. — Сведи его в стойло! — Он снова повернулся ко мне и спросил: — Хотите посмотреть остальных?

Я кивнул и вслед за Пэтом и двумя другими лошадьми отправился через двор к строению, из-за угла которого так неожиданно появился Питер.

За ветхим амбаром выстроились в аккуратный ряд шесть чистеньких деревянных боксов под шиферными крышами, со свежеокрашенными деревянными дверьми. В отличие от упадка, царившего на ферме, они содержались в идеальном порядке. Нетрудно было догадаться, куда вкладывает фермер сердце и душу, — конечно же, в главное свое сокровище.

— Ну вот, — сказал Ронси. — У нас всего одна скаковая лошадь, кроме Тиддли Пома, и это Клондайк, на котором я только что был верхом. Весной он участвовал в скачках гунтеров. По правде сказать, не очень удачно. — Он подошел ко второму боксу, ввел лошадь внутрь и привязал. Когда снял седло, я увидел, что Клондайк куда в лучшей форме, чем Тиддли Пом. Это, впрочем, мало о чем говорило, разве что о том, что здоровье так и распирало его шкуру.

— Выглядит он отлично, — отметил я.

— Дармоед, — бесстрастно произнес Ронси.

— Он иноходец, — с сожалением прокомментировал Пэт у меня над ухом. — Никак не может перейти на рысь. Жаль...

Несмотря на немногословие, я различил в его голосе нотку злорадства и искоса взглянул на него. Он спохватился и попытался изменить выражение лица, однако я догадался, что успехи лошадей вызывают у него противоречивые чувства. Рано или поздно они будут участвовать в скачках на национальный приз, а он — нет. Там нанимают более опытных жокеев — любителей и профессионалов. В отношениях между отцом и сыном существовали свои сложные подводные течения и острые углы.

— А кто в других стойлах? — спросил я Ронси.

— Вон там, с краю, старый серый гунтер и две кобылы, обе жеребые. Одна из них Пиглет,

мамаша нашего Тиддли Пома. А отец — тот же производитель.

«Молния, — подумал я, — редко ударяет в одно и то же дерево».

— Что ж, тогда вы сможете выгодно продать жеребенка.

Он презрительно фыркнул:

— Она числится за фермой.

Я усмехнулся про себя. Фермеры имели право тренировать лошадей, вкладывая в них немалые деньги, но при продаже лошадь попадала под статью дохода, и сумма облагалась большим налогом. При продаже Тиддли Пома или его брата Ронси пришлось бы отдать почти половину выручки департаменту налоговых сборов.

— Джо, выведи кобыл, — сказал Ронси третьему наезднику, безмолвному и хрупкому на вид старичку. Кожа на его лице и руках была обветренная и походила на древесную кору. Джо выпустил лошадей на луг. Питер стоял у ворот рядом с Пэтом. Он был крупнее брата, увереннее в себе и куда простодушней.

— Славные у вас сыновья, — обратился я к Ронси.

Тот поджал губы. Сыновья, по-видимому, не доставляли предмет его гордости. В ответ на мой заискивающий комплимент он буркнул:

— Пошли в дом. Там и спросите все, что вас интересует. Вы сказали, что для журнала?

Я кивнул.

— Пэт! — крикнул он. — Привяжи этих трех как следует и задай им корма, а Джо пусть займется изгородью. Питер, у тебя тоже дел полно. Ступай работать!

В молчаливом повиновении мальчиков таился закипающий бунт. Они нарочно помедлили, а потом двинулись прочь, храня невозмутимое выраже-

ние на лицах. Крышка на кипящем котле с пара. В один прекрасный день Ронси может и ошпариться.

Мы быстро пересекли двор и прошли в кухню. Мясо все еще текло. Ронси обошел лужицу и дал мне знак следовать за ним в небольшую полутемную прихожую.

— Мэдж! — крикнул он. — Мэдж!

Отцу повезло не больше, чем сыну. Он, как и Питер, пожал плечами и провел меня в комнату, убогую и обшарпанную, как и все в доме. Вокруг на полу и стульях валялись разные предметы, письма, газеты, одежда, игрушки и прочий совсем уже непонятный хлам. На подоконнике стояла ваза с давно увядшими и засохшими хризантемами, а на полке бесстыдно красовалась паутина. В камине громоздилась куча остывшего еще вчера пепла.

— Садитесь, если найдете где, — сказал Ронси. — Мэдж позволяет ребятам творить в доме черт знает что. Слишком мягка с ними. Вне дома я этого не терплю.

— А сколько их у вас?

— Мальчиков? Пятеро.

— И дочь?

— Нет, — отрубил Ронси. — Пятеро сыновей. — По-видимому, эта ситуация его серьезно угнетала. — Что за журнал?

— «Тэлли». Им нужен занимательный материал к предстоящим скачкам на Золотой кубок, и я решил для разнообразия забыть о знаменитостях и высветить факелом прессы другой объект.

— Понял, — несколько заносчиво сказал он. — Кстати, обо мне уже писали раньше.

— Я знаю, — успокоил я его.

— И о Золотом кубке тоже. Сейчас покажу.

Он вскочил, подошел к двухтумбовому письменному столу, целиком выдвинул один ящик и перенес его к моему дивану. Водрузил ящик посередине,

смахнул на пол измятый свитер, две сломанные игрушечные машинки, растрепанный сверток в коричневой бумаге и уселся на освободившееся место.

В ящике оказалась стопка газетных вырезок вперемешку с фотографиями. Никаких вам дорогих кожаных альбомов, как у Хантерсонов.

Внезапно я подумал о Гейл. Я видел, как Ронси что-то говорит мне, но думал о ней. О душистой и смуглой коже. Ронси что-то спросил, но я не расслышал.

— Ради Бога, простите.

— Я говорю, знаете ли вы Берта Чехова? — Он держал в руке длинную газетную вырезку с фотографией и крупным заголовком: «Тиддли Пом вернулся».

— И да... и нет, — ответил я неуверенно.

— Не понимаю, — буркнул он. — Я думал, вы знакомы, раз занимаетесь общим делом.

— Я знал его. Он умер. В прошлую пятницу.

Я читал заметку, а Ронси пытался выразить сожаление по поводу случившегося, хотя безразличие, звучавшее в его голосе, явно портило весь эффект.

Берт Чехов рассказывал читателям о шансах Тиддли Пома в предстоящих скачках на кубок. По его мнению, устроители, поместившие лошадь в весовую категорию десять и семь десятых стонов, страдали слепотой и умственной неполноценностью, а всем понтерам, не бросившимся тут же делать на него ставки, следовало бы нанять няньку, которая утирала бы им сопли. Он призывал всех и каждого торопиться со ставками, пока букмекеры не наткнулись на это «золотое дно». В свойственном Берту залихватском стиле лошадь была разрекламирована, точно четырехступенчатая ракета.

— Незнаком с этой статьей, — сознался я. — Видимо, пропустил.

— Он звонил в прошлый четверг, а напечатали ее в пятницу. Наверное, в тот самый день, когда он погиб. Я, честно сказать, не ожидал, что она появится. Мне показалось, он был в стельку пьян...

— Вполне возможно, — ответил я.

— И это мне не понравилось.

— Статья?

— Сам-то я не ставил на Тиддли Пома — вот в чем дело. А он этой своей болтовней здорово сбил цену, и когда в пятницу я позвонил своему букмекеру, тот не давал мне больше ста к восьми. Но сегодня они сделали его фаворитом при восьми к одному, а до скачек еще целые три недели. Это верно, конечно, что Тиддли Пом хорошая лошадь, но он все же не Аркл. Мне, честно говоря, это было непонятно.

— Вам непонятно, почему Чехов так разрекламировал его?

Он помедлил с ответом.

— Хвалить хвали, но ведь всему же есть мера.

— Однако вы, наверное, надеетесь выиграть?

— Надеюсь. Конечно, надеюсь. И потом это самые крупные скачки, в которых нам доводилось участвовать. Я не уверен, что он победит, — вот в чем дело.

— Шансов у вас не меньше, чем у других, — сказал я. — Потом, надо же Чехову чем-то заполнить свою колонку! Читателям не угодишь вялой болтовней, им подавай определенность.

Он улыбнулся, не разжимая губ. Улыбка человека, не желающего вникать в проблемы других даже когда речь идет о его сыновьях.

Дверь открылась, и в комнату вошла крупная женщина в желтом цветастом платье. Она была без чулок. Опухшие лодыжки нависали над краями синих истрепанных туфель. Однако она была легка на ногу и двигалась медленно, поэтому ее поступь производила впечатление какого-то бесте-

лесного перемещения в пространстве — фокус не из легких, если учесть, что весила она никак не меньше двенадцати стонов.

Копна чудесных светло-каштановых волос аморфным облаком окутывала лицо, с которого на мир, словно в полусне, взидала пара мечтательных глаз. Лицо было округлым и мягким, лицо немолодой, но одновременно и незрелой женщины. «Выдуманый, нереальный мир, — неприязненно подумал я, — занимает ее куда больше, чем действительность».

— А я и не знала, что ты здесь, — сказала она.

Ронси привстал вслед за мной.

— Мэдж, это Джеймс Тайрон. Помнишь, я говорил, что он должен приехать.

— Разве? — Она перевела на меня отсутствующий взгляд. — Ну, не буду вам мешать.

— Где ты была? — спросил Ронси. — Ты что, не слышала, как я тебя звал?

— Звал? — Она покачала головой. — А я застилала кровати. — Она стояла посреди комнаты, задумчиво обводя взором весь этот бедлам.

— Что же ты камин не затопила?

Я произвольно взглянул на кучу пепла за решеткой, однако для нее это была не помеха. Из обшарпанного дубового ящика, стоявшего у каминной плиты, она извлекла горсть щепок и растопку. Слегка поковыряв кочергой в камине, водрузила все эти предметы на кучу золы, зажгла спичку, потом растопку и соорудила подобие шалашика из угля. Новый огонь мирно разгорался на остатках старого, а Мэдж взяла метлу и замела несколько угольков с глаз долой, за поленницу.

Как замороженный, я наблюдал за ее хозяйственными манипуляциями. Она подплыла к засохшему букету, открыла окно и выбросила цветы во двор. Потом выплеснула туда же воду из вазы, поставила ее на подоконник и захлопнула окно.

Из-за дивана, на котором сидели мы с Ронси, она вытащила огромную коробку из коричневого картона, до половины заполненную таким же хламом, что валялся вокруг. Методично передвигаясь по кругу, она подбирала все, что попадалось под руку, и швыряла в коробку. Операция заняла минуты три. Потом она затолкала коробку за диван и на пути к двери отшвырнула в сторону две подушки — сиденья от кресел. Прибранная, с ярко горящим огнем в камине комната выглядела теперь совсем по-другому. Только паутина оставалась на прежнем месте, но кто знает, может, завтра наступит и ее черед... Питер был прав. Ма умела экономить время и энергию, неважно, что движущим мотивом была самая заурядная лень.

Ронси настоял, чтобы я остался к ленчу. Мальчики ели молча и сосредоточенно. Мэдж сидела, задумчиво вперив глаза в пространство, и созерцала сцены, пронесившиеся, по-видимому, в ее воображении.

Когда я уже уходил, Пэт попросил подбросить его до Бишопс Стортфорд и под хмурым взглядом отца с вызывающим видом расположился на переднем сиденье. Ронси крепко пожал мне руку, выразив надежду получить экземпляр с очерком. «Обязательно», — обещал я, зная, однако, крайнюю скупость «Тэлли». Придется посылать самому.

Ронси махнул на прощание рукой, строго предупредив Пэта, что ждет его назад с четырехчасовым автобусом. Не успели мы проехать через ворота, как Пэт принялся изливать мне душу.

— Он обращается с нами как с младенцами! От ма толку нет, она никогда не слушает, что ей говорят...

— А почему бы тебе не уехать отсюда? — предложил я. — Тебе сколько? Девятнадцать?

— Исполнится в следующем месяце... Не могу уехать, и он это знает. Ведь я мечтаю стать жокеем. Сразу в профессионалы не возьмут — меня мало кто знает. Кому охота сажать на свою лошадь неизвестно кого! Надо начинать любителем и делать себе имя, это отец так говорит. А любителем мне не стать. Не хватает ни денег, ни времени.

— А конюхом поработать не хочешь?

— Помогите мне, очень вас прошу! Ведь по правилам нельзя одновременно и работать в конюшнях, и быть наездником-любителем, даже если ты секретарь, ассистент или что-то в этом роде. Это чертовски несправедливо! Только не говорите, что, работая там, я могу сразу получить лицензию профессионала. Теоретически — да. А сколько вы знаете ребят, которые смогли таким образом стать жокеями? Да никого! Абсолютно ни одного. Сами знаете.

Я кивнул.

— Сейчас я работаю с лошадьми, это правда — у нас их шесть, и приходится здорово вкалывать. Хотите верьте, хотите нет, но старик Джо — единственный работник на всей ферме, кроме нас. И дел у него по горло. Да разве я против самой работы! Даже если это почти бесплатно, как у нас. Я бы и слова не сказал, если бы отец позволил мне участвовать в больших скачках. А он не разрешает, говорит, опыта у меня маловато, да и где ж мне набраться этого самого опыта, коли все вот так... Хватит, сыт по горло всей этой свистопляской, честно вам говорю...

Мрачные рассуждения продолжались на всем пути до Бишопс Стортфорд.

Глава 4

Дознание по делу о смерти Берта Чехова проводилось в понедельник днем. Официальное заключение: несчастный случай. Ведь он был мертвецки

пьян, как сказала одна из свидетельниц, машинистка. Мертвецки пьян...

А когда ударился об асфальт, превратился просто в мертвеца.

Когда во вторник утром я появился в редакции, Люк-Джон и Дерри обсуждали, идти или не идти на похороны, которые должны были состояться в среду.

— Кроксли... — сказал Дерри. — Где это?

— Уотфорд, — объяснил я. — По столичной линии. Прямоком без пересадки до Феррингтон-стрит.

— Флит-стрит нужна своя станция метро, — мрачно заметил Дерри. — Чтоб не тащиться до этой дурацкой Феррингтон-стрит. Это же добрые три четверти мили отсюда.

— Если так, то мы быстро управимся, — начальственно резюмировал Люк-Джон. — Считаю, мы все должны присутствовать.

Дерри украдкой взглянул на миниатюрную карту метро, вклеенную в записную книжку.

— Кроксли... Следующая после Уотфорда. Что же это за место?

В Уотфорде у меня когда-то была девушка. Вторая. Я мотался по столичной линии, а Элизабет жила под впечатлением моей сверхзанятости в «Блейз». Грех и предательство — столь хорошо знакомые мне попутчики. От Уотфорда до Вирджиния-Уотерс, оттуда — еще куда-нибудь...

— Тай, — отрывисто окликнул меня Люк-Джон.

— Да?

— Похороны в два тридцать. За час, я думаю, доберемся.

— Я пас, — ответил я. — Должен заняться статьей для «Тэлли». Дня два еще уйдет па интервью.

Он пожал плечами:

— Я полагал...

— Ну и до какой отметки глубины ты успел добраться? — спросил Дерри. Он сидел, закинув

ноги на стол. По вторникам в воскресной газете работы не было.

— До семейства Ронси. До Тиддли Пома.

Дерри фыркнул:

— А-а, предполагаемый фаворит...

— Собираешься на него ставить? — с интересом спросил я.

— Не думаю. Он выиграл несколько скачек, но до настоящего класса ему далеко.

— А Берт здорово его разрекламировал. Прямо-таки драматический призыв к публике не упустить своего шанса, пока есть возможность. Писал он в прошлый четверг. Видно, сразу после того как в календаре напечатали список, а в газете заметка появилась в пятницу. Ронси показывал мне вырезку. Сказал, что Берт звонил ему сильно пьяный.

Люк-Джон вздохнул.

— То-то и оно, — решительным тоном заметил Дерри. — Нет смысла ставить на лошадь, раз ее так превозносит Берт.

— Почему?

— Все эти перспективные фавориты и победители Берта никогда не выходили на старт.

Люк-Джон так напряг шею, что на ней, словно веревки, выступили крупные сухожилия, и крепко растер кадык.

— Э-э, безусловно, риск есть всегда...

— Ты что, серьезно? — спросил я Дерри.

— Конечно. Очень жаль твою статью в «Тэлли» и все такое прочее, — усмехнулся он, — но гарантирую: к моменту ее выхода в печать ты узнаешь, что Тиддли Пом не допущен к скачкам.

С растерянным видом он вертел в руках резинку, а Люк-Джон молча перебирал какие-то бумаги на столе. По спине у меня поползли мурашки.

— Дерри, — наконец вымолвил я, — ты в этом уверен?

— О чем ты?

— Что Берт Чехов всегда рекламировал не выходящих на старт фаворитов.

Дерри пару раз щелкнул резинкой.

— Если уж быть окончательно точным, а именно этого ты, видимо, от меня и добиваешься, то могу сообщить, что Берт рекламировал гораздо больший процент нестартеров, чем все остальные журналисты вместе взятые. И придерживался этой тактики. Иначе говоря, занимался этим последовательно весь прошлый год. Он до небес превозносил какую-нибудь лошадь, всем советовал ставить на нее, а потом — бац! За день-другой до скачек ее вычеркивали из списков.

— Никогда не замечал! — отрубил Люк-Джон.

Дерри пожал плечами.

— Таковы факты. Если хочешь знать, подобную ерунду устраивал еще Коннерсли из «Санди Хемисфер». У него была гадкая привычка хвалить лошадей, чья кличка начиналась на К, как и его фамилия. Мания величия, не иначе.

— Что ты нам голову морочишь? — сказал Люк-Джон.

Дерри покачал головой:

— Не воображай, что я сижу здесь с закрытыми глазами. Я газеты читаю!

— Схожу-ка я, пожалуй, за своей машинкой, — неожиданно произнес я.

— А где она?

— В ремонте.

Машинка была готова. Я забрал ее и двинулся вниз по улице, к редакции Берта. В лифт и наверх, в его отдел. Через людный коридор к двери. Остановка у стола помощника спортивного редактора, завсегдатая скачек и знакомого по бару парня.

— Тай! Что привело тебя в стан врага?

— Берт Чехов.

Мы поболтали немного о том о сем. Помощник явно что-то скрывал. Это было заметно по его уклончивому взгляду и скованной жестикуляции. Смерть Берта, сказал он, потрясла, глубоко огорчила его. Он добавил, что всем сотрудникам будет страшно не хватать Берта, газете тоже будет не хватать его, что все они воспринимают эту смерть как огромную потерю. Он лгал. Я не стал его разоблачать.

— А можно взглянуть на газетные вырезки с его статьями? Я хотел бы перечитать некоторые из них.

Помощник редактора любезно заметил, что мне, пожалуй, нечему учиться у Берта, но разрешил. Он занялся своими делами, а я пошел в угол, к полке с архивами, покопался там и нашел три коричневые картонные папки с материалами Берта.

Затем я извлек машинку из футляра и сунул ее в дальний неприметный уголок. Три папки отправились в футляр, хотя мне пришлось здорово прижать крышку, чтобы она закрылась, и я тихо и незаметно покинул здание вместе с краденым добром.

Люк-Джон и Дерри вытаращили глаза.

— Где ты раздобыл это, скажи на милость? И на кой шут они тебе сдались?

— Дерри, — сказал я, — давай теперь попробуем доказать, что Берт всегда указывал на лошадей, не стартовавших в крупных скачках.

— Он рехнулся, — недоверчиво пробормотал Люк-Джон.

— К сожалению, нет. И если я прав, то «Блейз» стоит на пороге получения той самой скандальной информации, которой привык пробавляться. На пороге тиражного бума. И все благодаря спортивному разделу.

Заинтересованность Люка-Джона сразу подскочила с нуля до десятки.

— Тогда не теряй времени, Дерри. Раз Тай говорит «скандал», значит, скандал!

Дерри пристально взглянул на меня.

— Трюфели ищут по запаху, а, Тай? — Он спустил ноги со стола и безронотно принялся за дело, сверяя прогнозы Берта с реальным положением вещей. На столе росла куча каталогов, и список постепенно удлинялся.

— Ну хватит, — заявил он наконец. — Вот оно, все так и есть. В папках материалы за последние три года. Первые полтора года доля разрекламированных участников и неучастников скачек была приблизительно равной, как и у нас всех, бедолаг. Потом вдруг он целиком переключается на лошадей, которых обязательно снимают перед самым стартом. И все, заметьте себе, были записаны на большие скачки, когда ставки поступают по почте. — Дерри был явно в недоумении. — Вряд ли это просто совпадение. Я чувствую это. Но не вижу, в чем смысл.

— Тай? — спросил Люк-Джон.

Я пожал плечами:

— Явное жульничество.

— Только не Берт! — Сама интонация в его голосе, казалось, отвергала такую возможность.

— Пойду отнесу все эти папки на место, пока не хватились, — сказал я и принялся запикивать их в футляр.

— Тай! — Голос Люка-Джона звучал раздраженно.

— Вернусь — поговорим.

В конторе Берта все было спокойно. Я возвратил папки и, забрав машинку, поблагодарил помощника редактора.

— Как, вы еще здесь? Я думал, вы уже ушли. — Он по-приятельски взмахнул рукой. — К вашим услугам в любое время...

— Ну ладно, — проворчал Люк-Джон, когда я вернулся. — Все равно никогда не поверю, что Берт Чехов играл на руку мошенникам.

— Он продал свою душу, — прямо ответил я, — и меня предупреждал.

— Ерунда!

— Он продал свою колонку. Писал, что ему приказывали.

— Только не Берт! Он настоящий газетчик, старая школа.

Я внимательно посмотрел на Люка-Джона. Острые глазки на худом хмуром лице глядели упрямо и вызывающе. Верность старому другу была непоколебима.

— Ну хорошо, — медленно произнес я. — Допустим, его вынудили силой... — Фраза помогла ослабить напряжение. — Мортон никогда не станет заниматься скандальной историей, но доведет дело до конца, если приятель попал в жертвы.

— Умный, черт, — еле слышно пробормотал Дерри.

— Кто же его вынудил? — спросил Люк-Джон.

— Не знаю. Пока не знаю. Может, удастся выяснить.

— И с какой целью?

— Ну, это уже проще. В системе предварительных ставок кто-то хотел играть наверняка. А задача Берта... Берта заставляли убеждать публику расставаться со своими денежками.

Оба они задумались. Я продолжал, пытаюсь объяснить более подробно:

— Допустим, некий жулик прибирает к рукам букмекерские конторы. Сами знаете, как это бывает. — Дерри усмехнулся. — Допустим, некий жулик разработал ловкий способ получения нелегальных доходов, причем без всякого риска и затраты особых усилий. Используется этот способ

только на крупных скачках, где действует система предварительных ставок. Ему нужны минимум недели три, чтобы набрать сумму, оправдывающую его затраты. Он выбирает подходящую лошадку и заставляет Берта расхваливать ее на полную катушку. Так или нет? Люди ставят на нее, а наш ловкач прибирает к рукам все до последнего цента! Он практически застрахован от потерь. Он знает, что их просто не может быть! Сам-то он не играет на эту лошадь... Он-то знает, что дня за четыре до соревнований, а то и меньше, лошадь выкидывают из списков. Очень славный способ.

Помолчав немного, Дерри спросил:

— Но как он узнает об этом?

— Это другой вопрос. Тоже придется выяснить.

— Все равно не верю, — скептически заметил Люк-Джон. — Только на том основании, что Берг написал о нескольких не стартовавших...

Дерри указал на списки:

— Их слишком много было, этих лошадей. Слишком...

— Верно, — поддержал я его.

— Но нельзя же выстраивать целую теорию только на основе какой-то одной случайной обмолвки...

— Нет, конечно, нет, — согласился я. — Должны быть доказательства. Безусловно, должны быть. Кстати, в ту пятницу, когда мы возвращались с ленча, Берг сам сказал мне. Он все хотел дать мне совет.

— Да, верно, — вспомнил Дерри. — Но так и не раскачался.

— Нет, сказал. Честное слово. И абсолютно серьезно. Он посоветовал мне не продавать душу, не продавать свою колонку.

— Быть не может! — воскликнул Люк-Джон.

— Он сказал: «Сперва они покупают тебя, а потом шантажируют».

— Не может быть, — автоматически повторил Люк-Джон.

— Он был ужасно пьян. Пьянее, чем всегда. Говорил, что это его последние слова. Потом вошел в лифт с бутылкой виски, прошел через комнату, отхлебывая из горлышка, прямо к окну и выпал на улицу.

Люк-Джон прижал веснушчатые пальцы к тонким губам и проговорил низким, сдавленным голосом:

— Нет... О Боже!

* * *

Выйдя из «Блейз», я влез в фургон и отправился к скаковым конюшням в Беркшире — брать интервью у девушки, которая ухаживала за самым знаменитым фаворитом предстоящих скачек.

Чемпион по стипль-чезу по кличке Зигзаг завоевал огромную популярность и известность, однако в любой день на ослепительном небосводе его славы могли появиться тучки, так как первого января ему исполнялось одиннадцать лет. Я полагал, что именно в скачках на Золотой кубок великому старцу предстояло отвесить публике прощальный поклон, а потом его вытеснит плеяда новых, более молодых «звезд».

Конюхом Зигзага была девушка, Сэнди Виллис, необыкновенно заботливая и преданная делу. Каждая фраза этого юного и простодушного существа была густо оснащена лихим жаргоном конюшен, которым она пользовалась безотчетно и который составлял трогательный контраст с присущим ей от природы невинным видом.

С гордостью собственника Сэнди демонстрировала мне Зигзага. Она помнила и рассказывала обо всех скачках, в которых он участвовал. Ходить за ним она начала с того самого дня, когда он

голенастым и еще неизвестным трехлеткой впервые переступил порог конюшен. Она представить себе не могла, что станет делать, когда его отстранят от соревнований. Скачки без Зигзага — это уже совсем не то.

Я предложил прокатиться до Ньюбери и выпить по чашечке чая в кафе или отеле.

— Нет, спасибо, нет времени, — сказала она, — вечерняя смена приступает только в четыре.

Привалившись к двери у стойла своего любимца, она рассказывала о своей жизни, сначала застенчиво, потом вздох.

Родители ее не ладили. Вечные скандалы дома... Поэтому она смылась, как только окончила школу. И рада была смыться, ведь напаша — жуть до чего скупой, а мать только и знала, что орать и «гавкать» на него. Да и ей, и двум младшим сестренкам тоже доставалось на орехи. В общем, «дохлое» там было дело, не светило ничего. А еще она надеялась, что Зигзаг будет выступать в Кемптоне на второй день Рождества — удачный предлог, чтобы не ехать домой на каникулы. Она любит свою работу, любит Зигзага. Скачки вообще потрясающая штука, и, нет, она не торопится замуж, парней кругом полно, стоит только захотеть, но, честно сказать, она не такая дура, чтобы променять Зигзага на прорву занудных домашних хлопот. Особенно если жизнь пойдет, как у ма и па...

Хихикая, она согласилась сфотографироваться, но только вместе с Зигзагом. Сказала, что надеется получить номер «Тэлли» на память.

— Непременно, — обещал я, твердо решив включить стоимость всех дарственных экземпляров в статью дополнительных расходов.

Наконец я распрощался с ней и, проходя по двору, лицом к лицу столкнулся с тренером, которого всякий раз непременно встречал на скачках.

Это был делового вида мужчина лет за пятьдесят, взирающий на мир трезво и без иллюзий.

— Зайдите, Тай, — сказал он. — Виделись с Сэнди Виллис?

— Да, да, спасибо. Она мне очень помогла.

— Один из лучших моих «парней»! — Жестом он пригласил меня присесть и из серебряного чайника налил чаю цвета дубовой коры. — Сахар?

Я отрицательно помотал головой.

— На ипподроме ее лошади буквально готовы выпрыгнуть из шкуры.

— Она нашла удачное приложение материнским чувствам, — согласился я и отпил глоток. От горечи танина язык съежился, точно обожженный листик. Нортон Фокс налил себе еще чашку и осушил ее в три приема.

— Надеюсь, если я распишу ее в «Тэлли», вы не подложите мне свинью и не снимете Зигзага со скачек в последнюю минуту?

— Не собираюсь.

— Двенадцать стонов десять фунтов — предельный вес.

— Он выигрывал и когда весил на три фунта больше.

— Любопытно, кстати, что же случилось тогда с Кратким перед чемпионатом по скачкам с препятствиями?

Нортон раздраженно прищелкнул языком.

— Можете на меня положиться: Зигзаг не сойдет со старта в последнюю минуту. По крайней мере, беспричинно, как это вышло с Кратким.

— Он ведь был фаворитом, если мне не изменяет память? — Я-то точно знал, что был. Я тщательно выверил все детали по списку Дерри. — Что же все-таки произошло?

— Ну и разозлился же я тогда, прямо себя не помнил! — В его голосе живо звучала оби-

да. — Тренировал эту лошадь до последней минуты. Сам выверял каждый шаг, каждый дюйм. Все было рассчитано на победу. И Краткий — в отличной форме. Был готов бежать не за страх, а за совесть! И что же? Мы заявили его за четыре дня, а потом вдруг его владелец — заметьте, собственный его владелец — взял да и позвонил Уэзербису дня через два и отменил заявку! Снял лошадь со скачек! Вот так... И главное, у него не хватило ума, а может, просто решимости сообщить об этом мне, тренеру. Я узнал, что Краткий вычеркнут из списков, ночью, накануне скачек. Я, конечно, ушам своим не поверил и позвонил Уэзербису, а тот и говорит, что старик Дэмбли сам снял свою лошадь со скачек. До сих пор не пойму почему. Я тогда страшно с ним поскандалил, а он все твердил одно: решил не пускать ее на скачки, да и все тут. Так и не сказал, по какой такой причине. И все наши планы и работа полетели к чертям. Я до того разозлился, что велел ему забрать всех своих лошадей. Ну, судите сами, можно ли работать с человеком, который откалывает такие номера? Нельзя!

— А кто работает с ним сейчас? — сочувственно спросил я.

— Только имейте в виду. Тай, все это не должно появиться в вашей паршивой газетенке.

— Никогда, — заверил я его. — Может, мне придется писать статью о владельцах, распродавших своих лошадей.

— Ну ладно... вот, у меня тут записано. — Он выписал адрес из журнала и протянул мне листок. — Только без эксцессов.

— Можете не беспокоиться. — Эксцессы были в основном по части Люка-Джона и лишь изредка — по моей. Разница состояла только в том, что я старался не вмешивать в скандальные истории

своих знакомых. Для Люка-Джона этой дилеммы не существовало.

* * *

Я вошел в гостиную. Миссис Вудворд и Элизабет смотрели по телевизору программу новостей. Миссис Вудворд украдкой взглянула на часы и отвернулась, неловко маскируя разочарование: до шести оставалось еще полминуты. Сверхурочные ей платили за каждые лишние полчаса, и тут она несколько пережимала по части пунктуальности. Нельзя было опоздать и на пять минут: пять минут шестого — и оплата взималась как за полчаса переработки. Я знал, что скарденность — не главная причина. Она рано овдовела, и ее сын-подросток собирался стать врачом. Насколько я понимал, именно Тайрону предстояло оплачивать его счета в колледже.

Эта необъявленная война велась по всем правилам хорошего тона и без излишних объяснений. Просто каждое утро я сверял настенные и наручные часы с сигналами времени по Би-би-си и, если опаздывал, платил с улыбкой. Миссис Вудворд была настроена куда благосклоннее, если я являлся в десять минут седьмого, а не без десяти шесть, однако сама по утрам приходила ровно в девять тридцать и ни минутой позже. Вся эта возня с часами тщательно скрывалась от Элизабет.

Миссис Вудворд была крепкой худощавой женщиной со слабым ланкаширским акцентом и сильным характером. Темные седеющие волосы, темно-карие глаза и решительно очерченный подбородок. Безупречно внимательная и ласковая с Элизабет, она никогда не выходила из себя, разве что работая с пылесосом, который время от времени извергал мусор на пол, вместо того чтобы всасывать его.

У нас в доме она ходила в белом нейлоновом халате, что, как ей казалось, автоматически повышал ее статус в глазах визитеров. На эту слабость я смотрел снисходительно. Она сняла халат, повесила его на крючок, и я подал ей темно-синее пальто, с которым она не расставалась вот уже четвертый год.

— Доброй ночи, мистер Тайрон. Доброй ночи, милая, — попрощалась она, а я, как всегда, поблагодарил ее и сказал, что буду рад видеть утром.

— Удачный день? — спросила Элизабет, когда я поцеловал ее в лоб. Голос звучал устало. «Спирашелл» ритмично толкал грудную клетку вниз и вверх, и она могла говорить только на выходе.

— Встречался с одной девицей, — ответил я и, улыбаясь, рассказал ей о Сэнди Виллис и Зигзаге. Ей нравилось расспрашивать меня о работе, однако ее любопытство быстро угасало, и после долгих лет совместной жизни я научился точно угадывать этот момент по едва заметному расслаблению глазной мышцы. Она редко жаловалась, так как боялась выглядеть в моих глазах ворчуньей и нытиком и больше всего страшилась оказаться мне в тягость. Я никак не мог убедить ее говорить прямо: «Хватит, я устала», хотя всякий раз она соглашалась с моими доводами.

— Пришлось повидаться с тремя людьми по поводу этой статейки в «Тэлли», — сказал я. — С владельцем, владельцем-тренером и девушкой-конюхом. Сяду писать сразу после ужина. А ты посмотришь телевизор, ладно?

— Конечно. — Она одарила меня очаровательной нежной улыбкой. Иногда я ловил ее на том, что улыбка эта носит вымученный, искусственный характер, но, как ни старался, не мог доказать,

что меня не стоит обманывать, что я не отправлю ее в больницу, даже если наступит нервный срыв, что она вовсе не должна быть таким уж ангелом, что со мной она в безопасности, что она любима и действительно очень нужна мне.

— Хочешь выпить? — спросил я.

— С удовольствием.

Я разлил виски с малвернской водой и закрепил ее стаканчик в держателе, изогнутая соломинка для коктейля оказалась у самых ее губ. Так она могла пить самостоятельно и меньше проливать на простыни. Я с наслаждением глотнул бледного крепкого виски и опустился в глубокое кресло у ее постели, дневная бегодня и суэта отодвинулись куда-то, я чувствовал себя дома. Мерный мягкий стук насоса производил, как всегда, усыпляющее действие. Все наши гости по большей части засыпали под этот звук.

Мы посмотрели по телевизору какую-то сложную интеллектуальную игру в вопросы и ответы и почти на все ответили неправильно. Затем я отправился на кухню посмотреть, что там оставила на ужин миссис Вудворд. Камбала в сухарях, пакетик замороженных чипсов, один лимон. Печеные яблоки, драчена. Чеддер, квадратные крекеры. Идеи миссис Вудворд относительно того, какой должна быть по-настоящему вкусная еда, основательно расходились с моими. Укротив бесплодные мечты о толстом бифштексе с кровью, я поджарил чипсы в растительном масле, а рыбу — в сливочном и, оставив мою порцию на медленном огне, пошел покормить Элизабет. Даже при новых приспособлениях с некоторыми блюдами существовали сложности: камбала крошилась, а рука быстро уставала, и дело кончалось обычно кормежкой с ложечки. Перебив тарелки, я приготовил кофе, укрепил кружку Элизабет в держателе, а свою

вместе с пишушей машинкой забрал в маленькую комнату, где могла бы быть детская, если бы у нас были дети.

Статья для «Тэлли» продвигалась туго. Обещанный высокий гонорар, казалось, укорял меня за каждую нескладную фразу. Не колеблясь, отсекай лишнее, углубляй и сохраняй главное. Ронси, Сэнди Виллис, Хантерсоны... Гораздо проще разобрать их всех по косточкам. Это благоприятно отразится на распродаже журнала, но плохо — на моей совести, это нечестно по отношению к Хантерсонам, Ронси, Сэнди Виллис. Надо изложить все так, чтобы и жертва осталась довольна... Вот на что уходят силы и время.

Часа через два я поймал себя на том, что сижу, уставясь в потолок, и думаю только о Гейл. Бессмысленно притворяться, что все кончится одной этой встречей. Ненавидя себя за слабоволие, я старался представить, как это будет в следующее воскресенье. Гейл улыбается. У нее грациозное упругое тело... Звонок резко зазвенел у меня над головой. Один звонок — не срочно. Я медленно поднялся, разбитый и пристыженный. Предаваться мечтам наяву, как Мэдж Ронси! Точь-в-точь... Только я, наверное, еще хуже.

Голос Элизабет звучал виновато.

— Прости, Тай, что отвлекаю тебя. У меня ужасно замерзли ноги.

Я вытащил из-под одеяла бутылку с водой, она совсем остыла. На ощупь ее ступни казались теплыми, но это ничего не значит. Циркуляция крови была настолько замедлена, что лодыжки и ступни буквально ныли от холода, если их постоянно не согревать извне.

— Раньше не могла сказать, — проворчал я.

— Не хотела мешать.

— Ты должна была позвать меня в ту же секунду! — яростно воскликнул я. — В любой момент, как только понадобится. А еще лучше двадцать минут назад. — Двадцать минут она страдала от холода, а у меня не было другого дела, как вспоминать Гейл!

Я наполнил бутылку, и мы занялись вечерними процедурами. Растирание спиртом, умывание. Судно. Ее мышцы почти совсем истончились, сквозь кожу проступали кости, поэтому ноги следовало приподнимать с большой осторожностью — любое движение могло причинить боль. Сегодня миссис Вудворд покрыла лаком ногти на ногах, а не только на руках, как обычно.

— Нравится тебе? — спросила она. — Новый цвет. Коричнево-розовый.

— Очень, — кивнул я. — Тебе идет.

Она улыбнулась, довольная.

— Это Сью Дэвис мне купила. Она такая слабая.

Сью и Роналд Дэвисы жили через три дома, они были женаты всего полгода, и это до сих пор чувствовалось. Они были готовы излить избыток своего счастья на всех окружающих. Сью приносила разные мелочи, которые могли позабавить Элизабет, а Роналд использовал выкованную в регби недюжинную силу и стаскивал вниз насос, когда мы выезжали на прогулку.

— Такой тон больше подходит к моей губной помаде, чем прежний.

— Это точно, — согласился я.

Когда мы поженились, кожа у нее была нежно-кремового оттенка, а волосы блестели на солнце, словно раковины молодых улиток. У нее были загорелые ноги и стройная фигура. Переход к нынешнему состоянию был для нее мучителен. В какой-то момент мне даже казалось, что она покончила бы с собой, но болезнь лишила ее даже этой возможности.

У нее сохранились тонко очерченные брови, хороший цвет лица и длинные ресницы, но коричневатые искорки в глазах погасли, а волосы казались мертвыми и лишенными какого-либо определенного оттенка. По счастью, миссис Вудворд оказалась настоящим мастером по части манипуляций с ножницами и шампунем, да и я постепенно научился аккуратно накладывать губную помаду, что позволяло Элизабет хотя бы частично сохранить столь важное для женщины чувство уверенности в своей привлекательности.

Я все подготовил к ночи, убавил число оборотов дыхательного насоса, плотно подоткнул со всех сторон одеяло, чтобы уберечь ее от сквозняка. Спала она в том же полусидячем положении, в котором пребывала днем, так как «Спирашелл» был слишком тяжел и давил на грудь, да и воздуха в легкие попадало меньше, если лежать на спине.

Я поцеловал ее в щеку, она улыбнулась:

- Спокойной ночи, Тай.
- Спокойной ночи, милая.
- Спасибо за все.
- Не стоит.

Лениво и кое-как я навел порядок в квартире, почистил зубы, перечитал то, что написал для «Тэлли», и накинул на машинку чехол. Когда наконец я забрался в постель, Элизабет уже спала. Я долго лежал и думал о Берте Чехове, о стипль-чезе и о нестартовавшем Кратком, в деталях планируя статью для воскресного номера «Блейз».

Воскресенье... Мысли мои неуклонно и неумолимо возвращались к Гейл.

Глава 5

В среду утром я позвонил Чарлзу Дэмбли, бывшему владельцу Краткого. Мне ответил свежий девичий голосок, звонкий и беззаботный:

— Господи, вы говорите — Тайрон? Джеймс Тайрон? Да, мы читаем вашу ужасную газету! По крайней мере, мы ее получаем. По крайней мере, наш садовник получает, поэтому я часто читаю ее. Конечно, пожалуйста, приезжайте и поговорите с папой, он будет ужасно рад!

Папа рад не был. Он встречал меня на крыльце, небольшого роста мужчина лет под шестьдесят, седоусый, с тяжелыми мешками под глазами.

Его отличала каменно-любезная манера обращения к собеседнику.

— Очень сожалею, мистер Тайрон, но ваше путешествие оказалось напрасным. Моей дочери Аманде всего пятнадцать, и она склонна к необдуманным высказываниям...

— Она, наверное, передала вам, что я звонил. Вас не было дома и...

— Надеюсь, вы извините ее. Мне совершенно нечего сказать вам. Абсолютно нечего. Всего доброго, мистер Тайрон.

Веко у него подергивалось, а на лбу выступили капельки пота. Я медленно обвел взглядом фасад дома (подлинный георгианский стиль, не слишком громоздкий, тщательная, не бьющая в глаза отделка) и посмотрел прямо в глаза Дэмбли.

— Кому они угрожали? — спросил я. — Аманде? — Он моргнул и приоткрыл рот. Человек, имеющий пятнадцатилетнюю дочь, легко уязвим.

Он хотел что-то сказать, но из горла вырвалось лишь нечленораздельное кряканье. С трудом откашлявшись, он наконец выдавил:

— Не знаю, о чем вы говорите.

— Каким образом они это организовали? По телефону? Или письмом? Может, вы беседовали с ними лично?

По его лицу было видно, что я попал в точку, однако он молчал.

— Мистер Дэмбли, — сказал я, — ведь можно написать статью, как в последнюю минуту без всяких на то оснований вы сняли фаворита, и упомянуть там ваше имя и имя Аманды. Но я могу не называть никаких имен.

— Не называйте, — умоляюще проговорил он. — Не называйте.

— Хорошо, — согласился я. — Но только в том случае, если вы расскажете, чем они угрожали и в какой форме.

Его рот искривился от ужаса и отвращения. Да, этот человек испытал, что такое шантаж, испытал в полной мере.

— Но как можно довериться вам?

— Мне можно.

— А если я не скажу, вы назовете в статье мое имя, и они все равно подумают, что я проговорился... — Он запнулся.

— Совершенно верно, — мягко отозвался я.

— Я презираю вас.

— Не стоит. Просто я хочу помешать им вытворять и впредь такие штучки.

Пауза. Наконец он проговорил:

— Они пригрозили, что изнасилуют Аманду. Сказали, что я не смогу караулить ее все двадцать четыре часа в сутки до конца ее жизни. Единственное, что от меня требовалось, это позвонить Уэзербису и снять Краткого со скачек, тогда она будет в безопасности. Что такое один телефонный звонок по сравнению... по сравнению с благополучием моей дочери?.. И я позвонил. Конечно же, позвонил. Иначе было нельзя. Какое значение имело участие лошади в скачках по сравнению с безопасностью моей Аманды?

Действительно, какое...

— Вы сообщили в полицию?

Он отрицательно покачал головой:

— Они сказали...

Я кивнул. Они знают, что говорить в таких случаях.

— После этого я распродал всех лошадей: не было больше смысла держать их. Ведь в любой момент это могло повториться.

— Да.

Он вздохнул.

— Это все?

— Вы говорили с ними по телефону или лично?

— Не с ними, а с одним. Он приезжал сюда на автомобиле с шофером. В «Роллс-Ройсе». Показался мне образованным человеком. Говорил с акцентом. Скандинавским или голландским — точно не знаю. Может быть, даже с греческим. Вполне воспитанный человек, если не вникать в смысл его слов.

— Как выглядел?

— Высокий... примерно вашего роста. Только значительно плотнее. Массивней, больше мускулов. И лицо не как у какого-нибудь там жулика. Я не мог поверить своим ушам: подобные речи не соответствовали его внешнему виду.

— Однако он убедил вас, — заметил я.

— Да. — Он пожал плечами. — Он стоял и слушал, как я звоню Уэзербису. А потом сказал: «Уверен, что вы приняли мудрое решение, мистер Дэмбли». Потом вышел из дома, и шофер его увез.

— И с тех пор вы ничего о нем не слышали?

— Ничего. А вы сдержите свое слово? Он сдержал...

Мой рот искривился в гримасе.

— Сдержу.

Он долго смотрел на меня.

— Если из-за вас Аманде причинят хоть какую-нибудь неприятность, будьте уверены, вы до-

рого заплатите за это... Дорого заплатите. — Он замолчал.

— Если случится, заплачу. — Пустые слова. Нанесенный ущерб исправить нельзя, и никакая плата тут не поможет. Надо быть предельно осторожным.

— Вот так, — сказал он, — вот таким образом.

Он повернулся на каблуках, вошел в дом, и дверь между нами захлопнулась решительно и бесповоротно.

* * *

На обратном пути я заехал в Хэмпстед поговорить с Колли Гиббонсом, одним из администраторов Хитбери-парк. Визит оказался не ко времени: его жена только что сбежала с каким-то американским полковником.

— Чертова кукла! Оставила мне вот эту записку! — Он сунул мне в нос какую-то бумажку. — Прислонила к часам, как в каком-то дурацком кино!

— Простите, я, видно, не вовремя...

— Входите, входите. Выпьем по рюмочке.

— Мне еще до дома добираться.

— Возьмете такси. Тай, ну будьте другом! Давайте!

Я взглянул на часы: половина пятого. До дома ехать минут тридцать, если учесть плотность движения на дорогах в часы пик. Я переступил порог и по выражению его лица понял, как невыносимо было для него одиночество в этот вечер.

На столе стояла бутылка, рядом — до половины полный стакан, и он уже наливал мне виски.

— Чертов полковник! — с горечью произнес он. — Да к тому же еще в отставке!

Я рассмеялся. Он с недоумением посмотрел на меня и наконец тоже выдал кривую усмешку.

— Да, наверное, это смешно, — сказал он. — Странно, но мы с ним очень похожи. Внешность, возраст, характер — все. Он даже нравится мне.

— Она скорее всего вернется, — предположил я.

— Почему вы так думаете?

— Если уж ее выбор пал на точную вашу копию, значит, вы ей не слишком противны.

— А я не уверен, что пуцу ее обратно, — агрессивно проворчал он. — Удрать с этим чертовым полковником, еще и янки к тому же!

Гордыня его была уязвлена сильнее, чем сердце, что, впрочем, не умаляло страданий. Он плеснул в стакан неразбавленного виски и спросил, по какому, собственно, поводу я приехал. Я рассказал о статье для «Тэлли». Он, видимо, был рад переключиться на любую другую тему и разоткровенничался сверх всякой меры. Впервые я по достоинству оценил широту его взглядов, хватку, прекрасную память. Немного погодя я спросил:

— А что вы знаете о заявленных фаворитах, которых снимали со скачек?

Он метнул в мою сторону взгляд, который, не выпей он последние три рюмки, можно было бы назвать пронизывающим.

— А это что, тоже для «Тэлли»?

— Нет, — сознался я.

— Так я и думал. Такие вопросы скорее по части «Блейз».

— Я вас не выдам.

— Знаю.

Он пил и пил, желанного забвения не наступало.

— Наденьте на глаза шоры и скачите в другом направлении.

— А вы почитайте, что я напечатаю в воскресном номере.

— Тай! — резко произнес он. — Держитесь-ка лучше подальше!

— Почему?

— Оставьте это властям.

— А что они собираются предпринять? Что им известно?

— Вы, надеюсь, понимаете, что я не вправе откровенничать с вами, — запротестовал он. — Рассказать журналисту из «Блейз»! Да я потеряю работу!

— Малхоллэнд пошел в тюрьму, но не выдал своих информаторов.

— Не все журналисты похожи на Малхоллэнда!

— Но они умеют молчать, если надо.

— А вы, — с серьезным видом спросил он, — готовы сесть в тюрьму?

— Такой ситуации не предвидится. Если мои информаторы захотят остаться в тени, так они и останутся. Но у кого же, как не у них, я смогу получить хоть какие-нибудь сведения?

Он задумался.

— Что-то все-таки происходит, это ясно. Какая-то закулисная возня, — вымолвил он наконец.

— Знаю, — сказал я. — А что думают власти по этому поводу?

— Нет никаких доказательств... На первый взгляд просто ряд совпадений, ни одной конкретной зацепки.

— Вроде статей Берта Чехова?

Он вздрогнул:

— Ну, раз уж так, ладно. Да, я слышал из достоверного источника, что Берта собирались вызвать и допросить. Но тут он выпал из окна...

— Расскажите мне о тех лошадях, — попросил я.

Он мрачно глядел на записку жены, которую все еще сжимал в руке. Потом глубоко вздохнул и сгорбился. Все предохранительные барьеры рухнули разом.

— Была такая французская лошадка Поликсен, фаворит в Дерби, помните? Всю прошлую зиму и весну о нем поступал поток информации из Франции... О том, что он прекрасно развит, что никто не может соревноваться с ним в галопе, что по сравнению с ним все трехлетки выглядят хромоногими сосунками. Помните? Недели не проходило, чтобы что-нибудь не написали о Поликсене.

— Помню, — сказал я. — Дерри Кларк давал о нем материал в «Блейз».

Колли Гиббонс кивнул:

— Ну вот. К Пасхе он шел фаворитом шесть к одному. Верно? За четыре дня до соревнований он был заявлен в декларации. А еще через два дня его сняли. Почему? Он упал на тренировке, и нога раздулась, как футбольный мяч. Хромая лошадь, как известно, бежать не может. Все, кто ставил на него, остались в дураках. Обидно, да? Выбросили деньги на ветер... Теперь вот что я еще скажу, Тай. Я ни на грош не верил, что этот Поликсен был так уж хорош. Какие у него результаты? Двухлеткой пару раз выигрывал на второстепенных скачках в Сен-Клу. В этом году перед Дерби не выступал вообще. Ни разу за весь сезон. Говорят, что с ногой у него до сих пор паршиво. Я говорю то, что думаю. Тай, честно. Он ни за что бы не выиграл Дерби, и они знали с самого начала, что бежать он не будет.

— Ну, с поврежденной ногой бежать он не мог в любом случае. Все равно проиграл бы.

— А вы бы стали рисковать на их месте? Дерби выиграли какие-то абсолютно неизвестные аутсайдеры, которые, по идее, и участвовать-то не могли!

— Стало быть, кто-то огреб на этом деле немалые тысячи... — медленно проговорил я.

— Не тысячи, а сотни тысяч.

— Тогда почему же спортивная администрация не предпримет никаких мер, если известно, что дело нечисто?

— А что они могут? Я же сказал — никаких доказательств. Поликсен охромел, так хромым и остался. Его обследовали десятки ветеринаров. Правда, владелец у него — личность несколько сомнительная, но бывают хуже... Тут ничего, совершенно ничего не поделаешь.

Немного помолчав, я спросил:

— А что вы знаете о тех, других?

— Бог мой. Тай, что за ненасытность! Впрочем... вот что...

Стоило только начать...

В течение получаса я выслушал подробнейшие истории еще четырех фаворитов, не стартовавших в назначенный день. Каждая с первого взгляда могла показаться просто несчастным случаем. Но я-то точно знал, что всех этих лошадей усердно рекламировал Берт Чехов.

Наконец он иссяк и замолчал с выражением испуга на лице.

— Не стоило рассказывать все это.

— Никто не узнает.

— Вы и глухонемого способны разговорить.

Я кивнул:

— Как правило, они умеют читать и писать.

— Идите к дьяволу! — сказал он. — Впрочем, нет. Вы отстали на целых четыре рюмки, надо наверстать. — Он протянул бутылку, я подошел и взял ее. Она была пуста.

— Мне пора домой, — извиняющимся тоном произнес я.

— К чему такая спешка? — Он уставился на письмо, зажатое в руке. — Что, ваша жена устроит вам взбучку за опоздание? Или, может, сбежит с каким-нибудь американским полковником?

— Нет, — ответил я спокойно, — она не сбежит.

Он как-то сразу протрезвел.

— Боже, Тай... я совсем забыл... Простите меня.

Он поднялся, но стоял на ногах твердо, как скала. Медленно обвел взглядом уютную гостиную, где теперь не было его жены. Протянул мне руку.

— Она вернется, — неуверенно пробормотал я.

Он покачал головой.

— Не думаю. — Глубоко вздохнул. — И все равно, я рад, что вы пришли. Надо было с кем-то поговорить. Даже если я наболтал лишнего... Все равно лучше, чем напиваться в одиночестве. Вечером я буду сидеть и думать о вас и вашей жене.

* * *

У «Свисс-коттедж» я попал в пробку и приехал домой в десять минут восьмого. Миссис Вудворд была на седьмом небе. Полтора часа сверхурочных!

— Славная она, правда? — сказала Элизабет после ее ухода. — Никогда не сердится на твои опоздания. Остается без разговоров и жалоб. Милая и добрая женщина.

— Да, очень, — согласился я.

В четверг большую часть дня я просидел дома — готовил материал для «Блейз». Миссис Вудворд выходила за покупками и в прачечную. Забегала Сью Дэвис поболтать и выпить с Элизабет по чашечке кофе. Позвонила теща и сообщила, что вряд ли сможет прийти в воскресенье — кажется, у нее начинается насморк. Людям с простудой приближаться к Элизабет категорически возбранялось: у человека, живущего на аппарате искусственного дыхания, простуда часто переходит в пневмонию, а пневмония означает смерть.

Если мать Элизабет не придет в воскресенье, я не смогу поехать в Вирджиния-Уотерс. Все утро я бесцельно проболтался по квартире, пытаюсь уговорить себя, что будет куда лучше, если она окончательно разболеется, и зная, что, если это произойдет, я буду несчастнейшим человеком на свете.

Люк-Джон пробежал статью о нестартовавших фаворитах и откинулся на спинку кресла, вперив глаза в потолок. Свидетельство крайнего возбуждения. Дерри выхватил у него листки и начал читать со свойственной близоруким людям медленной и напряженной манере. Закончив, он глубоко вздохнул:

— Ого! Кое-кто будет просто в восторге!

— Кто? — спросил Люк-Джон, опуская глаза.

— А тот парень, который проворачивает все эти делишки.

Люк-Джон смотрел на него задумчиво и мрачно.

— Главное, не дать им возбудить уголовное дело. Отнеси-ка копию вниз, к юристам, и скажи, чтоб глаз с нее не спускали.

Дерри удалился со свернутой в трубочку статьей, и Люк-Джон позволил себе улыбнуться.

— Да... вещь, так сказать, на уровне мировых стандартов...

— Благодарствуйте, — ответил я.

— Кто все это тебе насвистел?

— Пара маленьких птичек.

— Брось, Тай, я серьезно.

— Я слово дал. Они все замешаны в той или иной степени.

— Но я-то должен знать. И главный захочет знать...

Я покачал головой:

— Дал слово.

— А я могу здорово почистить эту статью.

— Ой-ой-ой, никак пошли угрозы!

Люк-Джон раздраженно потер кадык. Я оглядел большой гудящий зал: в каждом отделе, как и в спортивном, собирали и сортировали материал и готовили окончательные варианты. Чтобы попасть в печать, большая часть работ поступала к наборщикам по пятницам, иногда даже по четвергам. Но сенсационные статьи, которые следовало опубликовать раньше других газет, лежали под замком до окончательной верстки воскресного номера и отправки его в типографию в субботу вечером.

Наборщики были не прочь заработать лишние десять фунтов, продав какую-нибудь скандальную историйку конкурирующим газетам. Если юридический отдел и главный редактор пропустят мою статью, в типографию она поступит лишь в последний момент, и для махинаций времени не останется. Все скандальные разоблачения в «Блейз» оберегали как зеницу ока.

От юристов Дерри вернулся без статьи.

— Сказали, что должны над ней поработать. Попозже позвонят.

— Отнесу-ка я этот экземпляр главному, — заметил Люк-Джон. — Посмотрим, что он скажет.

Он удалился, и Дерри невольно проводил его презрительно-восхищенным взглядом.

— Как ни крути, а именно ради спортивного раздела эту газетенку раскупают люди, которые иначе и в перчатках бы к ней не притронулись. Наш Люк-Джон, несмотря на все подлые штучки, ест хлеб недаром.

Люк-Джон вернулся и с ходу включился в бурный спор с футбольным корреспондентом.

Я спросил его, что было на похоронах в среду.

— Похороны как похороны. Холодно. Вдова много плакала. Даже нос стал сиреневым: красным от слез и синим от холода.

— Прелестно.

Он усмехнулся:

— Сестра все ее утешала. Говорила, мол, здорово ей повезло, что Берт затеял эту историю с дополнительной страховкой...

— Что?!

— Ага. Так и знал, что тебя это заинтересует. Немного поболтал с сестрицей. Две-три недели назад Берт устроил сумму на страхование жизни. Объяснил жене, что при выходе на пенсию они будут лучше обеспечены.

— Так, так...

— Поэтому его смерть должна выглядеть как несчастный случай, — кивнул Дерри. — При свидетелях. Страховая компания могла отказаться платить, если бы это случилось без свидетелей.

— Посмотрим, может, они опротестуют и этот случай.

— Не думаю. Вряд ли удастся. В следственном заключении значится смерть от несчастного случая.

Вошла секретарша главного с моей статьей. Лакомый кусочек в дорогостоящей упаковке, завязанный колючей проволокой. Судя по слухам, еще никому не удалось пробиться сквозь ее колочки.

В верхнем углу над визой юриста редактор начертил «добро». Люк-Джон взял статью, удовлетворенно кивнул и сунул ее в верхний запирающийся ящик стола, продолжая при этом дебаты с футбольным корреспондентом. Дел у меня в редакции больше не было. Я сказал Дерри, что весь день буду дома, и распрощался.

Я уже почти дошел до двери, когда Люк-Джон окликнул меня:

— Тай... совсем забыл. Тебе звонила какая-то женщина.

— Миссис Вудворд?

— Нет. Постой-ка, я записал... Ах да, вот оно: мисс Гейл Поминга. И просила позвонить. Что-то насчет «Тэлли».

Он протянул клочок бумаги с телефонным номером. Я подошел к свободному столику и снял трубку. Рука была твердой. Чего нельзя было сказать о сердце.

— Западная школа изобразительных искусств. Чем могу служить?

— Мисс Поминга...

Мисс Поминга позвали.

Голос в аппарате звучал прохладно и невозмутимо, как тогда, на станции.

— Вы приедете в воскресенье? — Вот так, прямо по существу.

— Хотел бы. — Сдержанный ответ. — Не знаю, удастся ли вырваться.

— Ах вот как. Меня приглашали на ленч...

— Что ж, идите, — пробормотал я, чувствуя, как разочарование оседает в груди тяжелым комом.

— Впрочем, если вы приедете, останусь дома.

Черт бы побрал мамашу Элизабет! Черт бы побрал ее и ее простуду!

— Я очень хочу приехать. При первой же возможности...

После небольшой паузы она спросила:

— Когда вы точно будете знать?

— Не раньше воскресенья. Пока не поеду на станцию.

— Так...

Она помедлила, потом решительным тоном проговорила:

— В любом случае сообщите, ждать вас или нет. Я постараюсь устроить так, что еще смогу пойти в гости, если узнаю, что вас не будет.

— Прекрасно. — Голос мой прозвучал с большим энтузиазмом, чем полагалось бы из предосторожности.

Она рассмеялась:

— Ладно. Надеюсь, в воскресенье увидимся. После десяти в любое время. Сара и Гарри идут играть в гольф.

— Тогда позвоню в одиннадцать тридцать. Или около того.

— Хорошо, — сказала она. — До свидания. — И повесила трубку.

Я отправился домой писать о Колли Гиббонсе и обедать с Элизабет и миссис Вудворд. Снова рыба! Не слишком вкусно и разнообразно. Я слушал прерывистую речь Элизабет, улыбался в ответ на ее улыбку и отчаянно надеялся, что не придется сидеть с ней в этой комнате через сорок восемь часов. Я жевал автоматически, не глядя на еду. К концу трапезы предательство приобрело привкус соли.

Глава 6

Время, назначенное «Тэлли», истекало. В субботу, когда до крайнего срока оставалось два дня, я поехал на скачки в Хитбери-парк на встречу с Дермотом Финнеганом, непримечательным наездником еще менее примечательной лошадки — участницы Золотого кубка.

Его ирландский акцент был столь чудовищен, что сперва я не понимал ни единого слова. Однако осушив в буфете чашечку кофе, он несколько расслабился и сознался, что всегда говорит хуже, когда нервничает, после чего мы продолжили нашу беседу, и ему пришлось повторять каждую фразу не четыре-пять раз, как вначале, а только дважды.

Преодолев языковой барьер, Дермот неожиданно обнаружил недюжинное остроумие и снисходи-

тельно-философское отношение к проблемам бытия. Хотя по объективным показателям его спортивные достижения были более чем скромны, он считал их выдающимися. Его доходы, более мизерные, чем у мусорщика, казались ему царской роскошью по сравнению с условиями жизни в детстве. Отец его вырастил четырнадцать детей, торгуя картофелем, который собирал с двух с половиной акров истощенной земли. Дермот, не будучи ни самым сильным старшим сыном, ни самым избалованным младшим, тяжким трудом зарабатывал свою долю, да и то не всегда получал ее. В девятнадцать лет он окончательно изнемог с голодухи и переправился через море в Ньюмаркет, где ирландский акцент, полное незнание жизни и более чем хрупкое телосложение обеспечили ему место в скачечной индустрии, где всегда ощущалась нехватка дешевой рабочей силы.

Он работал в той же конюшне, в которой начинал свою спортивную биографию, хозяин держал его на вторых ролях. В скольких скачках он принимал участие? Он широко ухмыльнулся, обнажив зияющие дыры вместо зубов. До тридцати в удачный сезон. Правда, два года назад всего в четырех: сломал ногу. А все из-за этого безмозглого дьявола, этой колченогой твари...

Дермоту Финнегану было двадцать пять, а выглядел он на тридцать. Сломанный нос, обветренное лицо и ярко-синие живые глаза. Его мечта, — сказал он, — прорваться к участию в «Эйнтри». А так он всем доволен и вовсе не стремится стать жокеем первого класса — слишком уж большая ответственность!

— Когда на заштатных соревнованиях ты все время скачешь на какой-нибудь старой, драной щетке, ничего хорошего тебя не ждет. Зато какая радость и удивление, если вдруг вырвешься вперед!

На его счету было пятнадцать побед, и каждую он помнил до мельчайших подробностей.

Нет, он не ждал выдающихся результатов от Золотого кубка. Если честно, то его записали туда только потому, что от его конюшен выдвинуто три участника.

— Сегодня я буду на иноходце, сразу увидите. Может, еще и продержимся первые минуты, а потом мой перестарок выдохнется и ускользнет черным ходом, как внезапно застигнутый взломщик. И будет чудо из чудес, если вообще не придется поднимать его с земли!

Позднее я видел, как он выехал на какой-то десятилетней кляче, перспективной разве что для изготовления собачьих консервов. Лошадь и всадник, мелькая конечностями, рухнули во второй открытый ров, и когда после второго заезда я пошел узнать о состоянии их здоровья, то встретил Дермота, выходящего из дверей медпункта. На руке его была повязка, на лице — обычная ухмылка.

— Царапина что ни на есть пустяковая, — радостно успокоил он меня. — К Золотому кубку все будет в норме, увидите!

В ходе дальнейшего расследования всплыла незначительная подробность — этот «черный дьявол» отдал ему копытом пальцы.

Последние полчаса, завершая обход для «Тэлли», я провел в здании конторы, наблюдая за работой администратора Хитбери-парк, где через две недели должны были состояться скачки на Золотой кубок, и он считался самым организованным местом для проведения таких соревнований. Это объяснялось тем, что у руля правления ипподрома стоял бывший военный, в данном случае летчик. Явление довольно необычное, так как спортивное

руководство традиционно тяготело к приглашению на административные роли пехотинцев и моряков.

Подполковник авиации Уилли Ондрой, уравновешенный, деятельный, невысокий мужчина лет сорока-сорока двух, заработал инвалидность в результате черепной травмы при аварии бомбардировщика «Вулкан». До сих пор, по его словам, он страдал приступами временной слепоты, причем чаще всего в наиболее неподходящие и неудобные моменты.

До конца скачек ему не удалось выкроить ни единой минуты для беседы со мной, и даже потом нас беспрестанно отвлекали люди, звонившие в правление по самым разным вопросам. Именно Уилли Ондрую принадлежала идея проведения скачек на Золотой кубок, и он гордился этим. В них участвовали самые знаменитые скакуны. Это привлекало отборную публику. Цены на входные билеты должны были возрасти. Уилли Ондрой, несомненно, был энтузиастом своего дела, однако вполне умеренным и легко переносимым. Голосу, как и выражению янтарных глаз, была присуща особая мягкость, и лишь несколько ироничная манера улыбаться, сощурившись, выдавала стальной характер. Ему не нужно было самоутверждаться и отстаивать свой авторитет напором и силой — я понял это, вытянув из него кое-какие детали его биографии. Он начал летать на бомбардировщиках, когда ему исполнилось двадцать шесть. Он провел на них восемь лет, из них пятнадцать секунд — думая, что разобьется насмерть, три недели — в клинике, в коматозном состоянии, а потом в течение двадцати месяцев искал другую работу. Сейчас он жил с женой и двенадцатилетними близнецами в собственном доме неподалеку от ипподрома и ни о каких переменах не мечтал.

* * *

Последний поезд уже отходил от платформы, но я все-таки успел и по дороге в Лондон начал придумывать статью о Дермоте Финнегане и Уилли Ондрое.

Совершенно счастливая миссис Вудворд удалилась без пятнадцати семь, и я обнаружил, что раз в кои-то веки она оставила в духовке бифштексы. Элизабет была в хорошем настроении. Я приготовил нам по коктейлю, расслабленно развалился в кресле и, с трудом выждав минут десять, небрежным тоном спросил, не звонила ли ее мать.

— Нет, не звонила.

— Так ты не знаешь, приедет она или нет?

— Думаю, предупредит, если не приедет.

— Да, конечно, — ответил я. Черт бы ее побрал! Неужели так трудно сообщить хоть что-нибудь определенное?..

Стараясь не думать об этом, я корпел над статьей для «Тэлли», потом приготовил ужин, снова занялся «Тэлли», прервался, чтобы подготовить все к ночи, и просидел за машинкой, пока не поставил точку. Была половина третьего. «Жаль, — потянувшись, подумал я, — что у меня получалось так медленно и так много пришлось вычеркнуть...» Убрал окончательный вариант в стол, завтра останется только перепечатать его набело. А времени будет предостаточно, даже если часть дня придется провести в дороге к Гейл. Я презирал себя и заснул в шестом часу утра.

Мать Элизабет приехала. Ни малейшего признака простуды!

Все утро я пытался примириться с мыслью, что она не появится у нас в обычное время — десять пятнадцать. Я обращал к Элизабет спокойное, будничное лицо, беспрестанно ловя себя на

том, что с трудом подавляю раздражение, оказывая ей различные услуги, которые обычно даже не замечал.

В десять семнадцать прозвенел входной звонок, и вот она пожаловала, ухоженная, интересная женщина за пятьдесят, с укладкой коротких волос, напоминающей панцирь черепахи, и крепкой деревенской фигурой. Я явно переборщил по части восторженных приветствий, но, заметив ее удивление, умерил пыл, и она сразу же успокоилась.

Объявив ей и Элизабет, что уезжаю проинтервьюировать еще нескольких человек, я уже в половине одиннадцатого бодро шагал по улице, чувствуя, будто во мне разрядился предохранительный клапан. И солнце сияло на небе! После бессонной ночи совесть моя дремала.

Гейл встретила меня на станции, стоя у машины.

— Поезд опоздал, — спокойно произнесла она, когда я уселся рядом. Ни страстных объятий, ни поцелуев. Как и следовало ожидать.

— По воскресеньям ремонтируют пути. Мы долго простояли у Стейнс.

Она кивнула, включила зажигание.

Мы молча проехали три четверти мили, отделявшие нас от дома. Там она прошла в гостиную и, не спрашивая, налила два стакана пива.

— Ведь вам не писать сегодня, — сказала она, подавая стакан.

— Нет.

Улыбка ее говорила, что она прекрасно отдает себе отчет в цели моего визита. Никаких кривляний. Я знал, что до возвращения ее родственников в нашем распоряжении целых три часа. Она кивнула, как бы в ответ на невысказанное.

— Вы мне нравитесь.

— Я рад.

Она улыбнулась и отошла.

Сегодня на ней было платье бледно-кремового цвета, который так чудесно оттенял золотисто-кофейную кожу. На деле она была не темнее большинства южноевропейцев или какой-нибудь загорелой англичанки, лишь черты лица выдавали смешанное происхождение. Прекрасное, пропорциональное лицо, отмеченное знаком внутреннего достоинства. «Гейл, — подумал я, — обрела уверенность в себе гораздо раньше большинства других девушек ее возраста».

На журнальном столике лежала «Санди блейз», открытая на спортивной странице. Редакторы или помощники редакторов сами сочинили заголовок, да и Люк-Джон не оплошал. Вверху через всю страницу крупные печатные буквы гласили:

«НЕ СТАВЬТЕ НА ТИДДЛИ ПОМА, ЕЩЕ НЕ ВРЕМЯ!».

Под этим перлом слово в слово располагался мой текст. Это, впрочем, не означало, что моя работа заслужила столь безоговорочное одобрение со стороны Люка-Джона, просто на этой неделе номер не был так забит рекламой. Подобно большинству газет, «Блейз» существовала за счет рекламы, из-за нее беспощадно урезали бессмертные произведения штатных журналистов. Сколько отточенных фраз потерял я сам из-за прибывавших обычно в последний момент аннотаций на какой-нибудь там сироп от кашля «Возита» или тоник для волос «Уаммо»! Приятно видеть свою работу неиспорченной.

Я посмотрел на Гейл. Она внимательно наблюдала за мной.

— Вы всегда читаете последнюю страницу? — спросил я.

Она покачала головой:

— Простое любопытство. Хотелось посмотреть, что вы там написали. Эта статья... может здорово подорвать душевное равновесие.

— Этого я и добивался.

— Я хотела сказать, после ее прочтения создается впечатление, что вы знаете гораздо больше, чем говорите, и что тут пахнет грязным, если не просто преступным делом.

— Ну что ж, — ответил я, — всегда радостно сознавать, что ты достойно исполнил свою миссию.

— А что обычно происходит после публикации подобного материала?

— Вы о реакции? О, она может быть самая разнообразная, начиная с рекомендации властей не совать свой нос в чужие дела и кончая оскорбительными письмами от всяких психов.

— И правда всегда торжествует?

— Очень редко.

— Сэр Галахад!¹ — пошутила она.

— Нет. Все гораздо проще. Газета начнет лучше распродаваться. И я потребую прибавки.

Она рассмеялась, откинув голову. За вырезом платья скрывалась упругая линия шеи. Протянув руку, я прикоснулся к ее плечу — мне как-то сразу расхотелось разговаривать.

— Не здесь, — сказала она. — Идемте наверх.

Спальня была обставлена мило, но чувствовалось, что это Сариных рук дело. Встроенные шкафы, уютное кресло, книжные полки, огромный бледно-голубой ковер и односпальная кровать. Гейл стояла у окна в лучах зимнего солнца.

— Задернуть шторы?

— Как хочешь.

¹ Один из легендарных рыцарей Круглого стола, воплощение рыцарских добродетелей.

Она потянулась, чтобы задернуть их, и я почувствовал, как сердце мое забилось еще сильнее. Потом в сумеречном дневном свете она подошла ко мне.

В три часа она отвезла меня на станцию, но поезд только что отошел. В ожидании следующего мы сидели в машине и болтали.

— Ты каждый вечер возвращаешься домой? — спросил я.

— Часто нет. Две наши преподавательницы снимают квартиру, и несколько раз в неделю, после вечеринок или театра, я ночую у них.

— Но жить все время в Лондоне тебе не хочется?

— Тебя удивляет, что я могу жить с Сарой и Гарри? Сказать по правде, все из-за денег. Гарри не позволяет мне платить за жилье. И постоянно твердит, что рад моему присутствию в доме. Вообще он добрый. А в Лондоне придется платить за все самой, и тогда мой нынешний уровень жизни полетит ко всем чертям.

— Конечно, комфорт важнее независимости, — заметил я.

Она покачала головой.

— Пока что удается сохранять и то, и другое. — После долгой паузы она вдруг спросила: — А ты живешь со своей женой? Я хочу сказать, вы не разведены или что-нибудь в этом роде?

— Нет, мы не разведены.

— А каким образом ты оправдал свое сегодняшнее отсутствие?

— Сказал, что еду брать интервью для «Тэлли».

— Ну и дрянь же ты! — Она рассмеялась.

Она была права, разрази меня гром! Вот это называется «приложила», и я согласился с ней.

— А она не в курсе твоих... э-э... походов? Ты что, ни разу не попадался?

Мне захотелось сменить тему разговора. Однако я чувствовал перед Гейл какие-то обязательства, по крайней мере, она заслуживала правды, и ничего, кроме правды. Но не мог же я выложить всю правду до конца!

— Она ничего не знает, — ответил я.

— А если б знала, была бы против?

— Наверное.

— Но если она... не спит с тобой, почему бы вам не расстаться?

Я не ответил.

Она продолжила:

— У вас ведь нет детей?

Я покачал головой.

— Что ж тогда тебя держит? Разве те же причины, что и меня?

— О чем ты?

— Пристроился там, где выгодней. Где есть деньги.

— О-о... — Я едва сдержал улыбку, но она не поняла меня.

— Да и стоит ли упрекать тебя, раз я сама такая же? Значит, твоя жена богата?

Я представил, во что превратилась бы жизнь Элизабет без меня: больничная еда, больничный режим, без возможности уединения, никаких приспособлений, ни телефона, ни света после девяти и подъем в шесть, ни свободы, ни воли. И так навсегда, до конца дней.

— Думаю, — медленно произнес я, — про мою жену действительно можно сказать, что она богата...

* * *

Вернувшись домой, я ощутил странную раздвоенность. Столь хорошо знакомый мне уклад вдруг показался нереальным. Словно половина моего су-

щества все еще пребывала в Суррес. Я поцеловал Элизабет, а подумал о Гейл. Депрессия тяжело и неуклонно надвигалась на меня, словно черная туча на бегущий поезд.

— А тебя разыскивает какой-то человек, — сказала Элизабет. — Звонил три раза. И голос у него был ужасно сердитый.

— Кто такой?

— Я не разобрала. Он заикался.

— А как он узнал наш телефон? — Я ощутил раздражение и усталость, мне смертельно не хотелось вступать в телефонные беседы с сердитым человеком. К тому же наш номер не значился в телефонных справочниках, чтобы уберечь Элизабет от лишних звонков.

— Не знаю. Но он оставил свой телефон и просил позвонить. Это единственное, что мне удалось разобрать.

Мать Элизабет протянула блокнот, где был записан номер.

— Так это Виктор Ронси! — воскликнул я.

— Да, верно, — с облегчением произнесла Элизабет. — Что-то в этом роде.

Я вздохнул. Единственное, чего мне хотелось в эту минуту, так это чтобы вся свистопляска, которую я сам заварил, вдруг кончилась как по мановению волшебной палочки и чтобы меня оставили в покое.

— Позвоню попозже, — решил я. — А сейчас мне просто необходимо выпить.

— Я как раз собиралась поставить чай, — с укором проговорила моя теща. Тихо закипев от ярости, я налил себе двойную порцию виски. Бутылка почти опустела. Воистину черное воскресенье...

Не находя покоя, я поплелся в кабинет и начал перепечатывать статью для «Тэлли». Это механическое занятие постепенно ослабило напряжение и

притупило чувство вины, с которым я возвратился в дом. Я не мог допустить, чтобы Гейл слишком нравилась мне, но она нравилась, и очень. Влюбленность в такую женщину может обернуться настоящим адом. Пожалуй, нам не стоит больше встречаться. Это, во всяком случае, я твердо решил. Однако тут же все мое существо воспротивилось этой мысли, и я понял, что мне не устоять.

* * *

Ронси позвонил еще раз после ухода тещи.

— Что за чертовщину вы написали... в своей кретинской статье? Моя лошадь непременно будет участвовать. Да как только вы посмели... как смели вы подумать, что мы замешаны в каких-то темных делах?

Элизабет не лгала — он и вправду сильно заикался, даже сейчас. Мне стоило большого труда заставить его признать, что ни в одном разделе статьи не говорилось о том, что лично он имел какие-то иные намерения, кроме самых честных и благородных.

— Я лишь хотел сказать, мистер Ронси, что раньше некоторых владельцев под нажимом заставляли снимать лошадей со старта. Так может случиться и с вами. Я просто хотел предостеречь людей, играющих на скачках, посоветовал им потерпеть и не делать ставок раньше, чем за полчаса до старта. Лучше уж играть по маленькой стартовой ставке, чем разом потерять все деньги.

— Я перечитал ее несколько раз! — рявкнул Ронси. — И никто, уж поверьте мне, ни один человек не сможет оказать на меня нажима.

— Очень хотел бы надеяться, — сказал я. «Интересно, — подумалось мне, — распространяется ли его неприязнь к старшим сыновьям и на младших? Станет ли он рисковать их здоровьем и благополучием ради участия Тиддли Пома в Золотом кубке?

Возможно, станет. Жилка упрямства засела в его характере, словно железная порода в камне.

Когда он почти совсем успокоился, я спросил, где он узнал мой телефон.

— О, это было чертовски непросто, если хотите знать. В этих дурацких справочниках его не оказалось. Люди из справочной наотрез отказали, даже когда я намекнул, что у меня срочное дело. Смешно сказать, но даже это меня не остановило! В конце концов номер сообщил ваш коллега по службе, Дерри Кларк.

— Понятно, — задумчиво протянул я. Дерри вовсе не из тех, кто легко выдает чужие тайны... — Что ж, спасибо. Нашел вас фотограф из «Тэлли»?

— Да, заезжал в пятницу. Надеюсь, вы ничего не говорили в «Тэлли» о... — Он опять начал заикаться.

— Нет, — твердо ответил я. — Абсолютно ничего.

— Когда я буду знать наверняка? — В голосе его звучало подозрение.

— Номер выходит во вторник, перед началом скачек.

— Завтра же попрошу у редактора черновой экземпляр. Мне надо знать, что вы там написали.

— Сделайте одолжение, — согласился я. Хорошо бы сплавить этого клиента Арнольду Шенкер-тону. Вот будет потеха!

Все еще кипя, он повесил трубку. Я набрал номер Дерри в твердой решимости излить на него раздражение.

— Ронси? — возмущенно переспросил он. — Никакому Ронси я твой телефон не давал, будь уверен. — В трубке я слышал, как его грудная дочка на всю катушку упражняет легкие. — Что ты сказал?

— Я говорю, кому ты дал телефон?

— Дядюшке твоей жены.

— У моей жены нет никакого дядюшки.

— О Господи! Но он назвался дядей Элизабет, сказал, что у тети удар и он хотел бы сообщить вам об этом, но потерял номер телефона...

— Вот хитрая, лживая скотина! — с чувством воскликнул я. — А еще обвиняет меня в искажении фактов.

— Извини, Тай.

— Ладно, что там... Только в следующий раз проверь сначала у меня. Как мы договорились, помнишь?

— Хорошо. Обязательно, Тай. Прости.

— А как, между прочим, он добыл твой телефон?

— Он есть в справочнике по британским скачкам. В отличие от твоего. — Тут я промахнулся.

Я опустил трубку на специальный рычаг у изголовья постели Элизабет, перешел в кресло, и весь вечер мы, как обычно, провели, созерцая тени, мелькавшие в пучеглазом ящике. К счастью, Элизабет никогда не надоедало это занятие, хотя она часто жаловалась на перерывы между детскими передачами в дневное время. Почему, говорила она, их нельзя заполнить чем-нибудь интересным для прикованных к постели взрослых?

Потом я сварил кофе, сделал Элизабет растирания и другие процедуры, и все это с самым заботливым и домашним видом, хотя мысли мои блуждали где-то далеко, как у актера, в тысячный раз исполняющего одну и ту же роль.

В понедельник утром я отвез статью в «Тэлли», оставил пакет в приемной у секретаря, точно уложившись в крайний назначенный срок. После этого поездом отправился в Лестер на скачки. Дома сидеть не хотелось, хотя это был мой официальный

выходной. Кроме того, Эгоцентрик, лотерейная лошадка Хантерсонов, проходили там сегодня предстартовую тренировку — еще одно вполне законное оправдание путешествию.

Из-за сырости, сгустившейся в туман, видимости почти не было. Я различал только два последних барьера. Эгоцентрик взял четвертое препятствие, и оставшегося у него духу едва хватило бы, чтобы засвистеть в детскую свистульку. Жокей заорал тренеру, что эта никчемная лошадь еле-еле перекинула копыта через три барьера в дальнем конце поля и больше не станет прыгать ни за какие коврижки. Тренер ему не поверил и назначил на скачки другого жокея. Веселый денек!

Довольно жидкая толпа в матерчатых кепи и вязаных шарфах усеяла землю использованными билетами, газетами и бумажными стаканчиками из-под угря в желе. В баре я присоединился к знакомому парню из «Спортинг лайф». Рядом с нами четверо журналистов с определенной степенью недоверия рассуждали о моих нестартерах.

Ничем не примечательный день. Один из тех, которые легко забываются.

Но дорога домой заставила меня переменить мнение. Подчас забывчивость может стоить жизни.

Глава 7

Я уехал до начала последнего забега, и потому мне удалось занять местечко в купе у окна почти пустого вагона для некурящих. Повернув рукоятку обогревателя почти на полную мощность, я развернул газету посмотреть, что там пишет обозреватель спортивных новостей под псевдонимом Подзорная Труба.

«Тиддли Пом будет участвовать, — утверждает тренер. — Но уцелеют ли ваши денежки?»

Заинтригованный началом, я дочитал до конца. Он «сдул» у меня практически все, лишь слегка переначив детали. Что ж, это комплимент. Плагиат — наиболее чистосердечная разновидность лести.

Дверь в коридор открылась, и в купе, приотпывая ногами от холода, ввалилась компания из четырех букмекеров. Они бурно обсуждали какого-то незадачливого игрока, который полез к ним оспаривать проигравший билет.

— Я и говорю ему: «Да прекрати ты, кого хочешь обмануть? Может, мы и не ангелы, но и не какие-нибудь там дурни набитые...».

На всех были одинаковые пальто цвета морской волны, которые они побросали на верхние полки. Двое поочередно запускали руки в огромный пакет с очень сытными на вид сэндвичами, а двое других курили. Каждому было лет по тридцать, и говорили они с характерным лондонско-еврейским акцентом, обсуждая теперь в отнюдь не подобающих субботнему дню выражениях поездку до станции на такси.

— Добрый вечер, — поздоровались они, заметив наконец мое присутствие, а один, ткнув сигаретой в сторону таблички «Не курить», спросил:

— Ты не против, приятель?

Я кивнул и почти уже не обращал на них внимания.

Поезд, раскачиваясь, катил на юго-восток. Пасмурный день сменился туманной ночью, и пятеро пассажиров постепенно смежили веки.

Дверь в купе с грохотом отворилась. Я нехотя приоткрыл один глаз, думая, что вошел кондуктор. В проеме стояли двое мужчин отнюдь не чиновничьего вида. Один, здоровенный парень, протянул руку и опустил шторы с внутренней стороны выходящего в коридор окна. Затем, окинув букмекеров оценивающе-презрительным взглядом, он мотнул головой в сторону коридора и коротко произнес:

— Вон!

Я все еще не связывал их появление со своей персоной, даже когда букмекеры послушно подхватили свои пальто и один за другим выскользнули в коридор.

Только когда громила извлек из кармана скомканный экземпляр «Блейз» и ткнул пальцем в мою статью, я ощутил, как по спине у меня забегали мурашки.

— Кое-где это не понравилось, — саркастически заметил громила. Сильный бирмингемский акцент. Он скривил губы, явно упиваясь своей ироничностью. — Очень не понравилось.

От ботинок до подбородка его облегал грязный комбинезон, над которым виднелись толстая шея, пухлые щеки, маленький мокрый рот и прилизанные волосы.

— Не стоило вам так поступать, право, не стоило, — продолжал громила, — вмешиваться и все прочее.

Он опустил правую руку в карман, и она вновь появилась на свет Божий, обтянутая медным каскетом. Я взглянул на другого. Тот сделал то же самое.

Я рванулся вперед к стоп-крану. Штраф за остановку поезда — двадцать пять фунтов. Здоровяк резким профессиональным ударом пресек мою попытку.

Оба они обучались своему ремеслу на ринге, это было ясно. Все остальное я воспринимал как в тумане. Они не притронулись к моей голове, но четко знали, как и куда бить по корпусу, и, когда я пытался отбиваться от одного, в дело вступал другой. Единственное, что мне удалось, это наградить маленького резким пинком по лодыжке, на который он ответил страшным ударом по почкам. Я рухнул на сиденье. Они наклонились надо мной

и начали действовать в обход всех правил Куинсберри.¹

Мне вдруг показалось, что вот сейчас они убьют меня, что, может, сами того не желая, они меня уже убивают. Я даже попытался объяснить им это, но, если и издал какой-то звук, они его не услышали. Громила потянул меня вверх и поставил на ноги, а маленький принялся ломать мне ребра.

Когда наконец меня отпустили, я медленно свалился на пол и уткнулся лицом в сигаретные окурки и измятые обертки от сэндвичей. Я лежал совершенно неподвижно, моля Бога, в которого не верил, не допустить, чтобы все это началось сначала. Верзила склонился надо мной.

— А он не загнется? — спросил маленький.

— Да ты что! Мы же ничего не повредили, верно? Сработано в самый аккурат, так или нет? Выгляни-ка за дверь. В самый раз теперь отваливать...

Дверь открылась и снова закрылась, но я долго еще не верил, что они ушли совсем. Я лежал на полу, задыхаясь в кашле, и короткими глотками хватал воздух, меня тошнило. Какое-то время мне даже казалось, что я заработал эту взбучку не из-за газетной статьи, а из-за Гейл, и мысль о том, что я заслуженно понес наказание, на миг облегчила страдание. Боль пронзала, словно раскаленный докрасна стержень, и только чувство вины делало ее переносимой.

Но сознание вернулось, оно всегда возвращается в самый неподходящий момент. Я начал медленно приподниматься, стараясь оценить нанесенный мне ущерб. Может, они и в самом деле ничего не повредили — так, по крайней мере, сказал тот,

¹ Маркиз Куинсберри составил в 1867 г. свод правил профессионального бокса.

здоровенный. Но по ощущениям казалось, что на теле не осталось ни одного неповрежденного места.

Перебравшись на сиденье, я тупо наблюдал за мелькавшими в окне расплывчатыми и желтыми от тумана огнями. Глаза полузакрыты, горло перехватывало от тошноты, руки лежали на коленях, бесчувственные и ватные. Боль разливалась по всему телу. «Потерпи, — сказал я себе, — это пройдет».

Ждать пришлось долго. Огни за окном сгустились, и поезд замедлил ход. Лондон. Пересадка.

Пора наконец сдвинуться с места. Печальная перспектива. Любое движение может причинить боль.

Поезд подкатил к платформе Кингс-кросс и, дернувшись, остановился. Я продолжал сидеть, пытался заставить себя приподняться, но не мог, хотя знал, что, если не выйду из вагона, его переведут на запасной путь, и мне предстоит коротать в купе холодную, неудобную ночь.

Дверь снова с грохотом отворилась. Замирая от ужаса, я поднял глаза. Но это был не тот в грубом комбинезоне с кастетом. Кондуктор.

Волна облегчения захлестнула меня. Только теперь я осознал степень своего испуга и разозлился на себя за малодушие.

— Конечная остановка, — буркнул кондуктор.

— Угу.

Он вошел в купе и пристально взглянул на меня.

— Отмечали праздник, сэр?

— Ага, — согласился я. — Отмечал.

Взяв наконец себя в руки, я встал. Я был прав — страшно больно.

— Послушай-ка, приятель, ты уж, будь любезен, не напачкай тут, — проговорил кондуктор убедительным тоном.

Я отрицательно мотнул головой. Добрался до двери. Вывалился в коридор. Кондуктор заботливо

подхватил меня под руку и помог сойти на платформу. Медленно продвигаясь вперед, я услышал, как он, посмеиваясь, говорит у меня за спиной группе носильщиков:

— Видали этого? Весь сине-зеленый и потный, как свинья.

— Пьянь несчастная!

Домой я доехал на такси и долго поднимался по лестнице. Миссис Вудворд против обыкновения с нетерпением поджидала меня, так как боялась возвращаться домой поздно в такой туман. Я извинился.

— Ничего, мистер Тайрон. Вы же знаете, я всегда с удовольствием.

Дверь за ней затворилась, и я с трудом преодолел искушение немедленно рухнуть на диван и застонать.

Подошел поцеловать Элизабет. Она внимательно взглянула на меня.

— Тай, ты ужасно бледный. — Полностью скрыть от нее происшедшее не удавалось.

— Упал, — ответил я. — Споткнулся. Прямо дух вышел вон.

Она забеспокоилась, причем в глазах ее явственно отражался страх не только за меня.

— Не волнуйся, — пробормотал я. — Ничего страшного.

Я вошел в кухню и оперся о стол руками. Постояв так минуту-две, вспомнил, что у Элизабет где-то были обезболивающие таблетки. Достал пузырек из шкафа. Там оставалось только две. Я проглотил одну, отметив про себя, что надо позвонить врачу и попросить выписать новый рецепт. Одной явно недостаточно, но все же лучше, чем ничего.

Вернулся в комнату и, превозмогая боль, начал, как обычно, готовить вечерние коктейли.

Когда наконец, разделавшись с ужином, посудой и вечерними процедурами, я разделся и лег в постель, стало ясно, что внизу с левой стороны у меня сломано три ребра. Никаких серьезных повреждений, как и утверждал тот верзила.

Я лежал в темноте, стараясь дышать неглубоко и не кашлять, и размышлял, кто и по чьему приказу так круто обошелся со мной и стоит ли сообщать об этом Люку-Джону. Подобный материал он несомненно поместит на первую полосу, стараясь выжать из истории максимум возможного, и, уж конечно, сам сочинит заголовок. Мои страдания в счет не идут. Что стоят они в сравнении с проблемой распродажи газеты! Люк-Джон не отличался сентиментальностью. Если же я скрою от него происшедшее и он разнюхает обо всем сам, мне предстоит работать в атмосфере ледяной ненависти и постоянного недоверия. Этого я позволить не мог. Моего предшественника постепенно выжили из газеты только за то, что он утаил от Люка-Джона очередную пикантную историю, в которую был замешан. На нее наткнулась конкурирующая газета и обставила «Блейз». Люк-Джон никогда ничего не прощал и никогда ничего не забывал.

Я глубоко вздохнул. Ошибка. Поврежденные ребра отозвались на вздох с чрезмерной резвостью.

Нельзя сказать, что я провел спокойную, уютную ночь в домашней постели. Утром я ползал по квартире, как сонная муха. Элизабет видела, как я встаю и передвигаюсь, и лицо ее исказилось от болезненного беспокойства.

— Тай!

— Всего лишь пара синяков, детка. Я же говорил тебе, я упал...

— Ты выглядишь... совсем больным.

Я покачал головой.

— Сейчас сварю кофе.

Сварил кофе. С вожделением посмотрел на последнюю таблетку Элизабет. Я не имел права ее трогать. С ней иногда случались сильнейшие приступы судорог, когда был необходим срочный прием обезболивающих. Пришла миссис Вудворд, и я отправился за новым рецептом.

Доктор Антонио Перелли выписал рецепт без лишних слов и протянул мне бумажку.

— Как она?

— Отлично. Как всегда.

— Пора бы ее навестить.

— Она будет счастлива, — искренне ответил я. Визиты Перелли действовали на Элизабет словно глоток шампанского. Года три назад на вечеринке я случайно познакомился с молодым итальянским врачом с частной практикой на Уэлбек-стрит. «Слишком красив», — подумал я тогда. Женственное лицо с темными, сияющими из-под длинных ресниц глазами. Особое умение подойти к каждому больному и бешеные гонорары, толпы нервозных дамочек, расстающихся со своими деньгами стиснув зубы...

В конце вечеринки кто-то сказал мне, что он специализируется по легочным болезням и что его молодость и красота не должны вызывать у меня недоверия — специалист он блестящий. По случайному совпадению мы вместе вышли на улицу и вместе стояли на тротуаре в ожидании такси. Оказалось, что и ехать нам в одну сторону.

В те дни меня сильно беспокоило состояние Элизабет. Она регулярно ложилась в больницу для интенсивного лечения, когда чувствовала себя хуже, но с постепенным исчезновением полиомиелита таких больниц становилось все меньше и меньше. И недавно нам сообщили, что ее уже не смогут принять в ту больницу, где она обычно проходила укрепляющий курс.

Мы ехали с Перелли в такси, и я попросил порекомендовать какое-нибудь заведение, куда в случае необходимости можно было поместить Элизабет. Вместо ответа он пригласил меня к себе выпить, в результате чего у него появился еще один пациент. Благодаря его заботам общее состояние Элизабет быстро улучшилось.

Я поблагодарил за рецепт и сунул его в карман.

— Тай, эти таблетки для Элизабет или для вас?

Я взглянул на него с наигранным удивлением.

— А в чем дело?

— Друг мой, я же пока не ослеп. То, что я вижу на вашем лице... это следы тяжелых...

Я криво улыбнулся:

— Ладно. Все равно я собирался просить вас. Нельзя ли наложить повязку на пару ребер?

Он плотно перевязал меня и протянул стаканчик с каким-то раствором — смесь, по его словам, чудодейственная, так как она снимала любые боли.

— Надеюсь, Элизабет ничего не подозревает? — озабоченно спросил он.

— Ей я сказал, что упал и поранился.

Он одобрительно кивнул:

— Правильно. А вы сообщили об этом в полицию?

Я отрицательно помотал головой и рассказал ему про Люка-Джона.

— Да, все непросто. Но почему бы не сказать Люку-Джону, что эти люди вам угрожали? Не заставят же вас снимать рубашку в редакции! — Он улыбнулся той особенной улыбкой, которая всегда заставляла Элизабет улыбаться в ответ. — Думаю, те двое вряд ли станут распространяться на эту тему.

— Неизвестно, — задумчиво нахмурился я. — Неплохо было бы появиться сегодня на скачках как ни в чем не бывало, в добром здравии.

Он согласился и приготовил небольшой пузырек с чудодейственным средством.

— Много не принимайте, — сказал он, протягивая его мне. — Из крепких напитков только кофе.

— О'кей!

— Впредь постарайтесь не ввязываться в истории, которые заканчиваются таким печальным образом. — Я молчал. Он смотрел на меня с сочувствием и грустью. — Не слишком ли высока цена, если речь идет о здоровье Элизабет?

— Идти на понятную поздно. Даже ради Элизабет.

Он покачал головой.

— Так было бы лучше для нее. Но... — Он пожал плечами и протянул мне руку. — Старайтесь, по крайней мере, не ездить поездом.

К вокзалам я не приближался часа полтора. А потом все-таки сел в поезд и отправился в Пламптон на скачки в компании двух вполне смирных незнакомцев и журналиста, которого немного знал по Би-би-си.

Благодаря смеси Тони, я, как обычно, проболтался там весь день, беседуя и обмениваясь шутками с разными людьми. Большую часть времени я специально ошивался у прилавков букмекеров, присматриваясь к их ставкам и лицам. Они поворачивали головы вслед мне и перешептывались, подталкивая друг друга локтями. Когда я решил поставить десять шиллингов на какого-то полуаутсайдера, один из них спросил:

— Как самочувствие, приятель?

— А что? — ответил я. — Денек выдался славный.

Секунду он смотрел на меня, явно недоумевая, потом пожал плечами.

Я пошел дальше, всматриваясь в лица, стараясь опознать хоть одного из тех. Жаль, что тогда, в

купе, я не приглядывался к моим четырем попутчикам и сейчас вовсе не был уверен, что узнаю хоть одного из них. И не узнал бы, если бы тот сам себя не выдал.

Он весь задергался, когда заметил, что я смотрю на него, соскочил со стенда и бросился наутек.

В тот день бег не был запланирован в моем репертуаре.

Я тихо подкрался к нему сзади где-то через час, когда он успокоился и вернулся на место.

— Пару слов на ушко, дружище, — прошептал я.

Он подскочил дюймов на шесть:

— Я тут ни при чем!

— Знаю, знаю. Ты только скажи мне, кто были эти двое. Двое в комбинезонах.

— Я вас умоляю...

— А как насчет заработать? Двадцать фунтов! — предложил я.

— Да ничего я не знаю... Как это вы здесь очутились?

— А что?

— Если уж эти двое кем-то займутся... Они просто так не отстанут.

— Правда? А на вид такие смирные.

— Нет, честно, — с любопытством спросил он, — они что, вас не тронули?

— Нет.

Он был явно озадачен.

— Ладно, так уж и быть, двадцать пять фунтов, — сказал я. — Как их зовут и на кого работают?

Он заколебался:

— Только не здесь, приятель. В поезде.

— Нет, не в поезде. В ложе прессы, и немедленно. — Я был настроен решительно.

Он отпросился на пять минут у ворчавшего хозяина и пошел впереди меня вверх по ступенькам

к «Орлиному гнезду», которое занимали представители прессы. Я мигнул единственному газетчику, который там оказался, и тот покорно исчез.

— Ну вот, — сказал я. — Итак, кто они?

— Бирмингемцы, — осторожно ответил он.

— Это понятно. От их акцента воздух спекся.

— Боксеры-профессионалы, — отважно продолжал он.

Я вовремя удержался, чтобы не сказать ему, что это я понял тоже.

— Ребята Чарли Бостона! — нервно выпалил он наконец.

— Вот это уже нечто. А кто такой Чарли Бостон?

— Да кто же не знает Чарли Бостона?! У него игровые лавки в Бирмингеме, Уолвергемптоне и разных других местах.

— И парни в поездах?

Любопытство все больше разбирало его.

— Может, вы должны Чарли деньги? Нет?.. Что ж тогда им от вас было надо? Обычно они так гоняются за неаккуратными должниками.

— Впервые в жизни слышу о Чарли Бостоне, не говоря уж о том, что ни пенса ему не должен. — Я вынул из бумажника пять пятифунтовых купюр.

Натренированным жестом он сцапал бумажки и ловко упрятал в потайной карман под мышкой.

— Ворье проклятое совсем одолело, — объяснил он. — Только и знай держи ухо востро...

Он вмиг скатился по ступенькам, а я остался в ложе прессы и отпил еще глоток из волшебного флакончика, размышляя о том, что Чарли Бостон поступил очень и очень глупо, когда натравил на меня своих ребят.

Как и следовало ожидать, реакцией Люка-Джона было возмущение:

— Да как смеют они так обращаться с сотрудниками «Блейз»?!

Среда, утро. В редакции почти никого.

Дерри по горло увяз в своих бумажках, телефон молчал, на каждом столе — следы лихорадочной бездеятельности.

И в этот омут я забросил камушек — сообщение о том, что двое мужчин в угрожающей форме потребовали, чтобы я прекратил вмешиваться в бизнес, связанный с нестартующими лошадьми. Люк-Джон сидел прямо как воинственно раздувшаяся жаба и, казалось, трясся от радости, что статья принесла такие осязаемые результаты. Потом положил на телефон свою когтистую лапу.

— Манчестерское отделение? Дайте спортивный отдел... Энди, это ты? Люк Мортон. Что ты знаешь о букмекере по имени Чарли Бостон? У него сеть игорных лавок в окрестностях Бирмингема.

Он долго и с нарастающим интересом слушал ответ.

— Что ж, все сходится... Да, да. Прекрасно. Разузнай и позвони мне.

Наконец он опустил трубку и потер кадык.

— Примерно год назад Чарли Бостона будто подменили. До этого он был самым обыкновенным бирмингемским букмекером с шестью игорными лавками и относительно приличной репутацией. Сейчас, по словам Энди, дела его пошли в гору, в последнее время о нем слишком много говорят. Похоже, он действительно нанял двух боксеров из бывших выбивать деньги из должников. И в результате разбогател так, будто сам их штампует.

Я пытался обмозговать услышанное. Чарли Бостон с шестью своими лавками совсем не подходил под описание Дэмбли того уравновешенного джентльмена в «Роллсе» с шофером и с греческим или скандинавским акцентом. Их даже труд-

но представить партнерами по какому-либо общему делу.

Конечно, возможно, существуют два совершенно отдельных жульнических предприятия, но если так, что же произойдет в случае столкновения их интересов? И кто из них совратил Берта Чехова? Но если все-таки это одна компания, то тогда я отвел бы господину из «Роллса» роль мозгового центра, а Чарли Бостону — грубой исполнительной силы. То, что они решили натравить на меня своих псов, — классический пример такого взаимодействия.

На столе Люка-Джона зазвонил телефон, и он снял трубку. Он слушал и все больше хмурился, потом повернул голову и внимательно посмотрел на меня.

— Как это понимать, что он был избит до неузнаваемости? Ничего подобного! В данный момент он здесь, в редакции, а вчера ездил на скачки в Пламнтон. У ваших газетчиков чересчур богатое воображение... Не верите мне, поговорите с ним сами. — Он протянул мне трубку и прошептал с гримасой: — Коннерсли, чертова кукла...

— Мне сообщили, — заговорил отчетливый и злобный голос в трубке, — что какие-то бирмингемские тяжеловесы буквально разнесли вас в куски позавчера, когда...

— Сплетни, — произнес я скучающим тоном. — Я сам слышал это вчера в Пламптоне.

— Согласно полученной мной информации, вы никак не могли оказаться вчера в Пламптоне.

— Ваш источник ненадежен. Гоните его в шею.

Пауза. Потом он заговорил снова:

— Вы, конечно, понимаете: мне нетрудно проверить, были вы там или нет.

— Валяйте, проверяйте! — Я с грохотом швырнул трубку на рычаг и возблагодарил судьбу, что моя версия дошла до Люка-Джона первой.

— Надеюсь, в воскресенье последует продолжение? — спросил он. Коннерсли не заронил в его душу подозрений. — Заставь спортивную администрацию принять меры. Встряхни их хорошенько. Не мне тебя учить, как это делается.

Я кивнул. Как это делается, я знал хорошо. Все мои болячки протестующе заныли. Они настойчиво советовали воздержаться от дальнейших действий. Ну что стоит написать славную, спокойную статейку на какую-нибудь другую, абсолютно невинную тему?..

— Выбери пару приличных цитат, — говорил Люк-Джон.

— О'кей.

— И вообще нужна конкретная идея, — нетерпеливо продолжал он. — Почему, черт возьми, я должен делать за вас всю работу?

Я вздохнул неглубоко и осторожно:

— А как насчет того, чтобы обеспечить непрременное участие Тиддли Пома в скачках? Давайте я съезжу и обговорю это с Ронси...

Люк-Джон перебил меня, глаза его сверкали:

— «Блейз» позаботится о том, чтобы Тиддли Пом бежал на Золотой кубок. Тай, это гениально!

Так и начни статью: «Блейз» берет это на себя. Отлично. Просто отлично!

«О Боже, — подумал я. — Какой же я все-таки идиот! Ведь Тонио Перелли советовал держаться подальше от поездов».

Глава 8

У Ронси все было по-прежнему. Опавшая листва, паутина оставались на своих местах. Правда, с кухонного стола исчезло оттаявшее мясо: вместо него, свесив безжизненные шейки, лежали два неочищенных фазана. В раковине громоздилась гора

немой посудой, а запах веллингтоновских сапог стал еще ощутимее.

Я приехал в половине третьего без предупреждения и застал Ронси во дворе, где он наблюдал, как Пэт со стариком распиливают огромный горбыль высохшего дерева. Он глянул на меня довольно косо, но в дом все-таки пригласил, кинув через плечо приказание сыну прибраться в кладовой, после того как тот разделается с дровами.

На диване спала Мэдж. По-прежнему без чулок, все в тех же голубых шлепанцах и том же желтом платье, только теперь очень запачканном спереди. Ронси отнесся к ее присутствию с полным равнодушием и жестом пригласил присесть в кресло.

— Я не нуждаюсь в помощи «Блейз», — упрямо повторял Ронси. — Зачем это мне?

— Все зависит от того, насколько вы заинтересованы в участии Тиддли Пома в скачках.

— Бежать он будет — это ясно. — Ронси был настроен решительно и агрессивно. — Это я вам обещаю. Всякий, кто утверждает обратное...

— В таком случае, — мягко перебил я его, — может произойти одно из двух: поскольку дело получило широкую огласку, мошенник, возможно, передумает и не станет мешать Тиддли Пому. Однако не исключено, что эти люди пойдут на все, чтобы убрать его со старта. Конечно, им следует отказаться от этой идеи, если они обладают хоть каплей здравого смысла. Но я не уверен, что нам стоит рассчитывать на их здравый смысл.

— Им это не удастся! — Решительно очерченный подбородок, упрямое выражение глаз.

— Можете не сомневаться, тем или иным путем они этого добьются, если захотят.

— Я вам не верю!

— Но почему не принять мер предосторожности просто на всякий случай? «Блейз» берет на себя все расходы.

Он долго и пристально смотрел на меня:

— И вы пойдете на это не только ради рекламы, которая покрывает вашу скандальную газетенку неувядаемой славой?

— Двойная цель, — объяснил я. — Отчасти мы делаем это ради вас и болельщиков, которые ставят на лошадь деньги. Но и про себя не забываем. Цель у нас общая: довести Тиддли Пома до скачек целым и невредимым.

Он задумался.

— Что за меры предосторожности? — вымолвил он наконец.

— Возможны три варианта, — сказал я. — Самый простой — написать письмо Уэзербису, где вы подтвердите свое намерение участвовать в Золотом кубке и попросите его непременно связаться с вами, если он получит любого рода указания вычеркнуть лошадь из списков до или после действия четырехдневной декларации. Надеюсь, вы понимаете, что, например, я, да и вообще кто угодно, может послать телеграмму или передать по телефону от вашего имени, что лошадь снимается со скачек, и не так-то просто будет снова включить ее в списки.

Он разинул рот:

— Кто угодно?

— Да, и от вашего имени. Это несложно. Каждую неделю Уэзербис получает сотни посланий такого рода. Их никто не проверяет, даже через тренера.

— Господи Боже, — прошептал он, совершенно потрясенный. — Я напишу сию же минуту. Нет, лучше позвоню. — Он приподнялся.

— Это не так срочно, — остановил его я. — Гораздо вероятнее, что такое распоряжение придет в

последний момент, чтобы на фаворита сделали как можно больше ставок.

— Да, верно... — Он снова сел, и тут его осенило: — Но если «Блейз» заявит, что берет на себя заботу о безопасности Тиддли Пома, а потом он по той или иной причине не будет участвовать, то вы попадете в совершенно дурацкое положение.

Я кивнул:

— Да, риск есть. Но все же... мы постараемся. При этом мы должны рассчитывать на самое искреннее и стопроцентное ваше сотрудничество, а не на пустые обещания.

Он решился.

— Считайте, что я с вами. Что дальше?

— Тиддли Пома надо перевести в другую конюшню.

Это его потрясло.

— Нет, нет, никогда!

— Здесь слишком ненадежное место.

Он кашлянул:

— Куда же в таком случае?

— В конюшни главного тренера. Там он, кстати, пройдет отличную подготовку. И кормят прекрасно. Вам ежедневно будут сообщать о его самочувствии.

Ронси несколько раз безмолвно открыл и закрыл рот.

— И наконец, — продолжал я, — ваша жена должна уехать вместе с тремя младшими сыновьями.

— Это невозможно, — по инерции запротестовал он.

— Это необходимо. А если кого-нибудь из ребят похитят? Неужели вы согласитесь поставить жизнь сына на карту в зависимости от участия лошади в скачках?

— Это невозможно, — слабо повторил он. — Им достаточно просто пригрозить.

Мэдж приподнялась и открыла глаза, совсем не сонные.

— Куда и когда мы едем? — спросила она.

— Завтра узнаете, когда прибудете на место.

Она улыбнулась радостно и оживленно. Мечты превращались в реальность. Однако сам Ронси был далек от восторгов.

— Ох, не нравится мне все это, — нахмурившись, пробурчал он.

— Вам тоже лучше уехать. Уехать всей семьей.

Ронси покачал головой:

— Но, кроме Тиддли Пома, есть и другие лошади. И ферма. Я не могу все бросить. А Пэт и Питер нужны мне здесь.

На это я согласился, поскольку он уступил в главном.

— Только не говорите детям об отъезде, — предупредил я Мэдж. — Просто завтра утром не отправляйте их в школу. А часов в девять вам позвонят. Одежду берите самую простую. Побудете там до конца субботних скачек. Только прошу вас, ни в коем случае не посылайте писем по этому адресу и детей предупредите. Если захотите, отправляйте письма нам, в «Блейз», а уж мы доставим их мистеру Ронси.

— А Вик может нам писать? — спросила Мэдж.

— Конечно, но тоже через «Блейз». Ему не следует знать, где вы находитесь.

Тут оба они заспорили, но в конце концов я настоял на своем. Ведь ни при каких обстоятельствах нельзя проговориться о том, чего не знаешь...

— Кроме всего прочего, вами могут заинтересоваться не только мошенники. Журналисты из конкурирующих газет обычно не упускают случая напасть на «Блейз» и тоже начнут охотиться за

вами. А они отличные специалисты по розыску тех, кто имеет причины скрываться.

Супруги Ронси сидели, взирая друг на друга с глуповато-бессмысленным видом, а я вышел из дома и погнал свой фургон в Лондон. Микстуру Тонио я прикончил еще утром, но дороге в редакцию, и держался теперь на таблетках Элизабет, но это было совсем не то. Я вернулся домой, умирая от жажды, усталый, разбитый и полный дурных предчувствий.

Кресло и виски помогут отделаться от первых трех ощущений.

Что же до последнего, то я никак не мог решить, что хуже: еще одно столкновение с ребятами Бостона или провал операции с Тиддли Помом. Я не застрахован ни от того, ни от другого. Причем одна неприятность не исключает другую.

— Что с тобой, Тай? — Голос Элизабет звучал встревоженно.

— Ничего, — улыбнулся я. — Со мной полный порядок, детка.

Морщинки на ее лице разгладились, и она улыбнулась в ответ. Бедная, бедная моя Элизабет. В порыве нежности я протянул руку и погладил ее по щеке, а она повернула голову и поцеловала мои пальцы.

— Ты потрясающий человек, Тай! — сказала она. Нечто в этом роде она говорила минимум дважды в неделю. Я сморщил нос и ответил обычным:

— Ты и сама не так уж плоха, старушка!

Несчастье, которое принесла в наш дом ее болезнь, было непроходящим. И так будет всегда. Для нее это вечное, неизбывное состояние. Для меня существовали выходы, например Гейл. И когда я пользовался ими, то испытывал не только обычное для неверного мужа чувство вины — я

знал, что совершаю предательство. Элизабет не могла покинуть поле битвы, а я, когда становилось совсем невозможно, ускользал и оставлял ее сражаться в одиночестве...

* * *

На следующий день в девять утра Дерри Кларк посадил Мэдж и троих ребятишек Ронси в свой «Остин» и повез их в Портсмут, а оттуда паромом на остров Уайт.

В полдень я прибыл на ферму в машине с прицепом, которую одолжил в городе у одного приятеля. Ронси скрепя сердце расстался с Тиддли Помом и загрузил второе стойло прицепа мешками с овсом и тюками сена; кроме того, он умудрился сунуть туда седло и уздечку, а также дюжины три яиц и бутылку пива в плетенке. Описание режима питания и тренировок заняло у него четыре страницы, причем сплошь и рядом строчки были жирно подчеркнуты красным карандашом. Раз шесть я пообещал ему, что обязательно заставлю тренера следовать инструкциям до последней запятой.

Пэт с кривой ухмылкой помогал при погрузке и, видно, ничуть не огорчился, что расстается с лошадьёю. Заметив, что я смотрю на него, он метнул в мою сторону преисполненный иронии взгляд и когда проходил мимо, шепнул:

— Пусть на своей шкуре почувствует, как это бывает.

Безутешный Виктор Ронси стоял посреди захламленного двора, провожая последним взглядом свое сокровище, а я выехал за ограду и медленно повел фургон по узким дорогам Эссекса на запад, к Беркширу. Миль через пять я притормозил у телефонной будки и набрал номер Западной школы искусств.

— Вот уж сюрприз так сюрприз... — сказала Гейл.

— Да, — согласился я. — Как насчет воскресенья?

— М-м... — Она задумалась. — А как насчет завтра?

— А что, разве завтра нет занятий?

— Да нет, я хочу сказать — завтра ночью...

— Завтра... на всю ночь?

— Так как, сможешь?

Я так глубоко вздохнул, что заныли ребра. Все зависело от того, сможет ли остаться миссис Вудворд, иногда она соглашалась.

— Тай, ты меня слышишь?

— Я думаю...

— О чем?

— Что сказать жене.

— Ты меня убиваешь! Так да или нет?

— Да, — вздохнув, ответил я. — Где?

— В гостинице, надо полагать.

— Хорошо, — согласился я. Я узнал, когда она заканчивает занятия, и мы договорились встретиться на станции Кингс-кросс.

Набрав домашний номер, я услышал голос Элизабет:

— Тай? Ты где?

— На шоссе. Все в порядке. Просто я забыл спросить миссис Вудворд, сможет ли она побыть с тобой завтра ночью... Мне надо поехать в Ньюкасл на подготовку к воскресным скачкам... «Дрянь, — подумал я, — подлая, вонючая дрянь. Лживая, низкая гадина».

Я с тоской прислушивался к обрывкам разговора в трубке, и настроение ничуть не улучшилось, когда она ответила:

— Она говорит, что согласна. Тай, все в порядке. Вернешься домой в субботу?

— Да, милая. До вечера.

— Хорошо.

— До вечера. — По ее голосу я почувствовал, что она улыбается.

— Пока, Тай. До вечера.

На всем остальном пути к конюшням Нортона Фокса я мучился угрызениями совести, сожалея о содеянном. И зная, что встречу с Гейл отменять не буду. У самого Беркшира у меня чудовищно разболелась голова.

Нортон Фокс с любопытством заглянул в прицеп, припаркованный на частной стоянке возле его дома.

— Так это и есть знаменитый Тиддли Пом?.. Да, нельзя сказать, что он производит сильное впечатление.

— Так и есть, — кивнул я. — Спасибо, что согласился принять его.

— Всегда рад помочь. Поставлю его в стойло рядом с Зигзагом. Тогда Сэнди Виллис сможет присматривать сразу за обоими.

— Надеюсь, вы не сказали ей, кто он? — озабоченно спросил я.

— Конечно нет. — Он снисходительно улыбнулся. — Купил недавно в Кенте иноходца... Пока еще не забрал. Сэнди и другие ребята будут думать что это он и есть.

— Прекрасно.

— Пойду скажу старшему конюху, чтобы он отвел машину во двор и занялся разгрузкой. А вы зайдите в дом на чашку чая.

Я опрометчиво согласился, с запозданием вспомнив тот черный чай, которым меня угощали в прошлый раз.

— Ну вот, опять то же самое, — пожаловался Нортон. — Моя домоправительница чудовищно экономна, ее невозможно заставить приготовить по-настоящему крепкий чай.

— Что, фотографии из «Тэлли» были у вас? — спросил я, когда он налил себе чашку и уселся напротив.

Он кивнул:

— Сделали с Сэнди Виллис кучу снимков, чем привели ее в полное смятение.

Он предложил мне половину довольно черствого на вид фруктового пирога и, когда я отказался, сам откусил огромный кусок.

— Эта ваша статья в воскресном номере, — выдал он через набитый смородиной рот, — должна произвести кое-где впечатление разорвавшейся бомбы.

— Гм... Надеюсь.

— Краткий... мой чемпион по стипль-чезу... он ведь точно был одним из тех нестартеров. Это ясно. Хоть вы и не назвали его прямо.

— Да, это он.

— Тай, а вы узнали, почему Дэмбли снял свою лошадь, а потом вообще бросил заниматься этим делом?

— Я не имею права говорить об этом, Нортон.

Склонив голову набок, он выслушал ответ и кивнул:

— Что ж, когда-нибудь потом скажете.

Я улыбнулся:

— Только в том случае, если с рэкетом будет покончено.

— А вы не сворачивайте с дороги, так оно и будет. Если и дальше разоблачать их перед публикой, в предварительные ставки перестанут верить, и мы перейдем на американскую систему, где все деньги поступают только в день скачек, ни минутой раньше. У них ведь это делается именно таким образом?

— Легально, да.

Большими глотками он осушил чашку.

— Тогда и посещаемость сразу подскочит.

— И размер денежного вознаграждения тоже. Помните, как один их жокей, чемпион прошлого года, разом отхватил свыше трех миллионов долларов? Гордон Ричард небось рыдал от зависти.

Я поставил недопитую чашку на стол и поднялся.

— Пора, Нортон. Надо ехать. Еще раз спасибо за помощь.

— Готов на все, лишь бы не повторился случай с Кратким.

— Счета на все расходы посылайте в «Блейз».

Он кивнул:

— И каждый день звонить в спортивный отдел и докладывать вам, или Дерри Кларку, или тому человеку по имени Люк-Джон?

— Совершенно верно. Да, тут вот еще инструкция Виктора Ронси. В вечернюю кормежку давать Тиддли Пому яйца и пиво.

— Я знал одного владельца, так он посылал своему жеребцу шампанское.

Я отвел трейлер к дому приятеля, сел там в свой фургон и поехал домой. Десять минут седьмого... У миссис Вудворд была рекордная неделя по части переработки. Наверное, поэтому она приготовила на ужин цыплят «по-королевски» и оставила их теплыми в духовке. Я поблагодарил ее.

— Не за что, мистер Тайрон. Всегда рада служить. Пока, милая. До завтра. Приеду с вещами, чтобы заночевать.

Я поцеловал Элизабет, разлил напитки, съел цыплят, посмотрел телевизор и у меня понемногу снялось напряжение. После ужина надо приниматься за воскресную статью. Желание заниматься этим равнялось нулю и ниже. Я направился в кабинет с намерением сочинить сдержанное продолжение воскресного опуса с подтекстом вроде «не стоит под-

пиливать сук, на котором сидишь». Но уже после первых строчек намерение это испарилось. Чарли Бостон и тот иностранный джентльмен в «Роллсе» вряд ли придут в восторг.

Утром, перед тем как ехать в редакцию, я собрал сумку с вещами, а Элизабет напомнила, чтобы я захватил будильник и чистую рубашку.

— Терпеть не могу эти твои отъезды, — сказала она. — Знаю, ты едешь нечасто, во всяком случае, гораздо реже, чем должен. Я знаю, что в самые отдаленные места почти всегда посылают Дерри, и чувствую себя виноватой: ведь его жена остается совсем одна с крошечными детьми.

— Не печалься, — улыбнулся я. — Дерри обожает ездить.

Я почти уже верил, что сегодня дневным поездом отправлюсь в Ньюкасл. До встречи с Гейл оставались долгие часы, она казалась мне нереальной. Я три раза чмокнул в щеку Элизабет — ужасно не хотелось оставлять ее...

* * *

Приехав в редакцию, я обнаружил, что ни Люка-Джона, ни Дерри на месте нет. Секретарша протянула мне большой конверт, который, по ее словам, доставили в среду, как только я ушел. Я вскрыл его. Гранки статьи в «Тэлли», их следует вычитать и немедленно отослать обратно.

— Вчера они звонили вам два раза. Статья идет в набор сегодня вечером. Просили срочно позвонить.

Я прочитал гранки. Арнольд Шенкертон внес кое-какие поправки, его несколько педантичный подход к грамматике ощущался почти в каждой строчке. Я вздохнул. Поправки мне не понравились.

— К сожалению, мы торопились, и нам пришлось напечатать статью, так как мы не дождались

от вас никакого ответа, — сказал он прекрасно поставленным тенором и одновременно раздраженным и извиняющимся тоном.

— Это моя вина. Я только что получил гранки.

— Понимаю. Что ж, после того как я над ней поработал, читается прекрасно, не так ли? Мы вполне довольны. Думаю, она будет иметь успех. Они очень ценят такую доверительную, немного интимную манеру изложения.

— Я рад. А нельзя выслать мне экземпляр?

— Буду иметь в виду, — учтиво ответил он. Вероятно, придется самому покупать этот номер в киоске. — Теперь назовите ваши расходы. Надеюсь, они невелики?

— Ага, — согласился я. — Самые пустячные.

Люк-Джон и Дерри вошли, как только я повесил трубку. Люк-Джон, не потрудившись даже пожелать мне доброго утра, протянул лапу за воскресным подношением. Я вытащил статью из кармана и передал ему. Он развернул сложенные листочки и быстро пробежал их глазами.

— Гм, — произнес он наконец. — Ожидал большего.

Дерри взял второй экземпляр и тоже прочитал.

— Еще немного, и Тай сожрал бы их с потрохами, — не согласился он.

— Неужели нельзя подчеркнуть, что только «Блейз» известно местонахождение Тиддли Пома? — спросил Люк-Джон. — Ты только намекнул на это.

— Вы считаете, это так необходимо?

— Да, считаю. «Блейз» заслужила, так как оплачивает все расходы.

— А если кто-нибудь найдет его... то есть Тиддли Пома? — осторожно спросил я. — Хороши мы будем! Сами спрятали, похвалялись на каждом шагу, а потом выдали его местопребывание...

— Никто его не найдет. Об этом знаем мы трое и Нортон Фокс. Вернее, только вам и Фоксу точно известно, где находится лошадь. Только вы и Фокс способны определить, которая из шестидесяти лошадей его конюшни является Тиддли Помом. Но вы же никому его не выдадите! Так кто же его найдет? Нет-нет, Тай, этой статье необходимо придать совершенно определенный характер. «Блейз» отвечает за безопасность лошади, и только «Блейз» известно, где она находится.

— Вряд ли это понравится Чарли Бостону, — заметил Дерри, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Что ж, придется Чарли Бостону «скушать» и это, — нетерпеливо произнес Люк-Джон.

— Я хочу сказать, — продолжал Дерри, — что Бостон может натравить своих головорезов на Тая за то, что он наплевал на их предупреждение не совать нос в эти дела.

Свой человек, Дерри, вот кто настоящий друг!

Секунды на две, не больше, Люк-Джон призадумался, потом покачал головой:

— Не посмеют!

— А даже если и посмеют, — вставил я, — то вы получите прекрасный материал для новой статьи, и газета будет продаваться еще лучше.

— Совершенно верно, — автоматически произнес Люк-Джон, но тут же спохватился и подозрительно посмотрел на меня. — Это что, шутка?

— Маленькая, — вздохнул я и улыбнулся.

— Тогда измени предисловие, Тай. Придай ему стопроцентно оригинальный характер. — Он взял карандаш и перечеркнул первый абзац. Прочел следующий, задумчиво потер кадык, оставил как есть. Урезал следующий кусок. Перевернул страницу.

Дерри с сочувствием следил за тем, как растет число карандашных пометок. С его материала-

ми это тоже случалось частенько. Люк-Джон прочел текст до конца и вернулся к началу, поясняя каждую поправку. Он постепенно превращал мой довольно безобидный оригинал в орудие убойной силы.

— Вы что, погибли моей захотели? — спросил я.

Полдня пришлось провести за обработкой статьи. Вариант, который в конце концов пропустил Люк-Джон, являл собой некий компромисс между его и моей точками зрения. Люк-Джон сам отнес текст главному редактору, сидел там, пока тот читал, и вернулся с видом победителя.

— Ему понравилось. Сказал, что это замечательный материал. И вчерашняя статья Дерри по итогам гандикапа тоже понравилась. Он говорит, что спортивный отдел вносит ценный вклад в работу всей газеты.

— Вот и чудесно, — весело заметил Дерри. — Как насчет очередной прибавки?

— Самое время пропустить по кружечке пива, — взглянув на часы, предложил Люк-Джон. — Идешь с нами, Тай?

— Нортон Фокс еще не звонил.

— Так позвони ему сам.

Я позвонил Фоксу. Тиддли Пом чувствовал себя превосходно, ужинал с аппетитом, устроен со всеми удобствами. Утром пробежал около мили, и никто не взглянул на него.

Поблагодарив его, я сообщил эти сведения Ронси, который, мне показалось, был одновременно и возбужден, и опечален.

— Ох, не нравится мне все это, — несколько раз повторил он.

— Что же, хотите держать его у себя на ферме, подвергая такому риску?

Помолчав, он сказал:

— Нет, пожалуй, нет. Но мне это не нравится. Не забудьте позвонить вечером. Весь день я на скачках в Кемптоне.

— Вам позвонит редактор спортивного отдела. И не волнуйтесь так.

Он опустил трубку, пробурчав нечто вроде «хм»: Люк-Джон и Дерри уже выходили из комнаты, я догнал их, и мы отправились перекусить.

— Прошло всего две недели со дня смерти Берта Чехова, — заметил Дерри, раскачиваясь на табуретке у стойки, — и всего десять дней назад мы догадались об этом рэжете с нестартерами. Забавно...

Куда уж забавнее! А до скачек на Золотой кубок осталось еще восемь дней. В понедельник, решил я, буду отсиживаться дома, в безопасном месте.

— Заруби себе на носу, — сказал я Дерри. — Никому не давать номер моего телефона.

— Чего ты вдруг?

— Вспомнил о Чарли Бостоне. Моего адреса нет в телефонной книге.

— Ни я, ни Дерри никому твой адрес давать не собираемся! — с раздражением отчеканил Люк-Джон. — И прекрати сейчас же. Тай, а то можно подумать, что ты действительно трусишь!

— Ну и думайте на здоровье, — согласился я, и они весело расхохотались.

Дерри, понятное дело, был доволен, что я вместо Кемптона вызвался ехать в Ньюкасл, раз в кои-то веки оставив ему Лондон.

— А удобно тебе? — смущенно спросил он. — Я имею в виду твою жену...

Я успокоил его, сказав, что думает по этому поводу Элизабет. Люк-Джон не преминут справиться:

— Как она?

И я ответил:

— Прекрасно.

Остаток дня я проболтался в редакции. Люк-Джон был занят сначала с футбольным обозревателем, потом с корреспондентом из гольф-клуба.

А Дерри вдруг решил рассказать, как он отвозил ребятишек Ронси на остров Уайт.

— Крикливые, чертенята, — неодобрительно проворчал он. — И мать совершенно не в силах с ними сладить. Да и вообще она спит на ходу. Только чудом никто из них не свалился с парохода, если учесть, что Тони все время перевешивался через борт, желая посмотреть, как работают лопасти гребного колеса. Я сказал, что они под водой и потому их не видно. Но ему что говори, что нет — как об стенку горох!

Я сочувственно хмыкал, с трудом сдерживая смех.

— Вот радости-то было, наверное!

— Еще бы! Шутишь, что ли, — вместо школы каникулы у моря. Тони заявил, что хочет купаться, неважно, что сейчас ноябрь. Мамаша и не пыталась его удерживать. В конце концов они устроились в пансион. Думаю, нам придется оплачивать астрономические счета за разные разрушения. Им показалось ужасно забавным, что они будут жить под фамилией Робинзонов. «Лучше и не придумашь, — сказали они. — Теперь мы будем делать вид, что живем далеко, на необитаемом острове». Честно сказать. Тай, перед самым отъездом я почувствовал, что дошел до ручки.

— Переживешь. Тебе еще предстоит вывезить их оттуда.

— Только не я! — нервно воскликнул он. — Теперь твоя очередь.

Ровно в четыре я взял чемодан и поехал на станцию Кингс-кросс. Поезд на Ньюкасл отправлялся в пять. Я видел, как он отошел от платформы.

В пять сорок Гейл в элегантном темно-синем пальто с кремово-белым чемоданом в руке вышла из подземки. Несколько человек обернулись ей вслед, а мужчина, который тоже очень долго ждал кого-то рядом со мной, не сводил с нее глаз, пока она не подошла вплотную.

— Привет, — сказала она, — извини, что опоздала.

— Ерунда.

— Я вижу, — сказала она с плохо скрываемым торжеством в голосе, — проблему с женой удалось уладить.

Глава 9

В теплой тьме она шевельнулась возле меня, я еще крепче прижал ее к груди и зарылся носом в нежно пахнущие духами волосы.

— Всегда что-нибудь новое, — сонно сказала она. — Сломанные ребра — это...

— Я их не чувствую.

— Врешь, чувствуешь. Как это случилось?

— Что?

— Где ты так разукрасился?

— Один спор проспорил.

— Ничего себе спор. Должно быть, целая дискуссия.

Я улыбнулся в темноту.

— Тай!

— А?

— А нельзя нам остаться здесь на уик-энд?

— Мне придется передать по телефону сообщение из Ньюкасла. Это нельзя отменить.

— Черт бы побрал «Блейз»!

— Но есть еще воскресенье...

— Да здравствует гольф-клуб!

Довольно долго мы лежали молча. Сон навигался на меня тяжелой волной, я пытался побороть его. Так мало в моей жизни часов, подобных этим... Разве можно их тратить на сон!

Для Гейл время не было столь драгоценным. Ее голова соскользнула мне на руку, легкое дыхание согревало грудь. Я вспомнил, как Элизабет, точно так же свернувшись клубочком, лежала подле меня в те давние дни, и впервые подумал о ней без чувства вины, а с печалью и сожалением.

Гейл проснулась сама и схватила меня за руку — взглянуть на светящийся циферблат.

— Не спишь? Уже без десяти шесть.

Я успел на восьмичасовой поезд за десять секунд до отхода. Холодное и сырое утро, глухой лязг и шум, невнятные обрывки объявлений, из-под колес паровоза со свистом вырывался пар. Озябшие сонные пассажиры сплошной массой торопились куда-то этим типично английским утром.

Такой же озябший и с сонными глазами, я поплелся в вагон-ресторан привести себя в норму чашкой крепкого черного кофе, однако и он не помог избавиться от тягостного чувства уныния и подавленности, охватывавшего меня всякий раз после свидания с Гейл. Я вспомнил, что оставил ее спящей в тепле и уюте на мягкой постели, вспомнил, как она говорила, что воскресенье уже завтра. Воскресенье завтра — это несомненно, но предстояло прожить еще субботу. Сейчас, в этом состоянии, она казалась мне бесконечной.

Четыре с половиной часа езды до Ньюкасла. Я проспал большую часть пути, а когда не спал, вспоминал вечер и ночь, которые мы провели вместе. Мы сняли комнату в маленькой гостинице у вокзала, и я записался в регистрационной книге под фамилией мистер и миссис Тайрон. Никто не проявил к нам особого интереса, портье пока-

зал нам уютную, но чистую комнату, дал ключ, спросил, не желаем ли мы, чтобы утром подали чай, извинился, что у них не готовят обед, и сообщил, что неподалеку имеется несколько приличных ресторанов. Я заплатил вперед, сказав, что боюсь опоздать на утренний поезд. Мне улыбнулись в ответ и поблагодарили, не задавая лишних вопросов. Невозможно понять, догадались они о чем-нибудь или нет.

Мы немного поболтали, потом пошли выпить в бар, а оттуда — в индийский ресторан, где очень долго сидели, но ели мало, и еще дольше пили кофе. Гейл сохраняла обычно присущий ей независимый и непринужденный вид и в окружении людей того же цвета кожи резко выделялась поразительной красотой. Я, бледнолицый, оказался в меньшинстве. Заметив это, она сказала:

— Думаю, для таких, как я, Лондон — лучшее место в мире.

— Наверное, не только для таких.

Она покачала головой:

— Именно для людей смешанной расы. Во многих странах я была бы аутсайдером. И никогда не смогла бы получить такую работу.

— Не замечал, чтобы тебя хоть как-то угнетало твое происхождение, — сказал я.

— Я принимаю его как данность. Честно говоря, даже не знаю, хотела бы я родиться чисто белой или черной. С тобой мне легко, потому что тебе это безразлично.

— Ну нельзя сказать, чтобы ты была мне совсем уж безразлична, — улыбнулся я.

— Черт возьми, ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Тебе все равно, цветная я или нет.

— Ты цветная и такая красивая. Потрясающее сочетание!

— Я серьезно, — жалобно произнесла она.

— И такая гладкая и блестящая, до самой последней жилочки!

— Если ты хочешь сказать, что и сердце у меня твердое как камень, тогда, пожалуй, ты прав.

— И в один прекрасный день ты бросишь меня не моргнув глазом?

— А мы расстанемся? — В голосе ни волнения, ни печали.

— А как ты думаешь?

— Я думаю, ты вряд ли бросишь свою жену ради меня. — Вот так, просто, откровенно, без лишних слов и разных экивоков... — Ведь не бросишь?

Я ответил не сразу:

— Я никогда не оставлю ее.

— Так я и думала. В таких делах предпочитаю откровенность. Тогда, по крайней мере, довольствуешься тем, что имеешь, и не ждешь большего. Ставка сразу на двух лошадей.

— Не понимаю...

— Страхуешь себя от возможных потерь. Люди, жаждущие невозможного, всегда страдают. Они глубоко, по-настоящему несчастны. Это не для меня.

— Что ж, если тебе удастся обойтись без страданий, считай, что ты счастливее многих.

— Буду стараться изо всех сил.

Однажды все это благоразумие разлетится в пух и прах под напором сильного чувства. Мне не хотелось, чтобы это случилось, пока она со мной. Меня вполне устраивал характер наших нынешних отношений. И я мечтал, чтобы все оставалось по-прежнему. Мы будем встречаться до тех пор, пока она не станет требовать чего-то большего. И поскольку Гейл прекрасно понимала это, у нас имелся реальный шанс не сорваться с натянутой проволоки.

За кофе мы вновь, как и раньше, заговорили о деньгах. Гейл пожаловалась, что ей их никогда не хватает.

— А кому хватает? — спросил я, вполне разделяя ее чувства.

— Ну, твоей жене, например... — В ее голосе я уловил слабый оттенок язвительности, немедленно подавивший во мне естественное желание отрицать. — Прости, — сказала она почти тотчас же. — Мне не следовало этого говорить. Неважно, что она там имеет. Я рассуждаю о том, чего не хватает мне. Ну, скажем, своей машины, машины спортивного типа, чтобы не приходилось каждую минуту одалживать у Гарри. И собственной квартиры, светлой и солнечной, с окнами в парк. И чтоб не считать каждого пенни. И чтобы я могла покупать своим друзьям шикарные подарки. И иногда слетать в Париж на несколько дней, а отпуск провести в Японии...

— Тогда тебе не худо было бы выйти замуж за миллионера, — посоветовал я.

— Я и собираюсь!

Мы рассмеялись, но в глубине души я понимал, что она говорит серьезно. Мужчину, с которым она в конце концов не захочет расставаться, наверняка ожидают проблемы с добавочным подоходным налогом. Интересно, что бы она подумала, если б узнала, что денег у меня ровно столько, чтобы заплатить за обед и номер в гостинице, поскольку с помощью гонорара из «Тэлли» я рассчитывал заткнуть самые вопиющие дыры в семейном бюджете. Что бы она подумала, если б узнала, что на руках у меня беспомощная, парализованная жена без гроша в кармане, а вовсе не богачка?.. Возможно, узнав об этом, она постаралась бы отделаться от меня как можно скорее.

Однако мне хотелось оттянуть этот момент по мере сил и возможностей.

* * *

На первый заезд в Ньюкасле я опоздал и добрался до ложи прессы только к середине второго. Деликатно прозондировав почву у коллег-журналистов, я узнал, что в скачках с препятствиями, во время которых я пытался убедить водителя такси поднять ставку до двадцати, ничего сенсационного не произошло. Люк-Джон ни о чем не догадается.

После четвертого заезда я продиктовал по телефону краткое сообщение, а после пятого, во время которого один из ведущих жокеев сломал ногу, передал второе.

Перед самым концом соревнований кто-то тронул меня за руку. Я обернулся: Колли Гиббонс. Вид у него был смущенный и раздосадованный.

— Послушайте, Тай, окажите мне одну услугу.

— Какую именно?

— Вы ведь поездом приехали? Первым классом?

Я кивнул: по этой части в «Блейз» не скупилась.

— Тогда поменяемся обратными билетами. — Он вытащил из кармана узкую книжечку, которая оказалась билетом на самолет от Ньюкасла до Хитроу. — Тут затеяли какую-то дурацкую встречу, надо идти сразу после скачек, — объяснил он. — И я никак не успеваю на самолет. Причем узнал об этом только сейчас... и все это чертовски неудобно. Но поезд идет позднее. А мне непременно надо сегодня же вернуться в Лондон.

— Договорились, — согласился я. — Я не против.

Он улыбнулся, но хмурое выражение не сошло с его лица.

— Спасибо! И вот вам ключи от машины. Она на стоянке, напротив небоскреба «Европа». — Он сообщил мне номер машины и объяснил, где ее найти. — Поедете на ней домой.

— Уж лучше доеду до вашего дома и там оставлю, — сказал я. — Тогда не надо будет возиться с ней завтра.

— Ну, как вам удобнее...

Я кивнул и протянул ему свой билет.

— Здесь живет один мой приятель, он должен был подкинуть меня до аэродрома. Попрошу его отвезти вас.

— Есть новости от жены? — спросил я.

— Да в том-то и дело... Она написала, что нам надо попробовать начать все сначала. Сегодня вечером возвращается домой. Если я не приеду к ночи, начнутся подозрения, и она снова уйдет.

— Может, плюнуть на эту встречу? — посоветовал я.

— Не могу, обязали быть. Да теперь и неважно, вы так помогли мне... Уж будьте другом до конца. Передайте ей, если застанете дома, что я скоро приеду.

— Непременно передам.

Приятель Гиббонса подвез меня до аэродрома, я долетел до Хитроу, разыскал машину, приехал в Хэмпстед, все объяснил миссис Гиббонс, которая обещала ждать, и, к радости Элизабет и неудовольствию миссис Вудворд, вернулся домой на два с половиной часа раньше срока.

Воскресное утро. Мать Элизабет не приехала. Десять пятнадцать. Десять тридцать. Ее нет. В одиннадцать позвонили с фермы и сообщили, что моя теща лежит в постели с каким-то вирусным заболеванием, нет, ничего серьезного, не беспокойтесь, она позвонит дочери, как только ей станет немного лучше.

Все это я изложил Элизабет.

— Что ж, — сказала Элизабет с философским спокойствием, — мы тихо и уютно проведем день вдвоем...

Я улыбнулся ей, изо всех сил стараясь скрыть разочарование.

— А как ты думаешь, не согласится ли Сью Дэвис побыть с тобой минутку, пока я сбегаю за виски?

— Надо попросить, она сама купит.

— Да я хочу немного поразмяться.

Она понимающе улыбнулась и позвонила Сью. Та появилась в двенадцать в джинсах, перепачканных мукой.

Я добежал до ближайшего автомата и набрал номер Хантерсонов. Телефон звонил и звонил, но никто не ответил. Уже ни на что не надеясь, я узнал номер станции в Вирджиния-Уотерс и позвонил туда. Нет, ответили мне, никто не заметил никакой молодой дамы, ожидавшей в автомобиле на стоянке. И утром тоже не видели. Я опять позвонил Хантерсонам. Тот же результат.

Я вяло дошел до ближайшей пивной и купил виски, потом попробовал позвонить еще раз по телефону, установленному в маленьком холле. Ни ответа. Ни Гейл.

Я пошел домой.

Сью Дэвис читала Элизабет мою статью в «Блейз».

— Не в бровь, а в глаз, — радостно прокомментировала она. — Должна сказать тебе, Тай, не ожидала, что ты способен подложить такую бомбу!

— А почему бы нет? — весело спросила Элизабет с плохо замаскированным беспокойством. Ей ужасно не хотелось, чтобы меня принимали за слабохарактерного человека только потому, что я отдаю ей все свободное от работы время. Она

никогда никому не рассказывала, как много я делаю для нее, постоянно притворяясь, что миссис Вудворд полностью взяла все заботы в свои руки. По-видимому, она считала, что это может показаться кому-то недостойным мужчины. На людях я должен выглядеть лихим, никогда не притрагивающимся к грязной посуде парнем. И так как я всегда хотел угодить ей, то исправно играл эту роль, пока мы с ней не оставались наедине.

— Да нет, он в порядке, — запротестовала Сью и внимательно посмотрела на меня. — Все нормально.

— И вообще, что ты хотела этим сказать? — Элизабет по-прежнему улыбалась, ожидая ответа.

— О... да только то, что наш Тай такой тихий, спокойный, а этому... — показала она на газету, — палец в рот не клади. — Склонив голову набок, она оценивающе посмотрела на меня, потом повернулась к Элизабет и, движимая лучшими намерениями, сказала: — Этот такой мягкий, а тот твердый как камень.

— И ничуть не мягкий, — уловив в смехе Элизабет оттенок огорчения, возразил я. — Когда тебя здесь нет, я швыряю ее по комнате, а каждую пятницу ставлю фонарь под глазом. — Элизабет успокоилась, ей понравился мой ответ. — Оставайся, выпей с нами, — предложил я Сью, — раз уж я бегал за виски.

Но Сью отправилась домой допекать свой йоркширский пудинг, а я, не желая обсуждать произошедший разговор, поспешил на кухню готовить омлет. Элизабет очень любила омлеты и с помощью нового электроблока успешно справлялась с ними сама. Я немного помог ей, когда ее рука устала. Потом сварил кофе и закрепил кружку в держалке.

— А ты и вправду знаешь, где спрятана лошадь? — спросила она.

— Тиддли Пом? Да, конечно.

— Где же?

— Страшная тайна, покрытая мраком. Никому не могу сказать, даже тебе.

— Ну скажи, Тай, миленький, пожалуйста! — настаивала она. — Ты же знаешь, я не проболтаюсь.

— Ладно, скажу в следующее воскресенье.

Она сморщила нос.

— Спасибо и на этом. — Насос поднимал и опускал ее грудь, нагоняя воздух в легкие. — Надеюсь, никто не попытается... заставить тебя... проговориться? Рассказать, где находится лошадь? — Снова тревога, снова беспокойство. Она не могла быть иной. Она постоянно ходила по краю пропасти в ожидании чего-то, что может окончательно погубить ее.

— Конечно, нет, дорогая. Как им это удастся?

— Не знаю, — сказала она, но глаза ее были полны страха.

— Не волнуйся, — с улыбкой произнес я. — Если мне станут угрожать чем-нибудь действительно ужасным, я быстренько скажу, где эта лошадь. Ни один самый лучший на свете скакун того не стоит. Вспомни Дэмбли. Никто не станет жертвовать собой или благополучием близких ради участия лошади в скачках.

Элизабет уловила в моем тоне искренность и успокоилась. Мы включили телевизор и стали смотреть какой-то чудовищно старый фильм, нагнавший на меня смертельную тоску. Три часа. Я был бы уже на пути домой, если б поехал в Вирджиния-Уотерс. И еще пятница... Редкий, неожиданный подарок. Однако плохо, что аппетит, как кто-то сказал, приходит во время еды. Следующее воскресенье казалось невероятно далеким, словно я смотрел на него в телескоп с другого конца.

Выпивка, ужин, уход за Элизабет, постель. Никто не зашел, никто не звонил. Пару раз, когда я лежал в кресле, мне пришло в голову, что вызов, брошенный жуликам в статье, должно быть, расшевелил где-то огромное осиное гнездо.

Гудите, гудите, хлопотливые маленькие осы. Летайте вокруг «Блейз». Только не жальте меня.

* * *

Понедельник я провел в хлопотах по дому. Мыл фургон, писал письма, ходил покупать себе носки, не приближался к поездам, идущим на скачки в Лестер.

Два раза звонил Дерри и сообщил, что во-первых, Тиддли Пом процветает, и во-вторых ребяташки Ронси прислали ему пачку мятной жвачки.

— Ты здорово заработал, — сказал я.

— Да вообще-то они неплохие ребята...

— Представляю, с каким удовольствием ты поедешь их забирать!

Он прищелкнул языком и повесил трубку. Во вторник утром я пошел на работу. Был один из тех темноватых ноябрьских деньков, когда воздух насыщен влагой с кисловатым привкусом надвигающегося тумана. В одиннадцать утра еще ярко горели фонари. По Флит-стрит спешили люди, злобно присматриваясь друг к другу, словно вычисляя, кто сегодня сломает себе шею где-нибудь на повороте или лестничной ступеньке, а один человек покупал специальные спички для слепых.

Настроение у Люка-Джона и Дерри было под стать погоде.

— Что случилось? — скромно спросил я.

— Ничего не случилось, — ответил Дерри.

— Так в чем же дело?

— Где реакция? — сердито проворчал Люк-Джон. — Ни письма. Ни звонка. Впрочем, может, парни Бостона звонили тебе и угрожали?

— Нет, не звонили.

Спортивный отдел погрузился во мрак. Только я нисколько не огорчился, что статья провалилась с треском. Если только это действительно так. Пока еще рано делать какие-либо выводы. И я высказал им свои соображения.

— Будем надеяться, что ты прав. Тай, — подозрительным тоном произнес Люк-Джон. — Будем надеяться, что все до сих пор не было простым совпадением... Берт Чехов и нестартеры... Хорошо, если «Блейз» не угробила столько времени и денег на Тиддли Пома напрасно.

— Случай с ребятами Чарли Бостона не был простым совпадением.

— Надеюсь, что нет. — Он проговорил это таким тоном, словно считал, что я толком не разобрался в намерениях ребят Бостона.

— А что, вашему другу из Манчестера удалось узнать что-нибудь новенькое о Чарли Б.? — спросил я.

Люк-Джон пожал плечами:

— Да так, в основном разговоры о том, что вся его сеть игорных лавок перешла к более крупному концерну. Однако на деле все по-старому. Во всяком случае, он на своем месте и сам заправляет всеми делами.

— Что за концерн?

— Не знаю.

На всякий случай мы позвонили в четыре крупнейшие букмекерские конторы Лондона, контролирующие целую систему игорных лавок по стране. Ни в одной из них не проявили интереса к приобретению лавок Чарли Бостона. Правда, в голосе одного из дельцов я уловил нерешительность, и, когда на него как следует нажали, он сообщил:

— Примерно год назад мы действительно закидывали удочку насчет этой покупки. И поняли, что

одновременно ими интересуется какой-то иностранец. Но Бостон решил сохранить независимость и отклонил оба предложения.

— Благодарю вас, — сказал я, а Люк-Джон ехидно заметил, что я весьма далеко продвинулся в своем расследовании. И с яростью переключился на разбор целой груды писем, пришедших на статью одного из корреспондентов. А Дерри принялся заполнять бланки для скачек на второй день Рождества. Рабочая неделя со скрипом набирала ход. Вторник — день сплетен, среда — планирование, четверг — сочинение материалов, пятница — редакция, суббота — печатание. В воскресенье — выпуск «Блейз». А по понедельникам нашими статьями разжигали огонь в очагах или же заворачивали в них рыбу и картофельные чипсы. Бессмертие — не для журналистов.

Вторник был также днем выхода «Тэлли». Ни в редакцию, ни домой номера мне не прислали. Я дошел до ближайшего киоска, купил один экземпляр и вернулся.

Сногсшибательные фотографии, действительно высокого класса, и материал подан с толком. Следовало признать, что этот Шенкертон знал свое дело. Я даже простил ему вольное обращение с моим синтаксисом.

Позвонил в отдел доставки «Тэлли». Так и знал: они не высылают бесплатных экземпляров героям своих очерков, это не в их правилах. Но может быть, они все-таки сделают исключение? О, разумеется, давайте адрес, а счет вам пришлют. Я продиктовал шесть адресов: Хантерсонов, Ронси, Сэнди Виллис, Колли Гиббонса, Дермота Финнегана и Уилли Ондроя.

Дерри схватил журнал и начал просматривать мою статью со скоростью примерно с три раза меньшей, чем у Люка-Джона.

— Очень, очень глубоко, — с иронией произнес он, опуская журнал. — Сто пятьдесят морских саженей.

— И шестьдесят из них уйдет на оплату налогов.

— Кошмарная жизнь! Но если бы ты не наткнулся на Ронси, мы бы никогда не узнали о ракете с нестартерами.

«И ребра были бы целы», — подумал я. Правда, худшее позади. Только кашель, чихание, смех и бег с препятствиями были крайне нежелательны. Я даже прекратил принимать таблетки. Еще неделя, и все окончательно пройдет.

— Пока! — кивнул я Дерри. Люк-Джон махнул веснушчатой рукой.

Зажав «Тэлли» под мышкой, я спустился в лифте и, выйдя на улицу, повернул к Стрэнду, к магазину деликатесов, где продавали австрийский яблочный пирог, который так любила Элизабет.

Купил пирог. Вышел на улицу. Услышал у самого уха голос и через пальто ощутил укол чем-то острым в области поясницы.

— Это нож, мистер Тайрон.

Я стоял не шевелясь. На самых людных улицах человека можно было заколоть на глазах у всех. Никто ничего не замечал, пока тело не падало на мостовую. Убийцы с удручающим постоянством растворялись в толпе.

— Что надо? — спросил я.

— Стоять на месте, не двигаться!

Стоять на тротуаре Флит-стрит с журналом и яблочным пирогом. На месте... Интересно, как долго стоять?

— Долго стоять? — спросил я.

Он не ответил. Но я знал, что он здесь, потому что нож находился на том же месте. Так мы

простояли минуты две. У обочины бесшумно затормозил черный «Роллс». Задняя дверца распахнулась.

— Садитесь, — сказал голос за моей спиной.

Я забрался в машину. За рулем сидел шофер в черной униформе с крепкой прыщавой шеей. Человек с ножом последовал за мной и разместился рядом, на заднем сиденье. Взглянув на него, я понял, что где-то видел его раньше, только не мог вспомнить где. Аккуратно опустил пирог на пол. Откинулся. И мы поехали кататься.

Глава 10

Мы свернули на север к Олдвичу, затем по Друри-лейн доехали до Сент-Джайлз-серкус. Я не пытался удрать, хотя машина несколько раз останавливалась у светофора. сосед настороженно косился в мою сторону глазом, а я все пытался вспомнить, где же видел его раньше, и не мог. Мы проехали по Тоттенхем-корт-роуд, завернули налево, направо, снова налево. Прямо к Риджентс-парк, где «Роллс» описал полукруг и плавно подкатил к турникету в зоопарке.

— Выходите, — мотнул головой мой попугайчик.

Мы вышли из машины, и она тихо отъехала.

— Придется платить за вход, — заметил я.

Он бегло взглянул на меня, попытался одной рукой выудить из кармана мелочь, но не сумел, а расстаться с ножом не решался.

— Нет уж, — сказал он. — Вам платить за обоих.

Я заплатил, подавив усмешку. Он не выглядел страшным, как ни старался.

Мы прошли через турникет.

— Куда дальше? — спросил я.

— Прямо. Я скажу.

Зоопарк был почти пуст. В этот темный ноябрьский день сюда не подъезжали даже набитые школьниками автобусы. Над сетчатым вольером мрачно и пронзительно звенели птичьи голоса, а доска объявлений гласила, что кормежка грифов состоится в три часа.

Мужчина в темном пальто и черной фетровой шляпе сидел на скамейке возле открытого вольера для львов. Вольер был пуст. Теплолюбивые звери грелись где-то внутри, под лампами.

— Сюда, — кивнул мой попутчик.

Мы направились к скамейке. Мужчина в черной шляпе смотрел на нас. Каждая складка одежды, вся его поза, казалось, говорили о деньгах, власти и высоком общественном положении, а манере держаться с раздражающим превосходством мог позавидовать любой чиновник из Форин-офис.

— Были осложнения? — спросил он.

— Нет. — Человек с ножом был немногословен. Бледно-серые, холодные, как стратосфера, глаза помрачнели.

— Я недоволен вами, Тайрон. — Акцент довольно резкий, но трудно определимый. — Теперь оставьте нас, — сказал он человеку с ножом. — И ждите.

Мой неопределенного вида похититель в неопределенного цвета плаще коротко кивнул и зашагал прочь, и тут я почти вспомнил, где видел его. Воспоминание молнией пронеслось в голове, так и не успев оформиться.

— Вы сами решили приехать сюда? — ровным голосом проговорил мужчина в шляпе.

— И да и нет.

Он встал. Моего роста, но гораздо плотнее. Гладкая, желтоватого оттенка кожа, сеть морщинок в уголках глаз. Я заметил, что волосы у него до-

вольно светлые, и подумал, что он примерно лет на пять-шесть старше меня.

— На улице холодно. Зайдем внутрь.

Я последовал за ним, и мы вошли в жилище больших кошек, где едкий, тревожный запах диких животных как нельзя более соответствовал происходившему. Я понял, чего он хотел. Не убить меня, нет, это можно было сделать на Флит-стрит или по дороге... Выведать тайну. Весь вопрос в том, какими средствами.

— Вас, кажется, не удивляет эта встреча? — спросил он.

— Мы ожидали... какой-то реакции. Были готовы к ней.

— Понимаю. — Он помолчал, обдумывая мои слова.

Скучавший тигр лениво, вприщурку следил за нами. Когти втянуты в подушечки лап, кончик хвоста слегка подергивается из стороны в сторону. Я оскалил зубы. Он отвернулся, сделал три шага вперед, три назад и заходил по кругу.

— Реакции на той неделе вам было недостаточно?

— Урок пошел на пользу, — заметил я. — Прямохонько вывел нас на Чарли Бостона. Хорошо, что вы заговорили об этом. Теперь вас можно приписать к числу его подручных.

Глаза его блеснули ледяной злобой.

— Бостон работает на меня!

Я опустил голову и не ответил. Если гордость его так легко уязвима, мне, пожалуй, удастся узнать от него гораздо больше, чем ему от меня.

— Когда мне рассказали об этой истории в поезде, я отнесся к ней неодобрительно. Впрочем, не уверен, что сейчас я думаю так же. — Снова ровный, спокойный голос воспитанного, интеллигентного человека.

— Так это не ваш приказ?

— Нет.

Я провел рукой по толстой металлической решетке, удерживающей посетителей на расстоянии четырех футов от клеток. Тигр выглядел ручным, добродушным, не способным убить. Разве может такой растерзать, искалечить, разодрать плоть до костей?

— Надеюсь, вы понимаете, что мы хотим узнать? — спросил «вежливый тигр», стоявший рядом. — Мы хотим знать, где спрятана лошадь.

— Зачем? — Он смотрел на меня, прищурясь. Я вздохнул. — Что вам от этого толку? Неужели вы все еще всерьез намереваетесь помешать ей участвовать в скачках? Куда как разумней бросить все это дело, свернуть шатры и тихо убраться восвояси.

— Предоставьте решать это мне! — Снова гордыня выперла из него на целую милю.

Мне это не понравилось. К числу наиболее беспощадных врагов принадлежат именно те, кто боится упасть в грязь лицом.

— Где он?

— Тиддли Пом? — спросил я.

— Тиддли Пом. — Он произнес эти слова с особым отвращением. — Именно.

— В надежном месте.

— Мистер Тайрон, кончайте валять дурака. Не сможете же вы вечно прятать его от Чарли Бостона.

Я молчал. Тигр зевнул, обнажив полный набор желтоватых клыков. Ужасное зрелище...

— Ущерб, нанесенный вашему здоровью, в следующий раз будет куда ощутимее, — сказал он.

Я смотрел на него с любопытством. Неужели он всерьез думает, что меня можно сломить такой банальной угрозой? Он тоже смотрел на меня. Мое молчание, видимо, несколько не впечатлило его.

Сердце у меня замерло. За этим должно последовать что-то еще, что-то более существенное.

— Еще тогда, — заговорил он будничным, ровным тоном, — когда мне сообщили, что на следующий день после неверно истолкованного вами нападения вас видели на скачках в Пламптоне, я понял, что физическое давление в данном случае бессмысленно и лишь создает дополнительные трудности. Теперь я вижу, что не ошибся. Я дал указания подобрать другие ключи. И конечно же, их подобрали. И вы скажете нам, где находится лошадь.

Он достал черный бумажник крокодиловой кожи, вынул из него небольшой листок, сложенный пополам, и протянул мне. Я посмотрел. Он заметил, как исказилось мое лицо, и удовлетворенно кивнул.

Это была фотокопия счета из гостиницы, где мы с Гейл провели ночь. Мистер и миссис Тайрон, один двойной номер.

— Теперь вам ясно, мистер Тайрон, что, если вы хотите сохранить эту пикантную подробность жизни в тайне от жены, вы должны дать нам адрес.

Мысли вихрем завертелись у меня в голове, словно барахло в барабане химчистки, но ничего толкового я не придумал.

— Вы так спокойны, мистер Тайрон. Но вам же это крайне неприятно, не так ли? Так скажите нам. Уверен, вам вовсе не хочется, чтобы жена подала на развод. А какие меры предосторожности принимались, чтобы обмануть ее... Это дает основание полагать, что она тут же вышвырнет вас за дверь, если узнает... — Он показал на счет. — Особенно, наверное, будет приятно узнать, что ваша мисс — цветная. Нам известно и о других свиданиях. Например, в прошлое воскресенье. И еще за неделю до этого. И вашей

жене все расскажут, все. Богатая женщина этого не потерпит.

«Интересно знать, — в каком-то странном оцепенении подумал я, — за какую именно сумму Гейл продала меня?»

— Ну довольно, Тайрон. Адрес!

— Мне надо подумать, — вяло ответил я.

— Что ж, понимаю. Необходимо время, чтобы смириться окончательно. И оно у вас будет. Шесть часов. Ровно в семь вечера вы нам звоните. — Он протянул мне маленькую белую карточку с номером телефона. — Но шесть часов — это крайний срок. По истечении этого времени информация будет находиться на пути к миссис Тайрон, и никому не удастся приостановить ее. Вам ясно?

— Да, — ответил я. Тигр сел и закрыл глаза. Он мне сочувствовал.

— Так я и думал. — Он направился к двери. — Ровно в семь. Всего доброго, мистер Тайрон.

Легким, уверенным шагом он вышел из дома, завернул за угол и исчез. У меня отнялись ноги. Я стоял, не двигаясь, весь во власти неясного, зыбкого ощущения непоправимого несчастья. Часть сознания, которая отказывалась верить в него, твердила, что, если я останусь вот так, неподвижно, на месте, беда минует меня. Нет, конечно, этого не произойдет. Но постепенно первое потрясение прошло, и я судорожно принялся искать лазейку.

Я медленно отошел от тигра, вышел на воздух и, углубленный в свои мысли, поплелся к воротам. Уголком глаза я заметил моего «похитителя» в плаще. Стоя на боковой дорожке, тот заглядывал в явно пустой загон из плетеной проволоки, и вдруг, когда я выходил через турникет на улицу, меня словно громом ударило: я вспомнил, где видел его. Я даже остановился. Теперь надо было разобраться что к чему. Я видел этого типа на станции

Кингс-кросс, когда ждал Гейл. Он стоял рядом, смотрел, как она выходит из метро и идет ко мне. Я искал ключ. И нашел.

Если он был на станции, значит, они следили за мной от самой «Блейз». И сегодня они сцапали меня у самых дверей «Блейз».

Медленно шагая по улице, я пытался осмыслить все это. Утром со станции Кингс-кросс я поездом отправился в Ньюкасл. Но обратный билет не использовал — отдал Колли Гиббонсу. Круглым путем вернулся домой и где-то на пути, сам того не ведая, может, еще на скачках, избавился от «хвоста».

Видимо, еще один человек следил за Гейл или же просто пришел к ней в гостиницу, когда я уехал. Пытаясь отбросить мысли о ее предательстве, я все же допускал, что такое возможно. Все зависит от суммы, которую ей предложили. Пожалуй, фунтов пятьсот — достаточное искушение для ее торгашеской душонки.

Никто, кроме Гейл, не мог взять счет из отеля. Никто, кроме Гейл, не знал о тех двух воскресеньях. Никто, кроме Гейл, не думал, что моя жена богата. Отсюда я хладнокровно сделал вывод, что значу для нее совсем немного. Точнее, почти ничего.

Я добрал до угла и инстинктивно повернул к дому. Лишь шагов через двадцать я осознал, что делать этого нельзя. Гейл не знала, где я живу! И не могла сказать им. Им неизвестно истинное положение дел с Элизабет, они считают ее богачкой, которая может выгнать меня на улицу. Сегодня утром они поджидали меня у дверей «Блейз»... Все тем же неспешным шагом я повернул направо.

Если мужчина в черной шляпе не знает, где я живу, это должен выяснить тот, в плаще. На углу я остановился и посмотрел назад, через густые

ветви боярышника. Он поспешил следом. Так же медленно я двинулся дальше, потихоньку приближаясь к Флит-стрит.

Черная Шляпа блефовал. Он не мог сообщить Элизабет о Гейл, потому что не знал, где мы живем. Ни телефона, ни адреса в справочнике нет. Уже дважды я мог довести их до дверей своего дома, и лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств этого не произошло.

Но все равно, везение не может продолжаться вечно. Даже если я буду водить их за нос до конца скачек на кубок. В один прекрасный день они узнают мой адрес и сообщат ей все.

«Сперва тебя покупают, потом шантажируют», — так сказал Берт Чехов. Купили Гейл, шантажируют меня. Все сходится. На всем долгом пути к «Блейз» я размышлял о природе шантажа.

Люк-Джон и Дерри удивились, что я вернулся.

— У кого-нибудь из наших репортеров уголовной хроники есть свой человек в полиции? — спросил я.

— Кажется, у Джимми Сиенна, — ответил Дерри. — А в чем дело?

— Надо узнать владельца машины по номеру.

— Что, покушение на твой древний фургон? — равнодушно спросил Люк-Джон.

— Ага, стукнул и смылся, — кивнул я.

— Можно попробовать, — сказал Дерри с характерной для него готовностью помочь. — Давай номер, я разузнаю.

Я продиктовал ему номер «Роллса» Черной Шляпы.

— Номер лондонский, — заметил Дерри. — Это упрощает дело. — Он подошел к столу, над которым возвышался громадный, как гора, молодой человек с рыжей шевелюрой, и стал с ним совещаться.

Я дотянулся до телефона и с самым беззаботным видом, но с замиранием сердца набрал номер, который оставила Черная Шляпа. Было три восемнадцать. Из шести отпущенных мне часов прошло два.

Ответил удивленный женский голос.

— Вы уверены, что набрали правильно?

Я продиктовал ей номер.

— Да, верно. Как странно...

— Что странно?

— Видите ли, это будка телефона-автомата. Я только вошла и хотела позвонить, как вдруг эти гудки... Вы уверены, что у вас правильный номер?

— Не знаю, — сказал я. — А где находится эта будка?

— В подземке, на станции «Пикадилли».

Я поблагодарил ее и повесил трубку. Толку мало.

Подошел Дерри и сказал, что Джимми Сиенна делает все, что в его силах. Удачно, что сегодня вторник и заняться ему особенно нечем.

Тут я вспомнил, что номер «Тэлли» и яблочный пирог остались на полу в «Роллсе». Стал думать, стоит ли пойти и возместить потерю. Решил, что ничего страшного не случится, вышел на улицу и все купил. Старого знакомого в плаще я не заметил, но это не значило, что он не скрывается где-нибудь поблизости. А может, его подменил кто-то другой, кого я не знал в лицо.

Дерри сообщил, что приятель Джимми из полиции проверяет регистрационный номер. Я присел рядом на край стола.

Туман, весь день угрожавший пасть на город, медленно отступил. Только этого не хватало! Я начал обдумывать, как бы незаметно выбраться из редакции на ярко освещенную Флит-стрит.

Ровно в пять Люк-Джон объявил, что уходит домой, за ним с виноватым видом последовал Дерри. Я перебрался к столу Джимми Сиенна.

Наконец, когда Джимми тоже поднялся, чтобы идти домой, зазвонил телефон. Он выслушал, поблагодарил и записал что-то на клочке бумажки.

— Вот держи, — сказал он мне. — Желаю удачи со страховкой. Она тебе пригодится.

Я прочитал, что было написано на листке. «Роллс» под этим номером был приписан к конторе под названием «Машины Лукулла напрокат».

Из «Блейз» я выбрался через крышу. «Тэлли», коробка с пирогом и больные ребра несколько усложняли задачу, но зато после кругосветного путешествия через вентиляционные шахты и перекрытия я спокойно вышел через пожарный выход в редакционное помещение соседней с нами газеты.

Никто не поинтересовался, что я здесь делаю. Я спустился на лифте в подвальный этаж и оказался в просторном гараже, где стояли ряды желтых фургонов, готовые доставить сырые, только что отпечатанные кипы газет к поездам и самолетам. Одного из шоферов я немного знал и попросил подвезти меня.

— Ладно, если вам в сторону Паддингтона.

— Как раз туда. — Мне любое направление годилось.

— Тогда полезайте.

Я влез, он загрузился и быстро выехал из гаража. У Паддингтона мы распрощались, и я поехал домой на метро, уверенный, что уж теперь никто не идет за мной следом.

У миссис Вудворд я отыграл две минуты, не чувствуя, впрочем, особого вкуса к игре. С половины седьмого до семи я, глядя на Элизабет, просидел в кресле со стаканом виски, стараясь унять беспокойство.

— Что-то случилось, Тай? — спросила она со свойственной ей обостренной чуткостью.

— Нет, милая.

Стрелки мчались по циферблату галопом. Ровно в семь я сидел абсолютно неподвижно, не делая ровным счетом ничего. В пять минут восьмого я поймал себя на том, что зубы мои стиснуты так крепко, что того гляди сотрутся в порошок. Я представил будку телефона-автомата на «Пикадил-ли», в которой стоит Черная Шляпа, человек в плаще или их шофер, ожидая моего звонка. Что значит Тиддли Пом по сравнению с душевным покоем Элизабет?! Но трубку я так и не снял. После семи стрелки едва ползли по циферблату.

В половине восьмого Элизабет с явно различимым в голосе страхом сказала:

— Тай, я знаю, что-то случилось. Ты никогда не был таким... таким мрачным.

Мне стоило невероятных усилий улыбнуться в ответ, но это ее не убедило. Я опустил глаза и проговорил с отчаянием и болью в голосе:

— Милая, ты очень огорчилась бы, если бы узнала, что я... ну, в общем, взял и... переспал с одной девушкой?

Ответа не было. После невыносимо долгой паузы я заставил себя поднять глаза. По ее щекам текли слезы. Она делала судорожные глотательные движения, стараясь заговорить, и не могла.

По давным-давно сложившейся привычке я достал из коробки бумажную салфетку и вытер ей глаза — сама она не могла этого сделать.

— Прости меня, — бессмысленно повторял я — прости меня.

— Тай... — Ей никогда не хватало дыхания для плача. Рот широко открыт, глотает воздух.

— Милая, не плачь. Не плачь. Забудь, что я сказал. Ты же знаешь, как я люблю тебя, я никогда тебя не брошу. Элизабет, милая, дорогая Элизабет, не плачь!

Я снова вытер ей глаза, проклиная случай, что привел меня к Хантерсонам. Можно было обойтись и без Гейл. И вообще без кого бы то ни было. И но большей части прекрасно обходился все эти одиннадцать лет.

— Тай... — Слез больше не было. Лицо не такое искаженное. Она вздохнула, набрала побольше воздуха. — Я не могу даже думать об этом.

Я стоял рядом, сжимая салфетку в руке.

— Мы никогда не говорили с тобой о сексе... — «Спирашелл» ритмично вздымал и опускал ее грудь. — Мне ничего этого не надо... ты ведь знаешь... но иногда я вспоминаю... — Из глаз вновь выкатились две слезинки, я смахнул их салфеткой. — Я никогда не расспрашивала тебя о женщинах... почему-то не могла.

— Да, — медленно произнес я.

— Иногда мне казалось, что... у тебя есть кто-то... но на самом деле я никогда не хотела этого знать... Я решила, что никогда не спрошу тебя об этом. Я знаю, я эгоистична... Мне всегда говорили, что мужчины устроены по-другому, им обязательно нужна жепщина... Это правда?

— Элизабет... — беспомощно проговорил я.

— Я не ожидала, что после всех этих лет... услышу такое... Да, я бы очень огорчилась, если б узнала... Что я могу поделать... А почему ты спросил?

— Я бы никогда не заговорил об этом, — с горечью в голосе произнес я. — Меня пытаются шантажировать.

— Так это было?

— Да, к сожалению...

Она закрыла глаза.

— Понимаю.

Я ждал, ненавидя себя изо всех сил. Слез больше не было. Она никогда не плакала долго — физически не могла. Другие жены могли кричать

и швырять вещи. Ярость Элизабет была страшна беспомощностью. Очевидно, этот приступ прошел незаметно, потому что, когда она наконец заговорила, голос у нее был низкий, хриплый и мертво-спокойный.

— Ты, конечно, не мог позволить, чтобы тебя шантажировали.

Я кивнул.

— Я теперь понимаю, что была не права. Очевидно, любому мужчине, живущему с парализованной женой, нужно иметь хоть кого-то... Многие в таких случаях собирают вещи и сбегают... Я знаю, ты скажешь, что с нами этого никогда не произойдет, и, действительно, почти верю тебе, но я понимаю, насколько я тебе в тягость...

— Это, — искренне сказал я, — не так.

— Нет, это так. Но не рассказывай мне об этой девушке.

— Если не я, то они расскажут.

— Ну хорошо...

Я быстро рассказал все. Не вдаваясь в подробности. Презирая себя, но зная, что Черная Шляпа не остановится ни перед чем, чтобы узнать местонахождение Тиддли Пома. Шантажисты никогда ни перед чем не останавливаются.

«Не продавай свою душу, — сказал мне Берт Чехов. — Не продавай свою колонку». Вместо всего этого пожертвуй спокойствием своей жены!

— Ты собираешься встречаться с ней и дальше? — спросила она.

— Нет.

— А с кем-нибудь еще?

— Нет.

— Мне кажется, что будешь. Только тогда... не рассказывай мне ничего, если, конечно, кто-нибудь не начнет тебя шантажировать снова.

Горечь в ее голосе заставила мое сердце сжаться. Рассудком она, возможно, и понимала, что требовать от меня пожизненного и полного воздержания было бы чересчур, но эмоции почти не зависят от рассудка. И чувства, которые испытывает каждая жена, узнав о неверности мужа, не атрофируются вместе с мышцами. Что мог требовать я от нее? Надо родиться святой или стать абсолютно циничной, чтобы спокойно снести измены, а она не была ни той, ни другой, она была обычным человеческим существом, зажатым в тиски страшной болезни. «Интересно, — подумал я, — насколько подозрительными ей будут казаться теперь самые невинные мои отлучки, насколько мучительной станет отныне каждая минута моего отсутствия...»

Весь вечер она была тиха и подавлена. Не стала ужинать, отказалась от яблочного пирога. Я умывал ее, растирал, проделывал прочие интимные процедуры и почти физически ощущал, что она думает в это время о другом теле, которого касались мои руки. Она была бледна, напряжена и, наверное, впервые за все время стеснялась. Еще раз, вкладывая в слова всю душу, я сказал:

— Прости меня, милая!

— Да, конечно. — Она закрыла глаза. — Жизнь довольно подлая штука, правда?

Глава 11

Ощущение неловкости и отчуждения сохранялось и утром. Я был не в силах больше вымалывать прощение. В девять я сказал, что еду по делам, и впервые в жизни увидел, какие нечеловеческие усилия ей понадобились, чтобы не спросить куда.

Вывеска «Машины Лукулла напрокат» помещалась над входом в небольшую, обитую плюшем контору на Страттон-стрит, недалеко от Пикадил-

ли. Темно-синий уилтонский ковер, официозного вида внушительный полированный стол, элегантные гравюры с изображением старинных автомобилей.

У стены стояла широкая, обитая золотой драпировкой скамья для столь же ширококозых, подбитых золотом клиентов.

За столом сидел учтивый молодой джентльмен с глазками Урии Хипа.¹

Ради него я на время позаимствовал томный голос и манеры Черной Шляпы.

— Дело в том, — объяснил я, — что в одной из машин этой фирмы я случайно оставил кое-какие вещи, и теперь, надеюсь, мне помогут их вернуть.

Постепенно мы установили, что я не нанимал их машину и не знал имя человека, который нанял. Просто он был чрезвычайно любезен и согласился меня подвезти. Вчера.

— Ах вот как... Так что это была за машина?

— «Роллс-Ройс»... Кажется, «Силвер Рейт». Таких у них четыре. — Он сверился с журналом, в чем, как я подозреваю, особой нужды не было. Вчера все четыре были взяты напрокат. Могу ли я описать того человека?

— Ну разумеется. Высокий, белокурый, в черной фетровой шляпе. Не англичанин. Возможно, южноафриканец.

— Ах вот как. Да... — На этот раз он не полез в свой журнал. Аккуратно опустил руку с растопыренными пальцами на стол.

— Сожалею, сэр. Я никак не могу сообщить вам его имени.

— Но у вас же ведется регистрация?

— Этот джентльмен предпочитает сохранять инкогнито. У нас есть указания не сообщать ни его имени, ни адреса ни единому человеку.

¹ Персонаж романа Ч. Диккенса «Дэвид Копперфилд» — олицетворение лицемерного негодяя.

— А вам не кажется это странным? — недоуменно приподняв брови, сказал я. — Мне лично кажется.

Сохраняя ту же рассудительность, он ответил:

— Это наш постоянный клиент, и мы, безусловно, готовы оказать ему любую услугу, не задавая лишних вопросов.

— Полагаю, мне пойдут навстречу, ну... скажем, в приобретении такой информации?

Он попытался сменить маску учтивости на маску возмущения. Удалось это ему плохо.

— А пропавшие вещи были действительно ценными? — спросил он.

— Да, очень, — ответил я.

— Тогда я абсолютно уверен, что наш клиент возвратит их вам. Оставьте адрес и номер телефона, мы вам сообщим.

Я брякнул первое, что пришло в голову: Кемптон Джоун, тридцать один, Сорнуол-стрит. Он долго и аккуратно записывал все это в открытый блокнот. Наконец закончил. Я ждал. Мы оба выжидали.

После приличной паузы он наконец сказал:

— Конечно, если это так важно, вы можете спросить в гараже... Они позвонят вам, как только машина приедет. Возможно, вещи еще там.

— А где этот гараж? — В справочнике был только один телефон и адрес «Машины Лукулла», конторы на Страттон-стрит.

Он сидел, пристально изучая ногти. Я достал бумажник, безропотно отделил два банкнота по пять фунтов каждый. Двадцать пять за информацию букмекера о ребятах Бостона я отнес к служебным расходам, и «Блейз» уплатила. На этот раз пришлось расплачиваться из своего кармана. Десять фунтов для меня означали шестинедельный запас виски, месячную плату за электричество, три

с половиной дня миссис Вудворд и полуторанедельную оплату квартиры.

Он жадно схватил деньги, кивнул, притворно и подобострастно улыбнулся и сказал:

— Рэднор-мьюз, Ланкастер-гейт.

— Благодарю.

— Надеюсь, вы понимаете, сэр, что я не называю имени клиента не только потому, что рискую потерять работу...

— Понимаю, — ответил я. — Принципы — великая вещь.

К счастью, по части принципов на Рэднор-мьюз оказалось не столь строго. Старший механик окинул меня оценивающим взглядом, и еще одна десятка перекочевала из кармана в карман. На этот раз расходы оправдали себя полностью.

— Значит, так. Шофер за машиной приезжает сюда. Сами мы не доставляем. Своих водителей у нас нет. Вот таким образом. Но я говорю, что клиент, пока он платит денежку, всегда прав. Этот иностранец любит ездить с шиком, когда приезжает сюда, в Лондон. Мы, ясно, имеем дело в основном с такими людьми. Все больше с американцами. Они нанимают шоферов и машину на неделю, на две, иногда на три. Их возят всюду, но чаще всего в Стратфорд, Броудвей, Котсуолд, иногда в Шотландию. В гараже никогда не бывает всех машин сразу, да и места тут маловато, сами видите. Перво-наперво четыре «Силвер Рейта», потом два «Остин Принсес», и три «Бентли», и парочка больших «Вулзли»...

Я мягко напомнил ему о моем «Силвер Рейте».

— Так вот, я ж и говорю вам, разве нет? Этот иностранец, он нанимает машину, и всегда «Силвер Рейт», заметьте себе, когда приезжает. А начал он бывать здесь... Сейчас скажу... примерно год назад. И был несколько раз, брал машину дня на

три-четыре. Только в этот раз дольше задержался. Так... дайте сообразить. Кажется, шофер пришел за машиной на прошлой неделе. Могу посмотреть... в среду. Да, верно, в среду. И вот как они делают: сначала шофер прилетает сюда, берет машину, а потом едет встречать хозяина в Хитроу. Все чин чинарем. Сразу видно, что денежки у того водятся.

— А вы знаете, откуда он прилетает?

— Откуда? Из какой страны? Точно не скажу. Думаю, из разных. Один раз — это я точно знаю — из Германии. Но обычно из каких-то дальних мест, где климат жаркий. Шофер-то сам не из болтливых, но вечно жалуется, какой у нас холод.

— Как же зовут этого клиента?

— Сейчас посмотрим, подождите минуточку. Мы всегда записываем эту машину на имя шофера — так оно проще, потому что зовут его Росс. А имя хозяина — это же чистый кошмар! Сейчас посмотрю.

Он вышел в крошечную, отгороженную в углу помещения клетушку и исчез. Не было его минут двадцать. Я терпеливо ждал, всем видом давая понять, что, если понадобится, готов ждать и дольше. За десять фунтов он мог бы поработать сколько угодно. Наконец он появился.

— Вот, смотрите. — Черным от грязи ногтем он ткнул в какие-то буквы на странице гроссбуха. — Вот оно!

Он говорил правду, проблема произношения существовала.

Вьерстерод...

— Росс куда как легче, — снова повторил механик. — Мы и пишем всегда — Росс.

— Да, гораздо легче, — согласился я. — А вы не знаете, где их можно найти или где они держат машину, когда живут в Англии?

Он фыркнул и захлопнул журнал с зажатым внутри пальцем.

— Нет, вот уж чего не знаю, того не знаю. Хотя на счетчике у них всегда набегает прилично. За три-четыре дня они проделывают немалый путь. Но с нашими машинами это обычная история. Правда, скажу я вам, Росс и этот... джентльмен в Шотландию не ездят, во всяком случае, не забираются слишком далеко.

— А в Бирмингем?

— А что, может быть. Очень даже может быть. И всегда возвращают машину чистой — тут к Россу не придраться. Всегда в полном порядке, как с иголки. А чего же вы не спросили в главной конторе, как их найти?

— Они сказали, что ничем не могут помочь.

— Вот слизняк паршивый, — с презрением проворчал он. — Готов побиться об заклад, прекрасно он все знает. И дело свое знает — этого у него не отнимешь. Такой и мать родную продаст, если цена окажется достаточно хорошей...

Погруженный в размышления, я медленно шел по направлению к Флит-стрит. Должно быть, Вьерстерод действительно настоящее имя Черной Шляпы — слишком уж замысловато для вымышленного! И потом, нанимая «Силвер Рейт» в первый раз, он должен был предъявить надежные документы, хотя бы паспорт. «Паршивый слизняк» был далеко не глуп. Он не позволил бы увести автомобиль стоимостью в пять тысяч фунтов без гарантии, что сможет получить его обратно.

Вьерстерод. Южноафриканец европейского происхождения... На Флит-стрит, и нигде больше, можно раздобыть нужную мне информацию. Если бы только человек, который слышал о Вьерстероде, не работал в конкурирующей газете! Я зашел в первый попавшийся на пути телефон-автомат и позвонил в контору.

— Ладно, — осторожно вымолвил он, — давай встретимся в «Девере» и выпьем по кружке пива.

В разговоре он крайне ловко обошелся без открытых обсуждений интересующей меня темы. Я улыбнулся, повесил трубку и перешел через дорогу к автобусной остановке. Тут кто кого переиграет. Он, безусловно, попытается выведать у меня всю подноготную. Люк-Джон в порошок меня сотрет, если они что-нибудь узнают и обставят «Блейз».

Среди посетителей бара я заметил и Люка-Джона, и Дерри. Майка де Йонга не было. Я взял полпинты, а Люк-Джон спросил, что я собираюсь писать в воскресный номер.

— Думаю, отчет о подготовке к кубку.

— Пусть Дерри этим займется.

— Как хотите. — Я опустил кружку и пожал плечами.

— А ты, — сказал Люк-Джон, — давай-ка займись дальше этой историей с Тиддли Помом. Ну, всякие там рассуждения на тему, выиграет он или нет. И нас расхвалили как следует за то, что мы довели его до стартовой площадки.

— Но мы ж еще не довели, — заметил я.

Люк-Джон нетерпеливо фыркнул:

— Однако ничего не произошло. Вообще никакой реакции. Мы их спугнули — вот в чем дело.

Я покачал головой. Если бы он был прав! Спросил, что слышно о Тиддли Поме и ребятишках Ронси.

— Полный порядок! — весело ответил Дерри. — Все идет как по писаному!

Наконец он появился в дверях, подвижный, темноволосый, напористый мужчина в очках с сильными стеклами. Полоска черной бороды окаймляла его подбородок. Присутствие Люка-Джона и Дерри охладило его пыл, и походка сразу потеряла целеустремленность. Путем сложных манев-

ров мне удалось уговорить Люка-Джона и Дерри пойти перекусить в соседний бар без меня. Уходя, Люк-Джон подозрительно оборачивался, явно стора от желания узнать, в чем дело.

Майк де Йонг подошел ко мне, остро очерченное живое лицо светилось любопытством.

— Что, бывают секреты и от босса?

— Иногда он чересчур легко обращается с чужим динамитом.

Майк рассмеялся:

— Значит, эта информация нужна тебе лично? Не для «Блейз»?

Я увильнул от прямого ответа.

— Необходимо выяснить простую вещь. Любые сведения об одном человеке, твоём соотечественнике.

— О ком же это? — Точно такой же акцент, растянутые гласные, стертые согласные...

— Его имя Вьерстерод.

Небольшая пауза. Он отпил глоток пива и закашлялся. Пришел в себя и сделал вид, что кто-то толкнул его под локоть. Устроил целое представление, стряхивая шесть капель пива, попавших на брюки. Наконец он иссяк и внимательно посмотрел мне в глаза.

— Вьерстерод? — Произношение несколько отличалось от моего. Настоящее.

— Да, именно, — кивнул я.

— Так, ясно. Тай... Но зачем тебе знать о нем?

— Просто из любопытства.

С полминуты он молчал. Затем спросил снова:

— И все же, зачем тебе знать о нем? — Кто кого переиграет.

— Ладно, не тяни резину, — раздраженно проговорил я. — Что за таинственность, в конце-то концов? Просто нужно навести справки об одном вполне безобидном малом, который иногда ходит на скачки.

— Безобидном! Да ты рехнулся!

— Почему это? — спросил я с невинным видом.

— Да потому, что этот... — Он заколебался, потом решил, что мне ничего не известно, и очертя голову бросился на помощь: — Послушай, Тай, я дам тебе хороший совет, от чистого сердца и совершенно бесплатно. Держись подальше от этого типа и от всего, что с ним связано. Он опасен.

— В каком смысле?

— Там, у нас на родине, он букмекер. Хозяин огромного бизнеса. С отделениями во всех крупных городах, целой системой контор в районе Йоганнесбурга. С виду вполне респектабельный господин. Тысячи порядочных людей делают через него ставки. Но ходят ужасные слухи...

— О чем?

— О... всякое. Шантаж, вымогательства, шайки наемных головорезов. Поверь мне, Тай, тут дело нечисто.

— Тогда почему же полиция?.. — на всякий случай спросил я.

— Ну, не будь же наивным. Тай! Полиция не найдет ни одного человека, который бы согласился дать против него показания.

Я вздохнул:

— А он показался мне таким обаятельным.

Майк разинул рот:

— Ты с ним встречался?

— Ага...

— Здесь, в Англии?

— Ну да, конечно.

— Тай, ради Бога, держись от него подальше.

— Ладно, — с чувством ответил я. — Огромное тебе спасибо, Майк. Я, правда, очень тебе благодарен.

— Сама мысль о том, что парень, который мне симпатичен, путается с Вьерстеродом, кажется мне

невыносимой! — сказал он, и в глазах его я неожиданно заметил трогательное участие и тревогу. Затем инстинкт прирожденного газетчика взял верх, и в них засветилось жгучее любопытство. — А о чем он хотел поговорить с тобой? — спросил Майк.

— Честно сказать, не знаю.

— Ну, если так, то позвони мне, я расскажу кое-что еще...

— Расскажи сейчас, — как можно более небрежным тоном попросил я.

Он помолчал, пожал плечами, и снова товарищ одержал в нем верх над журналистом.

— Так и быть. Правда, рассказывать особенно нечего. Дело в том, что я тоже встретил его здесь, в Англии, месяцев девять-десять назад.

— В таком случае, чего же ты так ужаснулся?

— Потому что, когда я увидел его в вагоне-ресторане поезда, едущего на скачки, он беседовал там с одним журналистом. С Бертом Чеховым.

Лишь огромным усилием воли я сохранил на лице слегка удивленное выражение.

А Майк, не моргнув глазом, продолжал:

— Вскоре после этого я предостерег Берта, как тебя сейчас. Причем в этом же баре. Берт был сильно пьян. Он вообще много пил последнее время.

— И что же он сказал?

— Он сказал, что я опоздал месяца на три.

Больше Майк ничего не знал. После своего неосторожного заявления Берт замолчал и начисто отказался от дальнейших объяснений. Узнав, что он выпал из окна, Майк призадумался. Среди людей, связанных с Вьерстеродом, случаи насильственной и внезапной смерти были нередки. Когда я признался, что виделся с Вьерстеродом, он ужасно забеспокоился. Он испугался за меня. Он боялся, что я могу последовать за Бертом на мостовую.

Я попытался его успокоить. Сказал, что после его предупреждения буду держать ухо востро.

— Одного не пойму, зачем он подцепил на крючок этого Берта? — сказал Майк. Вид у него был задумчиво-отсутствующий, винтики и шарики бешено вертелись в голове.

— Понятия не имею, — вздохнув, ответил я и переключил внимание на пиво и огромный сэндвич с ветчиной. Худое веснушчатое лицо Люка-Джона появилось у Майка за спиной, и тот так резко повернулся, будто все его тело состояло из пружинки.

— Как поживаете, Проповедник? Какие истории стряпают нынче у вас в «Блейз»?

На лице Люка-Джона мелькнуло подобие улыбки. Плевать он хотел на прозвище, которое ему дали на Флит-стрит, и на все каламбуры вообще. И на шуточки Майка де Йонга в частности. Майк все понял, приветственно махнул мне рукой и присоединился к другой компании.

— Что ему надо? — резко спросил Люк-Джон.

— Ничего особенного, — скромно ответил я. — Просто захотелось поболтать.

Люк-Джон недоверчиво посмотрел на меня, однако я знал, что, если сейчас расскажу о Вьерстероде, он начнет копать, пока не докопается до шантажа. Потом он совершенно неумолимо станет копать дальше и обнаружит, как именно меня шантажировали. Причем на всем пути дальнейших изысканий из чистого упрямства несколько не озаботится соблюдением элементарных мер предосторожности. Его поступь, подобную грохоту парового катка, Вьерстерод заслышит и на другом конце острова. Люк-Джон был прекрасным спортивным редактором. Будь он полководцем, список военных потерь был бы поистине устрашающим.

Они с Дерри глотали пиво часов до трех. К этому времени толпа в баре значительно поредела.

К себе в контору я не пошел и, поразмыслив, позвонил наиболее соответствующему моим целям представителю спортивной администрации, с которым к тому же был хорошо знаком.

В свои тридцать семь Эрик Юлл являлся самым молодым из распорядителей Национального охотничьего комитета, в чьем ведении находилась и организация скачек с препятствиями. Года через два он станет старшим распорядителем, после чего ему придется ждать переизбрания на следующий трехлетний срок. Он был неплохим распорядителем, так как вплоть до последнего времени сам выступал в качестве жокея-любителя и хорошо знал всю механику и все проблемы этого дела. Несколько раз я писал о нем в «Блейз», и уже в течение многих лет мы были в приятельских отношениях. Но захочет ли он помочь мне теперь, вот в чем вопрос!

Мне стоило большого труда пробиться к нему на прием. Секретарши утомленными голосами твердили, что надо предварительно назначить время.

— Вот прямо сейчас, — сказал я, — меня вполне устроило бы.

Оправившись от некоторого шока, последний голос признал наконец, что именно сейчас мистер Юлл сможет меня принять. Я вошел в кабинет. Мистер Юлл был действительно очень занят — чаепитием и чтением «Спортинг лайф». Он неторопливо опустил газету, встал и пожал мне руку.

— Вот не ожидал! — воскликнул он. — Что, пришел занять у меня миллион?

— Это в следующий раз.

Он улыбнулся, сказал по селектору секретарше, чтобы она принесла еще чаю, предложил мне сигарету и откинулся в кресле. Он явно подозрительно отнесся к моему визиту. Почти ежедневно я сталкивался с такой своего рода защитной реакцией, когда люди не знали, зачем именно я к ним

обращаюсь, с барьером, за которым они пытались скрыть от меня свои секреты. Эта скрытность меня не раздражала. Я понимал их страхи, сочувствовал им. И по мере возможностей старался не обнаруживать подробности их частной жизни.

— Ты меня не интересуешь. Твои дела оглашению не подлежат, — успокоил его я. — Сделай три глубоких вдоха и расслабься.

Он усмехнулся и действительно заметно расслабился.

— Чем в таком случае могу служить?

Я решил не торопиться. Мы пили чай и перебирали самые свежие спортивные новости и сплетни. Потом, как бы невзначай, я спросил, не слышал ли он о букмекере по имени Вьерстерод. Он вздрогнул и насторожился.

— Ты что, за этим и пришел? — Побарабанил пальцами по столу. — Я видел твои статьи в номере за прошлую неделю... и за неделю до этого... Советую держаться в стороне. Тай.

— Но, если ваши спортивные боссы в курсе того, что он вытворяет и какими средствами пользуется, почему же его не остановят?

— Как?

Одно простое слово повисло в воздухе, охлаждая мой пыл. Оно говорило о том, что им известно многое. Но, в конце концов, кто, как не они, должны знать как?

— Честно говоря, — вымолвил я наконец, — дело это ваше, а не мое. Вы можете, например, прикрыть систему предварительных ставок, и тогда всей песенке конец.

— Народ будет недоволен. Во всяком случае, твои статьи и так крепко подорвали наш бизнес. Буквально два часа назад мне звонил человек из одной крупной букмекерской фирмы и слезно на тебя жаловался. Сумма предварительных ставок на

Золотом кубке уже снизилась процентов на двадцать.

— Почему бы тогда не прижать Чарли Бостона?

— Кого-кого? — прищурился он.

— Расскажи-ка лучше, что вам, распорядителям, известно о Вьерстероде.

— А кто такой Чарли Бостон?

— Нет, ты первый.

— Ты что, мне не доверяешь? — Вид у него был обиженный.

— Нет! — резко ответил я. — Ты первый.

Он покорно вздохнул и сообщил мне, что их сведения о Вьерстероде крайне скудны и расплывчаты. Никто из распорядителей никогда его не видел, а если и видел, то не узнал бы. Член западногерманского спортивного комитета послал им частное уведомление о том, что Вьерстерода подозревают в организации махинаций, связанных с нестартовавшими фаворитами, включенными в предварительные списки на крупных скачках в Германии. Ходят также слухи, что теперь он начал действовать и в Англии. Там, в ФРГ, его почти уже удалось припереть к стенке. Вот он и снялся с насиженного места. Британские коллеги с тревогой отметили, как резко возросло за последние несколько месяцев число снятых со старта фаворитов, и не сомневались, что немцы правы. Но всякий раз, пытаясь узнать что-либо конкретное у владельцев лошадей и тренеров, они наталкивались на непроницаемую стену молчания.

— Впервые Вьерстерод появился здесь год назад, — заметил я. — Год назад он перекупил у Чарли Бостона сеть букмекерских лавок в окрестностях Бирмингема и стал загребать огромные деньги. Кроме того, он нашел способ заставить Берга Чехова писать статьи, убеждающие понтеров играть наввер-

няка. Вьерстерод выбирал лошадь. Берт расхваливал ее. Тогда Вьерстерод с помощью разных уловок не допускал фаворита к скачкам и — бац! Дело сделано!

С его лица не сходило недоверчивое выражение.

— Тай, а твои сведения надежны?

— Разумеется. По-моему, и букмекеры, и власти слишком затянули расследование.

— А сам ты давно этим занимаешься?

Усмехнувшись, я сказал:

— Вчера я виделся с Вьерстеродом. И назвал Чарли Бостона его партнером, на что он сказал, что Бостон работает на него. Вьерстерод хочет знать, где спрятали Тиддли Пома.

Юлл внимательно посмотрел на меня:

— А ты готов... ну, скажем, если возникнет такая ситуация, засвидетельствовать все это официально?

— Конечно. Но это будут только мои показания. Кто же еще подтвердит?

— И все-таки это лучше, чем ничего.

— Есть другой способ, более действенный.

— Какой же? — быстро спросил он.

— Найдите предлог прикрыть лавки Бостона, тем самым мыотрежем Вьерстероду путь к его пастбищу. Без лавок вся эта возня с фаворитами потеряет смысл. Если уж нельзя привлечь его к судебной ответственности, можно попытаться выжить его отсюда в Южную Африку.

Последовала долгая пауза, он погрузился в размышления. Я терпеливо ждал, пытаюсь догадаться, что у него на уме. Наконец он сказал:

— Что ты хотел получить за сотрудничество с нами?

— Эксклюзивное право для «Блейз».

— Ну, это само собой.

— Желательно, — продолжал я, — чтобы за «Блейз» была официально признана ее роль в деле

освобождения рынка ставок от мошенничества. Одна маленькая заметка, никаких подробностей. Пара намеков на то, что, если бы не положение о диффамации, все факты могли бы выплыть наружу.

— Убей меня Бог, не пойму, какая охота тебе тратить время и силы на этот паршивый листок!

— Там хорошо платят, — ответил я. — И вообще это стоящая газета. Меня вполне устраивает.

— Обещаю одно, — с улыбкой произнес он. — Если с твоей помощью мы избавимся от Вьерстера, стану регулярным подписчиком «Блейз».

* * *

От Эрика Юлла я поехал домой. Если он, самый молодой и энергичный из распорядителей, возьмется за дело, можно считать, что этот южноафриканский гусь на пути к духовке и скоро запахнет жареным. Правда, не исключено, что в один прекрасный день, прочитав «Блейз», он пошлет кого-нибудь прирезать шеф-повара. Но это не слишком беспокоило меня: как-то не верилось, что такое может случиться.

Элизабет попросила миссис Вудворд постелить на кровать свое любимое бледно-розовое с кружевными прошивками белье. Я поглядел на нее испытующе. Волосы уложены как никогда тщательно. Грим безупречен.

— Ты сегодня хорошенькая, — осторожно заметил я.

Облегченно-страдальческое выражение появилось на ее лице. Меня вдруг пронзила догадка, я понял, что заставило ее прибегнуть к таким отчаянным мерам, — ожившая боязнь показаться неприглядной и сварливой и страх, что я брошу ее. Неважно, что вчера я выслушал справедливые упреки, сегодня меня следовало задобрить любой

ценой, удержать привлекательностью, очаровать путем незаметных ухищрений, умолить остаться.

— Хорошо провел день? — спросила она высоким надтреснутым голосом.

— Да, прекрасно... Хочешь выпить?

Она покачала головой, но я все равно налил ей стаканчик и закрепил в держателе.

— Я попросила миссис Вудворд найти кого-нибудь, кто согласился бы сидеть со мной вечерами. Чтоб ты мог почаще выходить из дому...

— Но я вовсе не хочу выходить чаще, — запротестовал я.

— Нет, ты должен!

— Да нет же!

Я сел в кресло и отпил добрый глоток почти неразбавленного виски. «Алкоголь, — подумал я, — в трудных случаях жизни предоставляет нам лишь небольшую отсрочку. А иногда только усугубляет неприятности. Так или иначе, но напиваться в наши дни — слишком дорогое удовольствие».

Элизабет не ответила. Я посмотрел на нее и увидел, что она опять тихо плачет. Слезы медленно катились по щекам. Я вынул из коробки салфетку и вытер их. Знала ли она, что вид этих слез был для меня куда страшнее любых проявлений гнева?

— Я старею, — сказала она. — А ты по-прежнему молод. Тай, ты такой... сильный... загорелый... и молодой.

— А ты такая бледненькая и хорошенькая и выглядишь лет на пятнадцать, не больше. Перестань расстраиваться.

— Сколько лет... этой девушке?

— Ты же сказала, что ничего не хочешь о ней знать.

— Да, пожалуй, не хочу...

— Забудь о ней, — сказал я. — Все, что с ней связано, не имеет никакого значения. Она мне без-

различна. Совершенно безразлична! — Голос мой звучал убедительно даже для меня самого. Я хотел бы, чтобы все это было правдой. Вопреки чудовищному предательству Гейл, где-то в самой потайной глубине сердца жила надежда на встречу с ней. Я сидел в кресле, зажав в руке стакан виски, и вспоминал: Гейл у себя дома на белом пушистом ковре, Гейл в гостинице...

Немного погодя я нехотя поднялся и пошел на кухню готовить ужин. Опять рыба. Отвратительные мелкие кусочки замороженной камбалы. Я жарил и ел их с отвращением, кормил Элизабет, когда рука у нее уставала. Весь вечер она провела в трогательных попытках быть со мною как можно приветливее, преувеличенно благодарила за каждую пустяковую услугу, без конца извинялась, что вынуждена отрывать меня от дел, изо всех сил стараясь скрыть, как она встревожена, смущена и несчастна, и почти преуспела в этом. Худшего наказания для меня она не могла бы придумать.

Поздно вечером того же дня у Тиддли Пома начались сильные колики в желудке.

Нортон Фокс не застал на месте ни Люка-Джона, ни Дерри — они уже давно ушли домой. Домашних адресов в «Блейз» не сообщали никогда, сколь срочно ни было бы дело. Моего телефона Нортон тоже не знал.

Сильно встревоженный, он по совету ветеринара позвонил Ронси и рассказал ему, где находится лошадь и что они предпринимают для спасения ее жизни.

Глава 12

Я узнал об этом только утром. Ронси позвонил в половине одиннадцатого, когда я сидел в кабинете, тупо уставясь в стену, и пытался соста-

вить хотя бы предварительный план для следующей воскресной статьи. Миссис Вудворд ушла в прачечную, и Элизабет позвала меня к телефону двумя звонками: два — это срочный, но не экстренный вызов. Три звонка — почти что пожар, SOS. Четыре — паника, тревога.

Стадия четырех звонков для Ронси, по-видимому, уже миновала. Он сказал, что находится у Нортон Фокса, к которому отправился тотчас же, как только узнал о несчастье. Приехал он туда в два часа ночи. К этому времени, благодаря стараниям ветеринара, худшее уже миновало и все функции кишечника Тиддли Пома стали приходить в норму. Он остался ночевать у Нортон, а сейчас только что пришел со двора, где наблюдал, как Тиддли Пом совершает утреннюю разминку. Вообще пошатнувшееся было здоровье лошади восстанавливается удивительно быстро, похоже, что к субботним скачкам она вполне обретет спортивную форму.

С чувством гнетущей тревоги я слушал его бесконечную, расцвеченную множеством подробностей сагу. До скачек на кубок оставалось еще два дня. Теперь, когда Ронси знал, где находится лошадь, ее положение уже не казалось мне таким безопасным. Когда наконец он закончил свое повествование, я спросил, приезжал ли к нему на ферму кто-нибудь узнать о Тиддли ПOME.

— Ну, конечно, приезжали, — ответил он. — Все было в точности, как вы говорили. Им интересовались несколько газетчиков. Многие звонили по телефону. А человека три-четыре заявили прямо на ферму. И спрашивали не только меня, но и Питера, и Пэта. И задавали такие хитрые вопросы. Правильно вы говорили — мы вполне могли проболтаться, знай, где он находится.

— А когда эти люди приезжали на ферму? И как они выглядели?

— Выглядели? Обыкновенно. Не знаю, как и описать. Помнится, один сказал, что он из «Ивнинг пил». Они приезжали в воскресенье и в понедельник, как раз после того, как вышла ваша статья.

— А в «Роллсе» никто не приезжал?

Он усмехнулся:

— Нет.

— Не было ли среди ваших гостей такого высокого, плотного блондина с желтой кожей и иностранным акцентом?

— Из тех, кого видел, такого не было. Но двое говорили только с ребятами, потому что я в это время был в Челмсфорде. Спросите у них сами, если хотите.

— Может, и спрошу, — согласился я. — Вам никто не угрожал?

— Нет, чего не было, того не было. Вообще не заметил никакого давления с их стороны. Все ваши сложности и предосторожности, как мне кажется, пустая трата времени. А теперь, раз я знаю, где находится Тиддли Пом, вы должны сказать мне, где моя семья.

— Там видно будет. А сейчас позовите Нортон Фокса.

Он позвал Фокса. Тот извинился за то, что пришлось раскрыть секрет, и объяснил, что просто побоялся взять на себя ответственность, раз лошадь была так плоха.

— Ну конечно, — успокоил я его. — Вас вынудили обстоятельства. Пока об этом знает только Ронси, игра еще не проиграна, хотя лично я предпочел бы...

— Его сыновья тоже знают, — прервал меня Нортон. — Правда, не думаю, что это имеет значение.

— Как это не имеет?! — заорал я.

— Кому-то из ребят Ронси сказал, где находится. Позвонил по телефону. Он не помнил вашего

номера, а там, дома, у него где-то записано. Вот он и позвонил сыну... Кажется, Пэту, да, именно так он его назвал, а тот отыскал ваш телефон. Кажется, Пэт спросил у отца, откуда тот звонит, потому что Ронси сказал, что, раз сейчас лошадью интересоваться перестали, нет ничего страшного, если сын будет знать. Вот он и сказал ему.

— Черт! — пробормотал я. — Какой же дурак!

— Но может, он прав...

— А может, не прав, — с горечью ответил я. — Послушайте, Нортон, а не могло оказаться, что колики Тиддли Пома на самом деле отравление?

— О господи. Тай, конечно, нет! Самые настоящие колики. Да и как, скажите на милость, могли его отравить? Начать с того, что никто не знал, что это за лошадь...

— А теперь? — спросил я. — Сколько ваших ребят знает, что это Тиддли Пом?

Наступило гнетущее молчание.

— Все знают, — резко сказал я.

— Ну, некоторые просто узнали Ронси, — объяснил он. — И все читали «Блейз». Нетрудно сообщить, что к чему.

Скоро один из них сообразит, что можно свободно заработать пятерку, сообщив эти сведения конкурирующей газете. Тогда отыскать Тиддли Пома станет так же просто, как памятник Альберту. Его шансы стартовать в скачках на Золотой кубок были на данный момент равны нулю.

Виктор Ронси считал, что враги отказались от своей затеи, но я был убежден в обратном. У человека, подобного Вьерстероду, гордыня всегда берет верх над осторожностью. Он потерял бы уважение в глазах преступного мира, если бы несколько напечатанных в газете слов вынудили его

¹ Мемориал высотой 55 м в центре Лондона.

повернуться и бежать без оглядки. Следовательно, он этого не сделает.

Во вторник, за четыре дня до соревнований, Ронси официально уведомил Уэзербиса, что его лошадь будет участвовать. Если теперь он снимет ее по уважительной и понятной причине, из-за болезни, например, то потеряет свой вступительный взнос — пятьдесят фунтов. Но если не откажется от участия и оставит Тиддли Пома у Нортонна, то может потерять гораздо больше!

Сомнений нет — останься Тиддли Пом у Нортонна, к субботе он будет хром, слеп, одурманен наркотиками или просто мертв.

Нортон молча выслушал все это.

— А вам не кажется. Тай, что вы несколько преувеличиваете?

— Вы, вероятно, забыли, сколько раз вам приходилось снимать лошадей со скачек, в том числе Краткого, в самый последний момент без всяких на то причин, пока наконец догадались, что пора предпринять какие-то конструктивные меры по этому поводу?

После недолгого молчания он ответил:

— Да, пожалуй, вы правы...

— Одолжите мне свой фургон, и я перевезу Тиддли Пома в другое место.

— Куда?

— Туда, где он будет в безопасности, — небрежным тоном произнес я. — Ну так что, договорились?

— Ладно, — вздохнул он. — И мне будет спокойнее.

— Приеду, как только освобожусь.

— А я пойду пока отбивать атаки моих подопечных. — Легкий оттенок иронии в его голосе говорил о том, как слабо он верит в реальность угрозы. Мне вдруг ужасно захотелось бросить все

к черту, оставить Ронси пожинать плоды своей беспечности, позволить Вьерстероду отыскать лошадь и не дать ей бежать, чтобы они наконец убедились в моей правоте. Какой-то совершенно ребяческий порыв... Надолго меня не хватило, потому что по-своему я был тоже упрям, как и Вьерстерод. И не собирался уступать ему ни на йоту.

Опустив трубку на рычаг, я заметил, что Элизabet снова встревожена, правда, теперь уже по другой, более прозаической причине.

— Ох уж этот Тиддли Пом! — самым беспечным тоном сказал я. — Управиться с ним не легче, чем с целой оравой одиннадцатилетних ребяташек. Надеюсь, ты поняла, что сейчас я должен ехать перевозить его на новое место?

— А кто-нибудь другой не сможет?

Я мотнул головой:

— Уж лучше я сам.

Миссис Вудворд еще не пришла. Я позвонил Люку-Джону и сообщил, что наш тщательно подготовленный план провалился.

— Куда же теперь ты повезешь его?

— Дам знать, как только прибуду на место.

— Ты уверен, что это необходимо? — начал он.

— А вы, — перебил я, — уверены, что «Блейз» может рисковать после торжественных заверений, что именно благодаря нам фаворит теперь в безопасности?

— Гм, — буркнул он. — Ну ладно, действуй!

Миссис Вудворд наконец появилась, я сел в машину и помчался в Беркшир. По пути я размышлял о том, правильно ли поступил, не поддавшись шантажу, не слишком ли большая роскошь мое противодействие мошенникам по сравнению с ударом, который я нанес и без того подорванной психике Элизabet. После всех забот, заметно улучшивших ее физическое состояние, я смял ее,

словно бульдозером. Эгоистично. И все ради того, чтобы защититься от самой неприятной формы тирании. Если она похудеет и доведет себя до полного упадка сил, это будет целиком моя вина, и то и другое вполне возможно.

Сто пятьдесят гиней плюс расходы... минус налоги. Глубокое исследование! Благодаря «Тэлли» разверзлись передо мной эти глубины. И я бросился в них очертя голову.

Из телефона-автомата на окраине Лондона я сделал долгий и сложный звонок, организовав прием и уход за Тиддли Помом в одном надежном месте. Когда я подъехал к конюшням, Нортон Фокс и Ронси сидели за ленчем, и я, сколько ни старался, не смог объяснить ни тому, ни другому, что неотлагательность дела требует пожертвовать мясной запеканкой.

— Да садитесь и съешьте кусочек, — весело упрашивал Нортон.

— Мне надо ехать.

Они не одобряли моего нетерпения и перешли от запеканки к протертому крыжовнику, бисквитам и сыру. Было уже два, когда они наконец выползли во двор и занялись погрузкой Тиддли Пома.

Хорошо хоть Нортон заранее подготовил фургон. Он с опущенными бортами стоял посреди двора. Трудно придумать более демонстративное свидетельство отъезда! Я тяжело вздохнул. Водитель фургона был тоже далеко не в восторге, передавая машину незнакомому человеку, и с озабоченным видом занудно инструктировал меня относительно капризного характера коробки передач.

Сэнди Виллис провела Тиддли Пома через двор к борту машины и заставила подняться в среднее стойло из трех. Лошадь выглядела еще хуже, чем всегда. Из-за колик, конечно. Да, Золотого кубка ему не видать. Вся возня с участием его в скачках

показалась бессмысленной тратой времени. Но все равно, решил я, не ради Тиддли Пома ввязался я в эту историю, а ради принципа, ради того, что, раз Ронси хочет, чтобы его лошадь бежала, она будет бежать! Что-то вроде: «Я не согласен, что у вашей лошади есть шанс, но готов отдать жизнь за ваше право доказать это».

Сэнди Виллис привязала лошадь к перекладине, сошла вниз и начала с того, чем кончил водитель фургона. Она надавала мне массу подробных и замысловатых советов относительно ухода за ее питомцем. За какие-нибудь несколько дней она привыкла считать себя полностью ответственной за его благополучие. Верно сказал Нортон: Сэнди была лучшим из его парней. Я с радостью взял бы ее с собой, но вряд ли Нортон согласится — ведь она ухаживала еще и за Зигзагом.

— Надеюсь, условия там хорошие? — спросила она.

— Наилучшие, — заверил я ее.

— Скажите, чтобы не забывали давать ему яйца и пиво.

— Обязательно.

— И еще он терпеть не может, когда трогают за уши.

— Ясно.

На прощание она одарила меня внимательным хмурым взглядом и слабой улыбкой. Тут ко мне торопливо подошел Виктор Ронси и снова завел свою шарманку:

— Я настоятельно требую сказать, куда вы его везете.

— Он будет в безопасности.

— Но где?

— Мистер Ронси, если вы узнаете где, шансы на то, что он будет в порядке, уменьшатся вдвое. У нас уже был такой разговор...

Он призадумался, его беспокойно блуждавший взор встретился с моим.

— Ну хорошо, хорошо, — нетерпеливо произнес он наконец. — В таком случае в субботу вся ответственность за своевременную доставку в Хитбери-парк ляжет целиком на вас.

— «Блейз» все устроит, — согласился я. — Скачки начнутся в три. К полудню Тиддли Пом прибудет на место. Можете не сомневаться.

— Я буду там, — сказал он. — Буду вас ждать.

К нам подошел Нортон, и они пустились обсуждать это мероприятие в деталях, а я с помощью шофера поднял и закрепил борта.

— Когда вы привезете Зигзага в Хитбери? — перед тем как залезть в кабину, спросил я у Нортонна.

— В полдень, — ответил он. — Тридцать две мили отсюда. Думаю выехать часов в одиннадцать.

Я сел за руль и выглянул в окошко. Они оба смотрели на меня: взволнованный Ронси, спокойный Нортон.

— Увидимся вечером, когда приведу фургон обратно, — сказал я Нортону и добавил для Ронси: — Не тревожьтесь, все будет в порядке. Захотите успокоиться, звоните, как и раньше, в «Блейз».

Подняв стекло в кабине, я разобрался с капризной коробкой передач и осторожно выехал со двора на дорогу, на целый час позже, чем рассчитывал. Что ж, подарим еще один час миссис Вудворд.

Я постарался выбросить из головы образ Элизабет, ожидающей моего возвращения. Ничто не изменится к лучшему. Ничто не изменится еще долгие-долгие годы. Я ощутил растущее раздражение против Элизабет, но у меня хватило ума понять, какую заурядную психологическую шутку играет сейчас со мной мое сознание. Виновным трудно перенести потерю самоуважения, признать свою не-

правоту, и они стараются избавиться от этих неприятных переживаний, трансформируя их в отрицательные эмоции по отношению к тем, перед кем провинились. Элизабет раздражала меня потому, что я обманул ее. Самая нелепая несправедливость из всех. И самая распространенная.

Ловко и осторожно я провел громоздкий фургон через маленькую деревню и повернул на северо-восток, к дороге на Даунс. Большие округлые холмы, ни одного деревца на них, только низкий кустарник, сбитый набок ветрами. Ни одного дома.

Вереница телеграфных столбов. Черные борозды распаханной земли. Бесцветное небо раннего декабря, а там, в высоте, — одинокий парус серо-стального облака. Холодный, унылый пейзаж, под стать настроению.

Движение по неогороженному шоссе, отделявшему деревню Нортон от двух других, было небольшим. На гребне дальнего холма возникла серо-голубая «Кортина». Она быстро приближалась. Я посторонился, чтобы дать ей дорогу, и она пронеслась мимо с ревом на безумной скорости, совершенно неуместной на такой узкой дороге.

Мои мысли были настолько поглощены Элизабет, что лишь через несколько секунд почувял беду. Мельком увиденное лицо шофера «Кортины» вдруг пробудило меня от оцепенения. Это был один из молодчиков Чарли Бостона, из тех, что напали на меня в поезде. Тот, здоровенный. С медным кастетом.

Несмотря на декабрьский холод, меня прошиб пот. Я нажал на акселератор и почувствовал, как от резкого рывка сзади накренился тяжелый прицеп с Тиддли Помом. Единственная надежда на то, что здоровяк, целиком поглощенный задачей, проскочил в узкое пространство между обочиной и фургоном, не заметив меня.

И конечно, рядом с ним сидел пассажир...

Я посмотрел в зеркальце: «Кортина» скрылась за холмом.

Молодчики торопились в деревню Нортона Фокса не по случайному стечению обстоятельств, и, видно, о местонахождении Тиддли Пома им сообщили лишь с небольшой задержкой, иначе бы они не успели оказаться здесь, особенно, если ехали из Бирмингема.

«Все же интересно, — мрачно размышлял я, — кто сказал им, где следует искать лошадь?» Правда, в данный момент особого значения это не имело. Важно было избавиться от них теперь.

Я еще раз посмотрел в зеркало: «Кортины» не было видно. Мы катили со скоростью шестьдесят пять миль по дороге, на которой благоразумнее придерживаться сорока. В стойле постукивал копытами Тиддли Пом. Ему не нравилась тряска. Придется потерпеть, пока мы не съедем с дороги на Даунс, слишком безлюдной и слишком хорошо обозримой на многие мили.

Еще раз посмотрев в зеркало, я заметил на горизонте за двумя холмами бледную движущуюся точку. Может, это и не они. Я взглянул опять. Они! Я чертыхнулся. Стрелка спидометра подползла к шестидесяти восьми. Больше не выжать. Нога на педали почти касалась пола, но они все равно догоняли. И быстро.

Как назло, ни одного городка поблизости, где можно было бы затеряться, а висеть у меня на хвосте они способны весь день, пока не узнают, куда я везу Тиддли Пома. От них трудно оторваться даже в легковом автомобиле, а в таком громоздком фургоне и подавно. В этой безнадежной ситуации единственный расчет был на то, что парни Бостона, как и прежде, будут руководствоваться не разумом, а агрессивными эмоциями.

Так и оказалось. Они догнали меня, оглашая окрестности бешеными гудками. Может, они считали, что я не успею их заметить, когда они пронесутся мимо...

Но если им надо просто проехать, значит, они не собираются преследовать меня. Я стиснул зубы. Если они хотят проскочить, значит, именно сейчас и здесь они намерены раз и навсегда отстранить Тиддли Пома от скачек. При мысли о том, что они сделают со мной, снова болезненно заныли ребра. Я судорожно сглотнул. Меньше всего хотелось получить сейчас такую же взбучку, как тогда, в поезде. Причем на этот раз они вряд ли станут церемониться.

Я вел фургон ровно посередине дороги, не давая им места проскочить. В кузове брыкался Тиддли Пом. Немного сдвинув ногу с акселератора, я сбавил скорость до сорока пяти миль. Пусть знают, что я догадался, кто они такие. Преимуществ от этого у них не прибавится.

Впереди на холме возник грузовик с сеном, груженный с верхом прицеп мотался посередине дороги. Инстинктивно я снова сбросил скорость и начал сворачивать к краю. Тут же в боковом зеркале показался хищный нос «Кортины» — она шла уже вровень с задним мостом моей машины. Я снова вырулил на середину, в ответ на что водитель встречного грузовика отчаянно замигал фарами. Мы шли лоб в лоб, и он сигналил как сумасшедший. Буквально в последнюю секунду, когда он выжал тормоз на полную катушку и почти уже не двигался, я, свернув в сторону, мельком заметил перекошенное от ярости лицо и угрожающе приподнятый кулак. Нас разделяли считанные дюймы. Их оказалось достаточно.

«Кортина» попыталась прорваться вперед в тот момент, когда я еще не выехал на середину. Понеслась глухой удар — это я пересек ей путь.

Они отскочили назад футов на десять и остались на этой дистанции. «Так и будут плестись позади, — с отчаянием подумал я, — пока не добьются своего».

Впереди, на расстоянии мили, меня, возможно, ожидало «Ватерлоо»: дорожный перекресток.

Я должен был остановиться. Либо остановиться, либо пойти на риск столкновения с машиной, которая спокойно, не нарушая правил, катила по главной магистрали. И убить ни в чем не повинного автомобилиста, или его жену, или ребенка... Но тогда быстрая «Кортана» обгонит меня, неважно, сверну ли я потом направо, как намеревался, или налево, к Лондону, или поеду прямо. Бог ведает куда.

На перекрестке не было ни души: ни полицейской машины, поджидающей клиентуру, ни автоинспектора, присевшего на обочину покурить, ни отважного очевидца, способного броситься на выручку.

Перед въездом на довольно крутой склон я, начисто позабыв инструкции нортонского шофера, включил вторую скорость. В какой-то момент сцепление отказало, и тяжелый фургон почти замер на месте. Но вот зубчики и винтики заработали снова, и резким рывком мы двинулись дальше. Позади молодчики Бостона не жалели энергии и, непрерывно сигналив, всюю расходовали батарею. Фургон въехал на холм, а внизу, всего в четырехстах ярдах, ждал перекресток.

Я нажал на педаль. Фургон рванулся вперед. Ребята Чарли Бостона успели это заметить и подумали, что я решил не останавливаться на знак. В зеркале я увидел, как они тоже прибавили скорость и приблизились почти вплотную.

За двести ярдов до перекрестка я буквально встал на тормоза, будто передо мной дорога обрывалась в пропасть. Результат превзошел все ожидания. Фургон содрогнулся, затрясся и завертелся на

месте. Кузов замотался, стукнулся о заграждение, снова закачался. Я испугался, что все это высокое и нескладное сооружение сейчас перевернется. Но тут послышался страшный, глухой и хрустящий звук — «Кортинка» налетела на кузов. Фургон закрипел и остановился как вкопанный. Но не перевернулся. И не сошел с дороги.

Стекла «Кортины» еще со звоном разлетались по асфальту, а я уже поставил машину на ручной тормоз и выскочил из кабины.

Серо-голубой автомобиль лежал на боку, выставив на всеобщее обозрение свои внутренности. Он находился в добрых двадцати ярдах от фургона и, судя по продавленной крыше, успел разок перевернуться. Я пошел к нему, сожалея, что нет под рукой никакого оружия, и преодолевая побуждение немедленно повернуться и уехать, не увидев того, что случилось с пассажирами.

В машине был только один водитель. Здоровенный. Вполне живой, обезумевший от злобы и, видимо, еще от боли в правой лодыжке, сломанной и зажатой между педалями. Игнорируя более чем внятные призывы о помощи, я повернулся к нему спиной. «Эта месть, — подумал я, — с лихвой окупает все, что пришлось бы вынести, попади я снова в его лапы».

Другой парень от столкновения вылетел из машины. Я обнаружил его на обочине, поросшей травой. Он лежал вниз лицом, без сознания. Обеспokoенный, я пощупал пульс — он был тоже жив. С чувством невероятного облегчения я направился обратно к фургону, открыл боковую дверь и полез взглянуть на Тиддли Пома. Тот неодобрительно покосился в мою сторону и, задрвав хвост, принялся опорожнять кишечник.

— Твои дела не так уж плохи, приятель, — громко сказал я ему. Голос был хриплым от напряже-

ния. Я вытер мокрые ладони о его гриву, пытаюсь улыбнуться и чувствуя тошноту и непреодолимое желание заняться тем же делом, что и Тиддли Пома.

Несмотря на столь неординарное путешествие, с ним, по-видимому, и правда, все было в порядке. Я похлопал его по задку и спрыгнул на дорогу. Ущерб, нанесенный фургону, сводился к разбитой фаре и вмятине на заднем крыле размером не больше суповой тарелки. Будем надеяться, что Люк-Джон организует оплату ремонта за счет «Блейз». На Чарли Бостона я не рассчитывал.

Парень, лежавший на траве, зашевелился. Я видел, как он сел и обхватил голову руками, пытаюсь понять, что случилось. Из машины все еще яростно вопил его напарник. Нарочито медленно я забрался в кабину, завел мотор, и мы спокойно поехали дальше.

Я не собирался заезжать слишком далеко. Я вез Тиддли Пома в самое надежное, как мне казалось, место, в конюшни на ипподроме Хитбери-парк. Они окружены высокой стеной, и всю ночь там патрулирует охрана. Вход строго по пропускам, даже владельцев лошадей пропускают только в сопровождении тренера. Уилли Ондрой, администратор, с которым я так долго совещался по телефону, согласился принять Тиддли Пома и сохранить его пребывание в тайне.

В любом случае конюшни открываются только с двенадцати, и в это время там тоже будет дежурить охрана. Лошади, которых привозили из отдаленных мест, за сотню миль и больше, находились в пути целый день, а ночь перед скачками проводили в конюшнях. Иногда одна должна была выступать в пятницу, а другая — в субботу, тогда их обеих привозили в четверг и оставляли там на два, даже на три дня. Двухдневное пребывание Тиддли

Пома не покажется подозрительным. Единственная проблема заключалась в том, что у него не было конюха, но Уилли Ондрой обещал все устроить.

Он уже поджидал нас и поспешил к фургону прямо от стойл, через лужайку.

— Слишком много наших ребят знают тебя в лицо. — Он махнул рукой в сторону, где разгружались еще два фургона. — Если заметят, сразу смекнут, что привезли Тиддли Пома. А насколько я понял, тебе вовсе не хочется обременять нас излишними заботами по охране от шайки жуликов, которые хотят причинить ему зло, верно?

— Верно, — с готовностью подтвердил я.

— Тогда поезжай по этой дороге. Первый поворот налево. Проедешь через белые ворота, там раздевалка, и еще раз налево. А там и мой дом. Поставишь фургон у черного входа, ладно?

— Ладно, — согласился я и в точности выполнил все его распоряжения, от души радуясь, как быстро он разобрался в ситуации и какую четкость, воспитанную, видно, летной практикой, проявил во всех своих действиях.

— Я переговорил с управляющим, — сообщил он. — Стойла и охрана в его ведении. Пришлось взять его человека. Это вполне надежный парень, вполне надежный. Сейчас он подыскивает бокс для Тиддли Пома и, разумеется, слова не вымолвит о том, что это за лошадь.

— Что ж, прекрасно, — произнес я с облегчением.

Я остановил фургон, и мы разгрузились.

— Лошадь, — сказал Уилли Ондрой. — побудет здесь, пока за ней не приедет управляющий. Тем временем не желаешь ли выпить чашечку чая? — Он взглянул на часы. — Без десяти четыре. — Нерешительная пауза. — Или, может быть, виски?

— Почему именно виски? — спросил я.

— Да так, не знаю. Мне показалось, тебе сейчас не повредит.

— Наверное, ты прав, — ответил я, выдавливая из себя улыбку.

Он взглянул на меня с любопытством. Но как я мог рассказать ему, что чуть не убил двоих парней, чтобы благополучно довести Тиддли Пома до этой двери? Что лишь по счастливой случайности мне удалось их просто остановить? Что только с помощью насилия я избежал вторичного нападения, о последствиях которого было страшно и подумать. Неудивительно, что я выглядел как человек, которому необходим глоток виски. И я выпил. Его вкус показался мне восхитительным.

Глава 13

Нортон Фокс встретил меня далеко не восторженно. Заслышав шум подъезжающего фургона, он вышел из дома. Было почти совсем темно, лишь во дворе горело несколько фонарей, и из распахнутых дверей конюшен, у которых толпилась кучка парней, тоже лился свет. Я остановил фургон, неуклюже выбрался из кабины и взглянул на часы: без десяти шесть. Поехав кружным путем, чтобы обмануть водителя фургона относительно пройденного мной расстояния, я потратил на дорогу без малого два часа. Путь в Хитбери-парк и обратно был для него накатанной дорожкой, он знал его как свои пять пальцев, до последнего ярда, и, взглянув на счетчик, сразу бы определил, куда отвезли лошадь.

— У вас неприятности. Тай, — хмуро произнес Нортон. — О чем, скажите на милость, вы только думаете? Сперва фермер, что возит сено, приезжает сюда весь дрожа от злости и говорит, что

наш фургон с каким-то маньяком за рулем чуть не врезался в его машину. Потом мы слышим, что у перекрестка Лонг-Барроу произошла авария с каким-то фургоном, и сюда для расследования приезжала полиция...

— Да, — сознался я. — Очень сожалею, Нортон. У вашей машины вмятина и разбита задняя фара. Мне следует извиниться перед тем человеком с сеном. Наверное, еще придется объясняться с полицией.

Неосторожная езда... Мягко говоря. Довольно трудно доказать, что это был один из способов самозащиты. Нортон чуть не взорвался от возмущения.

— Чем это, интересно, вы занимались?

— Играл в ковбоев и индейцев, — устало ответил я. — Индейцы были повергнуты в прах.

Шутка его не развеселила. Вышла секретарша и позвала его к телефону, я остался ждать возле фургона.

Нортон вернулся уже не таким сердитым.

— Это из полиции, — отрывисто сказал он. — Они все же настаивают на встрече с вами. Правда, выяснилось, что два человека, попавших в аварию, сбежали из больницы. Кроме того, в полиции обнаружили, что «Кортина» числится в списке угнанных машин. Теперь, несмотря на заявление водителя грузовика, они уже менее склонны винить вас в этом происшествии.

— Парни в «Кортине» преследовали Тиддли Пома, — устало ответил я. — И были, как никогда, близки к цели. Может, вы все-таки скажете Ронси, что наши предосторожности были не напрасны.

— Он уехал домой.

Через темный двор я направился к машине. Нортон шел следом, объясняя, как добраться до полицейского участка. Я перебил его:

— Я туда не собираюсь. Могут приехать ко мне сами. Лучше всего в понедельник. Так и передайте.

— Почему в понедельник? — Он посмотрел на меня с недоумением. — Почему не сейчас?

— Да потому, что я могу приблизительно объяснить, где искать этих ребят из «Кортины» и что они собирались сотворить. Надо, чтобы полиция предъявила им иск не раньше понедельника, иначе дело перейдет в руки следствия, и мне не удастся протолкнуть эту информацию в «Блейз». Неужели вся эта нервотрепка не окупает статьи в воскресном номере?

— У меня просто голова кругом идет, — ответил он. — И полиции это не понравится.

— Ради Бога, только не говорите им ничего, — раздраженно сказал я. — Об этом будем знать только вы и я. Если начнут меня искать, просто скажите, что я сам свяжусь с ними, что вы не знаете, где я живу, и найти в случае срочной необходимости меня можно через «Блейз».

— Хорошо. — В голосе его звучало сомнение. — Вы настаиваете, ладно. Но мне кажется, вы навлекаете на себя серьезные неприятности. Не думаю, что Тиддли Пом того стоит.

— Тиддли Пом, Краткий, Поликсен и прочие... Каждый в отдельности ничего не стоит. На этом и держится рэкет.

Хмурое лицо Нортон просветлело, на нем возникло подобие улыбки.

— Еще немного, и я услышу, что «Блейз» целиком посвятила себя службе правосудия, а не охоте за сенсациями.

— Именно это мы и утверждаем.

— Гм... — пробормотал Нортон. — Но нельзя верить всему, что пишут в газетах.

* * *

Подавленный и усталый, я медленно ехал домой. Порой волнения и неприятности служат дрожжами, придающими особый вкус черствому хлебу повседневности. Положительным фактором. Он был необходим мне. Но никогда они еще не угрожали столь жестоко моему семейному благополучию и не требовали таких затрат физических и душевных сил.

На этот раз я был твердо уверен, что Тиддли Пом будет участвовать в скачках, что заговор раскрыт и предотвращен. Но эта мысль не приносила удовлетворения. Все пепел и прах. Печальное настоящее, унылое и безрадостное будущее.

С дороги я позвонил в «Блейз». Люк-Джон уже ушел. Я застал его дома.

— Тиддли Пом в конюшнях на ипподроме Хит-бери, — сообщил я. — Под охраной бывшего полицейского и немецкой овчарки. Лишь этот служитель и управляющий знают, кто он такой. И больше ни одна душа. Что вы на это скажете?

— Что ж, прекрасно, — без особого энтузиазма произнес Люк-Джон. — Теперь можно не сомневаться, что Тиддли Пом стартует в Золотом кубке. Получится хороший материал. Тай, боюсь, однако, мы несколько преувеличивали опасность.

Я поспешил уверить его в обратном:

— Сегодня где-то в половине третьего ребята Бостона были всего в трех милях от конюшен Нортон Фокса.

— Боже, — прошептал он, — значит, это действительно правда...

— А вы принимали все это за шутку, состряпанную специально для нашего развлечения?

— Но...

— Не «но», а именно так. Ладно, как бы там ни было, но у них произошла небольшая неприят-

ность с машиной... Они отброшены к исходной позиции, так как опять не знают, где Тиддли Пом.

— Что за неприятность?

— Врезались в кузов фургона для перевозки лошадей. Весьма неосторожно с их стороны. Я слишком резко нажал на тормоз, а они шли почти вплотную.

Растерянное молчание. Потом он спросил:

— Они погибли?

— Нет. Немного помяты... — Я коротко пересказал ему события дня.

Типичная для Люка-Джона реакция... Голос снова зазвучал оживленно и энергично:

— До воскресенья воздержись от контактов с полицией.

— Ясное дело.

— Тай, это просто великолепно...

— Да, — ответил я.

— Сегодня же вечером набросай предварительный вариант и завтра давай с ним в редакцию, — распорядился он. — Завтра мы все обмозгуем, а окончательные подробности сообщишь мне по телефону в воскресенье, прямо со скачек.

— Ладно.

— Да, и вот еще что: позвони-ка Ронси и скажи, что исключительно благодаря «Блейз» его лошадь теперь в целости и сохранности.

— Ладно, посмотрим. Может, позвоню.

Я повесил трубку и только тут почувствовал, как одиноко должно быть Ронси. Я устал, и мне захотелось домой. «Но и дома, — тоскливо подумал я, — расслабиться не удастся, начнется новый приступ раскаяния и угрызений совести».

Ронси немедленно ответил на звонок. Он уже был в курсе — ему звонил Нортон.

— Тиддли Пом в безопасности и под хорошим присмотром, — заверил я его.

— Мне следует извиниться перед вами, — буркнул он.

— Не за что.

— Послушайте... меня все же беспокоит кое-что. Очень беспокоит. — Он замолчал, видимо подавляя приступ гордыни. — Как вы считаете... я хочу сказать, есть ли у вас догадка... насчет того, как эти люди смогли так быстро появиться у Фокса?

— Думаю, мы с вами подозреваем одного и того же человека. Это ваш сын. Пэт.

— Шею ему сверну! — В голосе звучала искренняя, далеко не отцовская злоба.

— Будь у вас хоть капля здравого смысла, вы бы давно разрешили ему выступать на всех скачках, а не только второстепенных.

— Да о чем вы только толкуете!

— О непомерном чувстве обиды, которое постоянно испытывает ваш сын. Вы доверяете своих лошадей кому угодно, только не ему. Вот он и обижается.

— Он недостаточно опытен, — запротестовал Ронси.

— Да где же ему набраться этого опыта, если вы не даете такой возможности? Нет лучше школы для жокея, чем участие в серьезных скачках на хороших лошадях!

— Но он может проиграть, — проворчал Ронси.

— А может и выиграть! Разве у него был шанс доказать это?

— Однако выдать Тиддли Пома... Какой ему толк от этого?

— Просто месть... вот и все.

— Все!

— Сейчас все в порядке.

— Ненавижу его!

— Тогда пошлите его работать в другие конюшни. Обеспечьте прожиточный минимум, дайте воз-

возможность испытать себя, понять, сможет ли он стать профессионалом. Неудивительно, что человек огрызается, если постоянно попирают его достоинство.

— Но долг сына помогать отцу. Особенно, когда это сын фермера.

Я вздохнул. Он отставал от современной жизни лет на пятьдесят, и никакие разговоры не могли его переубедить.

Нельзя сказать, что меня радовало мстительное предательство Пэта Ронси. Конечно, можно было понять причины, толкнувшие его на этот поступок. Но восхищаться особенно нечем.

Видимо, кто-то из приезжавших на ферму уловил нескрываемое раздражение Пэта и оставил свой телефон на случай, если тот узнает о местонахождении Тиддли Пома и захочет отомстить отцу. Уверенность Пэта в том, что он сообщает эти сведения журналисту-конкуренту, была слабым оправданием. Даже в этом случае ему следовало догадаться, что газетчик может распространить информацию по всей стране. Результат одинаков. Быстрота, с какой молодчики Бостона примчались в деревню, наводила на мысль, что на ферме с Пэтом беседовал человек в плаще, шофер, а может, даже и сам Вьерстерод.

Я приехал в Лондон. Поставил машину в гараж. Запер. Медленно, словно нехотя, поднялся по ступеням.

— Привет! — вымученно веселым тоном произнесла Элизабет.

— Привет! — Я поцеловал ее в щеку. На взгляд миссис Вудворд, наше поведение было обычным. Только боль, которую мы читали друг у друга в глазах, говорила, что это не так.

Миссис Вудворд надела синее пальто и еще раз сверилась с часами. Три часа сверхурочных, но ей все было мало. «Интересно, — мельком по-

думал я, — можно ли отнести эти расходы на счет «Блейз»?»

— Мы уже поели, — сообщила миссис Вудворд. — Ваш ужин готов, только разогреть. Просто суньте его в духовку, мистер Тайрон.

— Спасибо.

— Ну, доброй ночи, милая! — крикнула она Элизабет.

— Доброй ночи.

Я распахнул дверь, она коротко кивнула, улыбнулась и сказала, что будет утром, в обычное время. В том, что она явится вовремя, можно было не сомневаться. Добрая, пунктуальная, столь необходимая всем нам миссис Вудворд! Будем надеяться, что чек из «Тэлли» не заставит себя долго ждать.

После обмена приветствиями мы с Элизабет, казалось, исчерпали темы для беседы. Самые невинные вопросы и ответы напоминали хождение над бездной, затянутой тонким слоем льда. Должно быть, поэтому мы оба почувствовали облегчение, когда в прихожей прозвенел звонок.

— Наверное, миссис Вудворд что-то забыла, — сказал я.

— Да, наверное, — согласилась Элизабет.

Ничего не подозревая, я отворил дверь. Она с грохотом распахнулась под тяжелым пинком. На пороге стоял человек в черном. Массивным, затянутым в кожаную перчатку кулаком он нанес мне резкий удар в диафрагму и, когда я скорчился, рубанул чем-то твердым по шее, у основания черепа.

Стоя на коленях, кашляя и задыхаясь, я увидел, как в дверях появился Вьерстерод, окинул взором всю эту сцену и прошел в комнату. Нога в черном ботинке захлопнула за ним дверь. Пслышался мягкий свистящий звук, и еще один удар обрушился мне на спину, между лопатками. Элизабет вскрикнула. Я с трудом поднялся и сделал

попытку пройти к ней в комнату. Плотный человек в черном — это был Росс, шофер, — схватил меня за руку и с силой вывернул ее назад.

— Садитесь, мистер Тайрон, — спокойно произнес Вьерстерод. — Садитесь вот сюда. — Он указал на покрытую ковриком табуретку, на которой так любила сидеть с вязаньем миссис Вудворд. Здесь не было ни спинки, ни подлокотников, мешавших двигать спицами.

— Тай! — неестественно высоким от страха голосом окликнула меня Элизабет. — Тай, что происходит?

Я не ответил. Я пребывал в каком-то странном оцепенении. Сел на табуретку, и Росс отпустил мою руку. У постели Элизабет стоял Вьерстерод и с возрастающим любопытством наблюдал за мной.

— Ну вот, наконец все стало на свои места, мистер Тайрон. Неужели и вправду вы были настолько самонадеянны, думая, что можете оказать мне открытое сопротивление и вам это сойдет с рук? Никому еще не сошло, мистер Тайрон. Никому и никогда.

Я снова не ответил. Росс стоял у меня за спиной на расстоянии шага. В правой руке он вертел штуку, которой ударил меня, — небольшую удлиненную дубинку грушеобразной формы. По сравнению с ней кастеты молодчиков Бостона выглядели детской игрушкой. Я с трудом подавил желание потереть зудящее от боли место.

— Мистер Тайрон, — тем же спокойным, ровным тоном продолжал Вьерстерод, — где Тиддли Пом?

Не дождавшись ответа, он повернулся, посмотрел вниз и не спеша подsunул нос ботинка под то место, где вилка входила в розетку. Туда, где электрический кабель подключался к дыхательному насосу. Элизабет проследила за направлением моего взгляда и увидела, что он делает.

— Нет! — вскрикнула она. Высокий, напряженный от страха голос. Вьерстерод улыбнулся.

— Тиддли Пом? — Он повернулся и посмотрел на меня.

— В конюшнях на ипподроме в Хитбери-парк.

— Ага. — Он убрал ногу. — Вот видите, как все просто, верно? Самое главное — найти правильный подход. Правильно подобрать ключи. Насколько я понимаю, ни одна лошадь в мире не стоит того, чтобы подвергать из-за нее опасности жизнь тех, кого любишь.

Я промолчал. Он был прав.

— Проверьте, — сказал Росс, по-прежнему стоя у меня за спиной.

Вьерстерод сузил глаза.

— Так рисковать он не станет.

— Но он сопротивлялся. Посмел пойти против вас! Чего тут мудрить! Надо проверить, и все. — Росс не приказывал, скорее советовал.

Вьерстерод пожал плечами и снял телефонную трубку. Сначала в справочную:

— Ипподром в Хитбери-парк. Кого-нибудь из управляющих... Хорошо, как раз то, что надо...

Подошел сам Уилли Ондрой. Вьерстерод сказал:

— Мистер Тайрон поручил мне позвонить и узнать, все ли в порядке с Тиддли Помом...

Он спокойно выслушал ответ, бледное с желтоватым оттенком лицо оставалось бесстрастным и неподвижным. Он почти никогда не улыбался, редко хмурился. Морщинки вокруг глаз появились, видно, из-за того, что яркое солнце родины часто заставляло его щуриться.

— Огромное вам спасибо, — сказал он наконец. Снова манеры и голос из Форин-офис, сама любезность, само очарование.

— Узнайте, в каком он боксе, — подсказал Росс. — Номер!

Вьерстерод спросил. Уилли Ондрой ответил.

— Шестьдесят восьмой? Благодарю. Доброй ночи.

Росс аккуратно опустил трубку на рычаг, наступила пауза. Я надеялся, что теперь, когда он получил что хотел, у него достанет порядочности просто тихо удалиться. Надежда слабая и, как выяснилось, беспочвенная.

Пристально изучая свои ногти, он тихо продолжил:

— Приятно видеть, мистер Тайрон, что вы наконец осознали неизбежность нашего с вами сотрудничества. — Снова пауза. — Однако в данном случае было бы ошибкой с моей стороны полагать, что подобная ситуация сохранится надолго, если я не приму мер, убеждающих вас, что иного пути просто нет.

Я посмотрел на Элизабет. Закрученные фразы Вьерстерода, видимо, доходили до нее с трудом. Она лежала, откинув голову на подушки, глаза были закрыты. Я сообщил, где находится лошадь, и это ее успокоило. Теперь, считала она, ничего страшного произойти не может.

Вьерстерод уловил мой взгляд и мысль. Кивнул.

— У нас в стране много жертв полиомиелита, живущих на системе искусственного дыхания. Я знаю, что это такое. Понимаю, что значит для нее электричество. И постоянный уход. И в каком опасном положении она находится, каждый день на грани между жизнью и смертью. Все это я очень хорошо понимаю.

Я молчал. Он снова заговорил:

— В подобной ситуации многие мужчины бросают своих жен. Вы этого не сделали. Значит, вы заботитесь о ней, стараетесь не причинить зла. Я прав или нет? Ведь вы только что на деле доказа-

ли это, не так ли? И вам не понадобилось много времени, чтобы сообщить то, что требовалось.

Я не ответил. Он подождал секунду, потом продолжал тем же размеренным тоном. То, что он говорил, как уже однажды заметил Дэмбли, находилось в чудовищном противоречии со стилем изложения.

— Я вынужден заботиться о поддержании своей репутации на должном уровне. И абсолютно не могу допустить, чтобы какие-то жалкие журналистишки вмешивались в мои дела и пытались выставить на посмешище. Хотелось, чтобы вы запомнили это раз и навсегда. И чтобы этот случай послужил для вас неизгладимым уроком и вы усвоили бы, что я не тот человек, которому можно стать поперек дороги.

Росс шагнул вперед. По телу у меня забегали мурашки. Я изо всех сил пытался скопировать Вьерстерода, сохраняя бесстрастное выражение лица.

Но Вьерстерод еще не закончил проповедь. Кажалось, он мог продолжать в том же духе всю ночь.

— Чарли Бостон доложил мне, что вам удалось вывести из строя двух его помощников. Он тоже не может оставить безнаказанным урон, нанесенный его репутации. Поскольку меры предупреждения, примененные в поезде, ничему вас не научили, посмотрим, может быть, мой шофер достигнет лучших результатов.

Я просунул ногу под табуретку, подцепил ее и, привстав, ударил Росса одновременно в живот и в пах. Тот скорчился, а я, пользуясь замешательством, выхватил у шофера дубинку и замахнулся, чтобы треснуть его по голове.

— Тай!! — Это был не голос Элизабет, а страшный, мучительный вопль. Не выпуская из рук дубинку, я повернулся и встретил дышащий ледяной злобой и неумолимостью взгляд Вьерстерода.

— Бросьте дубинку!

Носок отполированного ботинка был снова под розеткой. Нас разделяло три ярда. Весь трясаясь от ярости, я остановился. Больше всего на свете мне хотелось бы налететь на него, сбить с ног, смять, вышвырнуть из моей жизни раз и навсегда. Но я не мог рисковать... Одно легкое движение — и аппарат выключен из сети. Идти на такой риск, попытаться успеть вовремя вставить вилку в штепсель, при том, что между розеткой и мною стоял Вьерстерод, а сзади — Росс, было практически невозможно. «Спирашелл» давил на грудь, под его весом она немедленно задохнется. Дальнейшее мое сопротивление может убить ее. Этот пойдет на все. Уничтожит Элизабет, предоставив мне самому объяснять обстоятельства ее смерти. Еще бы, ярмо на шее, никому не нужная жена-калека... Ведь он не знал, что мне известны его имя и еще кое-какие факты биографии. Устранение Элизабет наверняка кажется ему делом практически безнаказанным. Нет, рисковать нельзя.

Я медленно опустил руки и бросил дубинку на пол. Росс, тяжело дыша, наклонился и поднял ее.

— Сядьте, мистер Тайрон, — приказал Вьерстерод. — И не двигайтесь с места! Не вздумайте снова встать. Надеюсь, вы хорошо меня поняли?

Носок ботинка все еще находился под розеткой. Кипя от душившей меня злобы, я опустился на табуретку. Вьерстерод кивнул Россу, и тот изо всей силы ударил меня дубинкой по спине. Звук был ужасный. Ощущение и того хуже.

Элизабет вскрикнула. Вьерстерод холодно посмотрел на нее и велел Россу включить телевизор. Они поджидали, пока он разогреется. Росс повернул регулятор звука на полную громкость и переключил с программы новостей на какое-то музыкально-танцевальное шоу. К несчастью, у нас не

было соседей, которые могли бы прийти, жалуюсь на шум. Единственная живущая поблизости пара вечерами работала в ночном клубе.

Росс поднял дубинку и снова направился ко мне. Инстинктивно я попытался приветствовать, чтобы защищаться, бежать, исчезнуть Бог знает куда и как.

— Сидеть! — сказал Вьерстерод. Я перевел взгляд на его туфлю и сел. Росс взмахнул рукой, и на этот раз я упал с табуретки вперед на колени.

— Перестаньте, — произнесла Элизабет дрожащим голосом, — умоляю, перестаньте...

Я встретился с ней взглядом. Она смотрела на меня с ужасом. С мучительным страхом. С мольбой. Она умоляла меня о чем-то. Внезапно меня, словно откровение, осенило: она боится, что я не выдержу, подумаю, что не стоит так мучиться ради нее, и попрошу прекратить избиение, пусть даже ценой ее жизни. Вьерстерод понимал, что я никогда не пойду на это. «Смешно, — подумал я с горечью, — но факт. Вьерстерод знает меня куда лучше, чем моя собственная жена».

Впрочем, тянулось все это не слишком долго. В какой-то момент я перестал ощущать каждый удар в отдельности, болело и ныло все тело. Казалось, земной шар давит мне на плечи всей своей тяжестью. Атланту такое не снилось...

Я не слышал, как Вьерстерод приказал Россу остановиться. Я сидел, прикусив губу и обхватив руками голову. В телевизоре какая-то гнида нараспев советовала всем и каждому веселее смотреть на жизнь. Росс заткнул ей глотку на середине ноты.

— О Господи, — твердила Элизабет, — Господи...

Ровный, невыразительный голос Вьерстерода сухо утешал ее:

— Дорогая миссис Тайрон, уверяю вас, моему шоферу известны куда более неприятные прие-

мы. Надеюсь, вы понимаете, что человеческое достоинство вашего мужа нисколько не пострадало.

— Достоинство... — слабым голосом повторила Элизабет.

— Да, именно. Одно время мой шофер работал в тюрьме, в той стране, откуда я приехал. Он хорошо знает, как можно унижить человека. Однако такой подход к вашему мужу кажется мне неприемлемым. — Затем он обратился ко мне: — Мистер Тайрон, стоит вам еще раз проявить непокорность, и я позволю своему шоферу делать с вами все, что ему заблагорассудится. Буквально все, что угодно. Вам ясно это?

Я молчал. Он повторил:

— Вам ясно?

Я кивнул.

— Прекрасно. Наконец-то мы сдвинулись с мертвой точки. Но это только начало. Вам следует проявить свое послушание более определенным образом. Вы будете работать на меня. Писать для меня в своей газете. Писать то, что вам прикажут.

Я медленно отнял руки от лица и опустил их на колени.

— Это невозможно, — вяло произнес я.

— Мне кажется, вы сочтете это вполне возможным. И даже необходимым. Иного выхода у вас нет. А о том, чтобы уйти из газеты, нечего и думать. — Он дотронулся до провода носком коричневого, начищенного до блеска ботинка. — Не можете же вы день и ночь караулить свою жену, до самой ее смерти...

— Хорошо, — медленно проговорил я, — буду писать то, что вы скажете.

— Вот это другое дело.

«Бедный, бедный старина Берт Чехов, — с тоской подумал я. — Вниз, на тротуар, с седьмого этажа... А мне даже не удастся застраховать жизнь

на сумму, достаточную для оплаты пребывания Элизабет в клинике до конца ее дней».

— Приступим прямо на этой неделе, — сказал Вьерстерод. — К воскресенью вы подготовите статью, опровергающую все написанное вами до этого за неимением фактических доказательств. Это позволит отчасти восстановить положение дел, создавшееся до начала вашего вмешательства.

— Хорошо. — Я осторожно дотронулся до правого плеча. Вьерстерод взглянул на меня и кивнул.

— Вам это надолго запомнится, — рассудительно вымолвил он. — В утешение могу сказать, что многие из тех, что перебежали мне дорогу, ныне покойники. Вы принесете больше пользы живым, если будете писать, что прикажут. Тогда и жена ваша будет цела и невредима, и моему шоферу не придется возиться с вами.

Его шофер — не знаю только, понимал он это или нет, — был лишь бледной тенью ребят Бостона. Теперь, вопреки всем страхам, мне казалось, что те, с кастетами, были куда опаснее. Для Росса его работенка была ремеслом, давно надоевшим и утомительным делом. Ни сломанных ребер, ни разбитости в теле. На этот раз я даже мог передвигаться.

Вьерстерод сохранял невозмутимость.

— Странно, что вас так печалит участь мужа, после того как он позволил себе переспать с цветной девкой.

Она закусила губу и отвернулась. Он уставился на меня немигающим взглядом.

— Так вы ей все рассказали?

Отвечать было бессмысленно. Если бы тогда, во вторник, я сказал ему, где Тиддли Пом, то избавил бы себя от стольких страданий и тревожений. Мне не пришлось бы рассказывать Элизабет о Гейл. Я уберег бы ее от всего этого кошмара. В памяти

всплыли последние слова Берта Чехова: «Именно самые стойкие попадают в худшие переделки... Они не понимают, когда надо остановиться».

Боль в спине разливалась по всему телу. Я смертельно устал сидеть на этой проклятой табуретке. Пусть миссис Вудворд ее заберет — не желаю больше видеть ее у себя дома.

— Дайте ему выпить, — сказал Вьерстерод Россу.

Тот подошел к столику, где стоял поднос с бутылкой виски, двумя стаканами и малверской водой. Он отвинтил крышку, взял стакан и вылил в него все содержимое, почти половину бутылки. Вьерстерод кивнул:

— Пейте.

Росс подал мне стакан. Я сидел неподвижно, уставясь на него расширенными глазами.

— Ну! — сказал Вьерстерод. — Пейте.

Я мотнул головой. Он подвинул ногу к розетке.

Я поднес стакан ко рту и отпил глоток. Прыгай через горящий обруч, раз велят!

— Все до дна, — произнес он. — И быстро.

Почти целые сутки во рту у меня не было ни крошки. Несмотря на всю свою выносливость, мысль о том, что мне предстоит выпить целый стакан спиртного на пустой желудок, вовсе не казалась забавной. Но выбора не было. Ненавидя Вьерстерода всеми фибрами души, я осушил стакан до дна.

— Похоже, урок пошел ему на пользу, — заметил Росс.

Глава 14

Минут пятнадцать они простояли молча, наблюдая за мной. Наконец Вьерстерод приказал:

— Встать! — Я встал.

— Повернитесь кругом.

Я повернулся и едва устоял на ногах. Вьерстерод удовлетворенно кивнул.

— Ну вот, пожалуй, и все на сегодня, мистер Тайрон. Постарайтесь, чтобы мне понравилась воскресная статья. Для вас будет лучше. В ваших же интересах.

Я кивнул. И напрасно. Страшно закружилась голова. Я едва не потерял сознание. Виски всасывалось в кровь с ужасающей быстротой. Не произнося больше ни слова, Росс и Вьерстерод вышли из комнаты. Как только за ними захлопнулась входная дверь, я, пошатываясь, побрел на кухню. Элизабет окликнула меня, но я не мог тратить время на объяснения. Схватил с полки банку с солью, насыпал в стакан добрых два дюйма и добавил столько же воды.

Размешал пальцем. Искать ложку некогда — дорога каждая секунда. Отпил глоток. Семь морей и океанов слились в одно — вот на что это было похоже по вкусу. Жгло горло. С трудом удалось осилить еще глоток. Я давился этой смесью, пока она наконец не сделала свое дело и не начала выходить обратно, унося с собой остатки виски.

Стоя над раковиной, я содрогался от рвоты. Действие алкоголя, как и следовало ожидать, начало сказываться быстро. Помутнение сознания, нарушенная координация. И никакого противоядия, за исключением времени.

* * *

Время... Прошло, наверное, минут двадцать, как я выпил эту гадость, но иначе через десять минут я был бы мертвецки пьян.

Не знаю, зачем Вьерстерод заставил меня пить — с каким-то дальним прицелом или просто из подлости. Но все это ужасно осложняло мои планы.

Прополоскал рот чистой водой и выпрямился. Застонал — боль в спине напомнила, что мне досталось не только от виски. Пошел в комнату к Элизабет, сосредоточенно стараясь не врезаться в стенку или дверной косяк. Снял телефонную трубку. В памяти провал. Не мог вспомнить номер. Вспомнил. Подошел Уилли Ондрой.

— Уилли, — сказал я, — срочно уברי Тиддли Пома из шестьдесят восьмого бокса. Опять возникла опасность. Подними всех сторожей и пересели его куда-нибудь. У шестьдесят восьмого надо поставить охрану. Посмотрим, может, удастся застукать кого-нибудь из них на месте преступления.

— Тай, я все понял.

— Не сумел остановить их, Уилли. Прости меня.

— Не беспокойся. Их никто не подпустит на пушечный выстрел, беру это на себя. Теперь я тоже считаю, что крайне важно сохранить Тиддли Пома целым и невредимым до скачек.

— Они настроены очень решительно.

— Я тоже.

Я опустил трубку на рычаг. Уверенный тон Уилли успокоил меня. Но тут я заметил испуганные глаза Элизабет.

— Тай, — слабо прошептала она, — что ты делаешь?

Я присел на ручку кресла. Я чувствовал себя отвратительно. Избитый, больной, пьяный.

— Слушай, детка, — сказал я, — слушай меня внимательно. Я не в силах повторять дважды. Нельзя повернуть события вспять — к тому времени, как я начал писать эти статьи.

— Но ты же обещал ему, что будешь работать на него... — растерянно перебила она.

— Да, знаю. Так вышло, но писать я не буду. Я уже сообщил о нем властям. И этого не испра-

вить. Да я и не хочу. Этот человек — отъявленный мерзавец, его надо остановить.

— Пусть кто-нибудь другой займется этим.

— Это прямой путь к угнетению.

— Но почему именно ты? — Вопрос по существу.

— Не знаю, должен же кто-то...

— Но ведь ты поддался... позволил ему... — Она смотрела на меня широко раскрытыми испуганными глазами, осознав внезапно, чем все это грозит. — Но ведь они вернутся...

— Да, когда узнают, что Тиддли Пома перевели в другое стойло и конюшня кишит охранниками. Догадаются, что это я предупредил их, и вернутся. Поэтому я забираю тебя отсюда. Сейчас же. Сию же минуту.

— Сейчас? Ты это серьезно?

— Вполне.

— Но Тай... а виски... Может, лучше подождать до утра?

Я покачал головой. Комната поплыла перед глазами. Я ухватился за стул, постоял минуту. Утром будет еще хуже. Кроме того, откладывать на утро рискованно: расстояние до Хитбери-парк и обратно на «Роллсе» можно проехать часа за три, а то и меньше.

— Позвони Сью Дэвис, узнай, может ли Рон прийти помочь. Я иду вниз, приготовлю машину, хорошо?

— Я не хочу ехать.

Я понимал почему. Она была связана с жизнью такой хрупкой нитью, что даже запланированная дневная поездка за город вызывала у нее страх и неуверенность. И это спешное бегство в ночь казалось ей крайне опасным предприятием. Куда как спокойнее оставаться дома, в привычном теплом мире.

— Мы должны ехать, — сказал я. — Непременно должны.

Встал и направился к двери, изо всех сил стараясь идти по прямой. Довольно успешно справился с этой задачей. Теперь вниз, по лестнице. Открыл гараж, завел мотор и вывел фургон на площадку перед домом. В гараже стояли запасные батареи для насоса. Я втащил их в фургон и разместил на полу. Стоило наклониться, как начинала страшно кружиться голова. Я начал опасаться, что мне не удастся сохранить ясность рассудка. Слишком уж много виски. Слишком много всего...

Вернулся в дом. Элизабет прижимала трубку к уху, глаза испуганные.

— Никто не отвечает. Наверное, пошли куда-нибудь.

Я шепотом чертыхнулся. И в обычных-то обстоятельствах непросто одному справиться с этим делом, а в таких и подавно...

Я взял трубку, нажал на рычаг и набрал номер Антонио Перелли. О радость и облегчение!.. Он ответил.

— Тонио, вы могли бы позвонить в частную лечебницу и предупредить, что я привезу Элизабет?

— Когда? Сейчас, сегодня?

— Да, сейчас, и чем скорее, тем лучше.

— Что, бронхиальная инфекция? — Голос в трубке звучал деловито и живо, готовый успокаивать, убеждать, немедленно прийти на помощь.

— Нет, с ней все в порядке. Опасность другого рода. Объясню потом. Послушайте... а не могли бы вы на время оставить больных, приехать и немного помочь мне?

— Нет, Тай, сейчас не могу. Она ведь здорова.

— Но это тоже в своем роде вопрос жизни и смерти, — с дерзостью проговорил я.

— Действительно не могу. Тай. Жду очередного пациента.

— А-а, вот как... Что ж, тогда просто позвоните в лечебницу, ладно?

— Непременно. И потом... вот что... э-э... может, по пути заедете ко мне? Обещаете? Крюк не такой уж большой. Просто я хочу убедиться, что с ней все в порядке. Оставлю своего пациента на несколько минут, выйду к машине. Взгляну на нее. Хорошо?

— О'кей, — сказал я. — Спасибо, Тонио. Мне...

— Я сожалею...

— Ничего, Тонио, не берите в голову.

— До встречи.

Я опустил трубку, и комната вновь завертелась у меня перед глазами. Уцепился за спинку кровати, чтобы удержать равновесие. Посмотрел на часы. Никак не мог сосредоточиться. Цифры и стрелки на циферблате сливались в неясное пятно. Заставил себя всмотреться, сконцентрировать внимание. Цифры и стрелки проступили четко и ясно. Десять тридцать семь. Впрочем, какое это имеет значение?..

Еще три путешествия вниз и вверх по лестнице. Поправка: пять. Снял со своей постели подушки и одеяла, свернул в узел и отнес вниз, в фургон. Готовя раскладную кровать для Элизабет, ощутил непреодолимое желание улечься на нее самому и спать, спать... Вместо этого снова потащился наверх по ступенькам.

«Смешно, — подумал я. — Просто смешно, что я еще пытаюсь делать что-то в таком состоянии».

Надо спать... Подождать до утра. Лечь спать. Спать...

Если я усну, то буду спать много часов. И просплю все на свете, и грозящую нам опасность. Слишком дорого нам обойдется...

Надо выходить из этого состояния. Если двигаться медленно и осторожно, то мир перестанет вращаться колесом. Если думать не торопясь, то соображать я вполне могу. Правда, теперь нарушилась связь между мыслями и речью. Но хотя слова выходили невнятными и исковерканными, я вполне понимал, что именно хочу сказать.

— Детка, — обратился я к Элизабет, — сперва я отнесу вниз насос. Потом тебя и «Шира»... «Спира»...

— Ты же совсем пьяный, — произнесла она.

— Неудивительно, — согласился я. — А теперь слушай, милая. Ты немножко должна подышать самостоятельно. Ты знаешь, это не так уж трудно... — Она делала это каждый день, когда миссис Вудворд обмывала ее в постели.

— Тай, а вдруг ты уронишь насос?..

— Не уроню. Я ни... не уроню... насос.

Насос у нас был один. Заменить нечем. Мы вечно жили под страхом, что в один прекрасный день этот сам по себе несложный механизм вдруг откажет. Отыскать запчасти было практически невозможно, поскольку респираторные аппараты не принадлежали к числу доходных предметов производства.

Во время ремонта насоса миссис Вудворд и я вручную приводили в движение мехи, и все это делалось на дому. Минимум па час изнурительной работы. Если я уроню насос или сломаю мехи, будущее Элизабет можно отмерить с точностью до секунды.

Четыре минуты.

— Давай-ка лучше, — сказал я, — соберем сперва твои вещи. Чистую ночную рубашку... например.

— А надолго... на сколько мы уезжаем? — Она изо всех сил старалась скрыть звучащий в голосе

страх, показать, как разумно и спокойно относится к этому внезапному бегству. Я восхищался ею, одобрял и любил ее, хотел приободрить и сделать все возможное, только бы она была жива и здорова.

Надолго ли? Я не знал. Пока Вьерстерода не арестуют или не вышлют из страны. Даже и тогда будет лучше подыскать другую квартиру.

— На несколько дней.

Я взял чемодан, сосредоточенно пытаюсь сообразить, что надо взять. Она стала перечислять предмет за предметом, понимая, что думать сейчас я не способен.

— Туалетные принадлежности. Щетка для волос. Косметика. Носки. Грелка. Кофта. Таблетки... — Она с тоской взглянула на «Опоссум» и прочие приспособления.

— Я скоро приеду... скоро вернусь и заберу все это, — обещал я. — И не один. Прихвачу кого-нибудь на всякий случай.

— Тебе тоже нужно захватить свои вещи, — сказала она.

— Разве? — Я покосился на нее. — Да...

Схватил зубную щетку, расческу, электробритву. Спать буду в фургоне, прямо в одежде, на раскладушке. Пожалуй, стоит захватить еще чистую рубашку. И свитер. Без остального обойдусь. Запихнул в чемодан. Со сборами все.

— Как ты думаешь, может, оставить записку для миссис Вудворд? — спросила Элизабет. — Она с ума сойдет от беспокойства, если не застанет нас утром.

Записка для миссис Вудворд... Сперва найти клочок бумаги. Шариковая ручка?.. У меня в кармане. Записка: *«Уехали на несколько дней. Скоро напишем вам»*. Не думаю, что, прочтя это, она станет меньше беспокоиться. Но ничто другое на ум не шло. Буквы тоже шатались, как пьяные.

— Вот, готово, — сказал я.

Сборы позволили оттянуть момент, которого мы оба так страшились. Я взглянул на насос. Он был заключен в металлический корпус размером с постельную тумбочку с двумя ручками по бокам. Вдвоем справиться с ним легко, как и с любым большим и тяжелым ящиком, но одному непросто. Правда, и раньше мне приходилось управляться с ним в одиночку. Но не в нынешнем состоянии. Решил приподнять его, попробовать, что выйдет.

Попробовал.

Еле слышным голосом Элизабет пробормотала:

— Ты не сможешь... Тай.

— Нет, ничего... полный порядок.

— Но не после же... Я хочу сказать, тебе ведь больно.

— Прелесть пьянства, — медленно произнес я, — заключается в том, что не чувствуешь боли, а даже если и чувствуешь, то тебе наплевать.

— Что ты говоришь?

— Действовать надо, болеть будем потом.

Откинув одеяла, я начал неуклюже расстегивать пряжку, на которой крепился «Спирашелл». Так дело не пойдет, это очевидно. Мне никогда не перенести ее за четыре минуты. Сделал паузу, стараясь побороть головокружение. Когда-то в молодости я забавлялся разными дурацкими играми, пытаюсь преодолеть воздействие алкоголя. Я знал, что, даже если крепко выпить, а потом как следует сосредоточиться, можно вполне справиться с любой задачей не хуже, чем в трезвом виде. Только на сей раз это не игра. Сейчас это всерьез.

Снова принялся за пряжку, стараясь свести работу к набору простых последовательных действий. Она легко расстегнулась. Я снял «Спирашелл» с груди Элизабет и сдвинул ей на колени, где он

лежал теперь, посвистывая и обдавая простыни сквозняком.

Выключил его из сети — вытащил кабель из штепселя. Свернул клубком и поместил в специальный зажим. Отсоединил гибкий шланг, ведущий к «Спирашеллу».

Так, с этим все. Потащил насос по полу. Открыл дверь. Пересек небольшую прихожую. Вниз шли ступени. Сохраняя равновесие, оперся рукой о стену, потом развернулся спиной к лестнице.

Ступенька за ступенькой, шаг за шагом. Одна нога вниз, сдвинуть насос еще на одну ступеньку. Уравновесить. Другая нога вниз. Снова сдвинуть насос...

Обычно в отсутствие Рона, Сью или миссис Вудворд я просто тащил его на себе. На этот раз не выйдет. Я могу свалиться. На секунду прислонился к стене. Одна нога вниз, сдвинуть, уравновесить... Он стоит на самом краю ступеньки. Только два задних колесика касались ее, передние повисли в воздухе. Стоит ему упасть, и он собьет меня с ног, и мы вместе покатаемся вниз...

Быстрее... Четыре минуты. Где-то на полдороге меня охватила паника — показалось, что четыре минуты уже прошло, что, пока я вожусь здесь на лестнице, Элизабет умирает, что я никогда, никогда не спущусь с этой проклятой лестницы.

Шаг за шагом, осторожно, сосредоточиваясь на каждом движении, я наконец очутился внизу. Протащил насос через холл, приподнял, чтобы перенести через порог на улицу. Подкатил насос к фургону.

Теперь самое сложное. Нижний край кузова находился от земли на фут. Я влез в фургон, лег на пол, ухватился за ручки и стал тянуть насос вверх, на себя. Казалось, еще мгновение — и меня разорвет на части, как привязанного между двумя дере-

вьями — старинная китайская пытка... Насос поднялся, пролез в дверь, оказался в фургоне. Перед глазами бешено вращались разноцветные круги. Я задел за край носилок, держа насос за одну ручку. Он перевернулся, упал набок, со звоном вылетело стекло датчика, отмеривающего давление и число вдохов в минуту.

Хватая ртом воздух, чувствуя, что погружаюсь во мрак отчаяния, я склонился над ящиком и поставил его на колесики. Задвинул в угол. Закрепил на ремнях. Затолкал под колесики клинья, удерживающие его на месте. Подсоединил кабель к батареям. Сам себе не веря, что мог провести всю эту работу, потратил еще несколько секунд, проверяя, все ли на месте.

А если он не включится? Что, если осколки стекла попали внутрь и повредили мехи?.. Нет, обо всем этом даже подумать страшно, будем надеяться, что все в порядке.

Теперь навверх. Как легко подниматься по лестнице без насоса! Споткнулся где-то на полпути, упал на колени. Темными, расширенными от ужаса глазами Элизабет, казалось, смотрела в лицо самой смерти. Когда ей приходилось дышать без аппарата, ни сил, ни дыхания на разговоры уже не хватало, но на этот раз она хрипло вымолвила отчаянное:

— Скорей...

Я приподнял ее, подсунул одну руку под колени, другой обхватил плечи и прижал ее к себе, чтобы она могла положить голову мне на плечо, — так носят детей.

Она была легка как перышко и все-таки не невесома. Заметив, как исказилось мое лицо, она застонала.

— Тише, — прошептал я ей на ухо. — Ты только дыши.

Начал спускаться вниз, прислоняясь спиной к стене, осторожно, шаг за шагом. Только бы не упасть. Похоже, что старина виски проиграет эту партию.

Подъем в фургон оказался настоящим кошмаром. Не обошлось и без китайских деревьев. Наконец я осторожно опустил ее на носилки. Остался еще «Спирашелл». Снова полез вверх по лестнице. Все это напоминало восхождение по эскалатору, идущему вниз, бессмысленное и бесконечное, с уходящими из-под ног ступеньками. Поднял «Спирашелл». Самая легкая из нош. Едва не впал в отчаяние, когда на лестнице вдруг наступил на шестигранную соединительную трубку. Взобрался в фургон и резко, всей тяжестью, свалил аппарат ей на колени.

Элизабет задыхалась, жилы на шее вздулись, словно веревки, рот искажен в бесплодном усилии поймать хотя бы глоток воздуха.

Никак не удавалось подсоединить трубку к насосу. Я ругался, потел, почти плакал. Сделал медленный глубокий вдох, поборол панику, попробовал снова. Мудреная двухсторонняя гайка скользнула наконец на резьбу, укрепилась, и я плотно привинтил ее. Нажал на кнопку — контакт насоса с батареей. Момент истины!

Мехи медленно раздулись и опали. Элизабет испустила еле слышный вздох облегчения. Я осторожно сдвинул «Спирашелл» ей на грудь, просунул ремешки под спину. Никак не удавалось застегнуть проклятую пряжку — так сильно дрожали пальцы. Встав на колени рядом с носилками, я плотно прижал «Спирашелл» к ее телу. Он слегка приподнял ее грудную клетку и опустил, снова приподнял и опустил, наполняя легкие воздухом. Искаженные страхом черты лица разгладились, на щеках появился слабый румянец.

Шестнадцать животворных вдохов, и я снова принялся за застезку. Она поддалась только на третий раз. Я сидел на полу, упершись локтями в согнутые колени и обхватив руками голову. Закрыл глаза. Перед ними вновь завертелся бешеный вихрь.

Ее слабый голос произнес с деланным спокойствием:

— Ты не в состоянии вести машину. Тай...

— Надо попробовать. Там видно будет.

— Подожди немного. Подожди, пока тебе не станет лучше.

Лучше не станет еще долго. Тяжелый, неповоротливый язык с трудом выталкивал слова. Какая-то ужасная каша... Я открыл глаза и сосредоточенно уставился на пол. Тошнотворное головокружение постепенно прошло. Почти прошло, до приемлемой степени. Я начал соображать, что делать дальше.

— Надо принести чано... чемоданы.

— Подожди, Тай. Передохни немного.

Она никак не могла понять, что передышка здесь не поможет. Станет только хуже. Я вообще засну, если не буду двигаться. Стоило просто подумать об этом, и меня охватила незаметно подкрашшаяся вялость, я почувствовал непреодолимое искушение лечь и закрыть глаза. Уснуть... Спать мертвым сном...

Я вылез из фургона, постоял немного, опершись о дверцу, пытаюсь обрести равновесие.

— Я ненадолго. Скоро вернусь, — сказал я. Надолго нельзя. Нельзя оставлять ее одну. Мало ли что.

Координация движений полностью нарушена. Лестница оказалась еще неприступней, чем прежде. Без всякой на то необходимости я слишком высоко задираю ноги и, опуская их на ступеньки, то и

дело промахивался. Спотыкаясь и задевая о стены поднялся наконец наверх.

Приколол записку для миссис Вудворд на видное место. Сунул под мышку грелку для Элизабет, подхватил чемоданы и потащил их к двери, выключил свет и вышел. Начал спускаться и вдруг все уронил. Что ж, по крайней мере отпала необходимость тащить их самому. Чтобы не последовать примеру чемоданов, я присел и завершил путешествие, съезжая по ступенькам, как с горки. Подобрал внизу грелку и отнес Элизабет.

— Я думала... Ты что, упал? — В голосе ее снова звучала тревога.

— Уронил чемоданы. — Я глухо хихикнул. — Ничего, п-порядок! — Уронил чемоданы, но не насос, не Элизабет... Что, съел, старый черт алкоголь?

Я принес чемоданы и поставил в фургон. Закрыл двери. Пошатываясь, обошел машину и забрался на водительское место. Посиди немного, сосредоточься, постарайся отрезветь. Игра еще не проиграна.

Повернулся и посмотрел на Элизабет. Она лежала с закрытыми глазами, откинувшись на подушки. Думаю, что она дошла до того состояния, когда страх и нервное напряжение становятся слишком уж непосильной ношей, и человек, полностью предавшись отчаянию и потеряв всякую надежду, испытывает даже своего рода облегчение. Рано еще сдаваться, сейчас все зависит от меня.

Смотри вперед. Делай все по порядку, не спеши. Выключил свет внутри фургона. Сразу стало страшно темно. Включил опять. Не слишком удачное начало. Попробуем еще раз.

Включил боковые фары. Вот так, уже лучше.

Проверим, сколько осталось бензина. Совсем мало после поездки в Беркшир, но на пять миль

хватит. Включил зажигание. Погасил свет внутри фургона.

Автоматически нашел коробку передач и снял с ручного тормоза. Фургон тронулся. Как просто!

У выезда на улицу остановился — тут надо поаккуратнее. На тротуаре ни души, никто не намеревался броситься мне под колеса. Повернул голову влево, потом вправо, проверяя, нет ли машин. Фонари, освещавшие улицу, закружились и поплыли перед глазами. К счастью, кроме них, ни одного движущегося предмета. Выехал на улицу. Прибавил скорость.

В каком-то уголке пропитанного алкоголем сознания мне чудом удалось сохранить трезвость и ледяное хладнокровие. Я понимал, что ехать слишком медленно опасно и равносильно бесцельному хождению по проезжей части. При слишком быстрой езде я не успею затормозить. Реакция почти нулевая.

Держи голову неподвижно и не своди глаз с дороги, тогда обойдется. Впиваясь глазами в дорогу, я старался вовремя заметить пешеходную дорожку, стоявшие у обочины автомобили, огни светофора. Поле зрения сузилось, как у человека, глядящего через свернутый в трубочку лист бумаги. Изображение по бокам сливалось в сплошное темно-синее мерцающее пятно.

Плавно затормозил на красный свет. Здорово! Молодец... Загорелся зеленый. Внезапно в животе у меня похолодело. Я забыл, куда ехать дальше. А ведь знал дорогу как свои пять пальцев! Водитель автомобиля, стоявшего позади нас, замигал фарами. Вспомнилась старая шутка. Что такое доля секунды? Это отрезок времени, который проходит между тем, как загорится зеленый свет, и тем, как водитель задней машины начнет сигналить или мигать фарами. Однако нельзя же торчать здесь

без движения! Проехал прямо, понимая, что если сбился с пути и заблудился, то все пропало, мы погибли.

И спросить никого не спросишь — еще отправят в полицию, а там... Стоитдохнуть в алкометр, и все кристаллы почернеют.

Ярдов через десять после перекрестка вспомнил дорогу на Уэлбек-стрит. Ехал я правильно. Да здравствует память! Гип-гип-ура! Что за черт, откуда вывернулось это такси?

Следует запретить делать такие повороты под носом у пьяного водителя.

Вообще слишком большое движение... Откуда-то из боковых улиц выплывают машины, словно блестящие, наполовину невидимые рыбы с желтыми глазами. Машины с оранжевыми фарами, слепящими, как солнце. Автобусы, резко сворачивающие к обочине и тормозящие за шесть футов до остановки. Люди, перебегающие улицу в неполюженном месте, экономящие секунду и рискующие потерять жизнь.

Как совладать со всем этим?.. Не врезаться, не разбиться. Побороть дурман, застилающий мозг... Остановить кружение и мелькание в глазах, твердо придерживаясь положенных двадцати миль в час. Никого не убить по дороге. Самому доехать живым.

Пристегните ремни! Лондон приветствует осторожных водителей!

Ни за что не согласился бы пережить все это снова. Помимо страшного физического напряжения, которого стоил мне неустанный контроль над каждым движением тела, я постоянно подавлял безрассудный порыв плюнуть на все меры предосторожности. Настойчивый внутренний голос словно подталкивал: «А ну крути как следует баранку, давай жми, здесь прекрасно можно срезать поворот!» — а

второй, еле слышный, твердил: «Осторожно, осторожно, осторожно...».

Верх одержала осторожность. Правда, когда я был у Тонио последний раз, мне казалось, что Уэлбек-стрит находится гораздо ближе к нашему дому.

Глава 15

Тонио, должно быть, давно поджидал нас, так как, не успев я вылезти из кабины, дверь дома распахнулась, и он появился на улице. Правда, выбраться из машины удалось не сразу: волны неоторимой дурноты захлестнули меня, как только я затормозил. Преодолеть это состояние не удавалось. В конце концов я все-таки оказался на земле, скрестил ноги и облокотился о крыло фургона.

Он смотрел на меня и глазам своим не верил.

— Вы пьяны...

— Что правда, то правда.

— Где Элизабет? — с тревогой спросил он.

Я кивнул в сторону фургона. Лучше было этого не делать. Повис, уцепившись за боковое зеркало. Еще арестуют за вождение в нетрезвом виде, пусть даже сейчас я стою на тротуаре...

— Тай, — сказал Тонио, — ради Бога, дружище! Возьмите себя в руки.

— Попробуй тут возьми, — ответил я. — Ни черта не получается.

Он окинул меня испепеляющим взглядом и поспешно распахнул двери фургона. Я слышал, как там, внутри, они переговариваются с Элизабет. Я стоял, вцепившись в крыло из последних сил, стараясь не соскользнуть в сточную канаву. Издали заметил, как на углу из такси вышел человек в плаще, пересек улицу и вошел в телефонную будку.

Такси осталось ждать. Я знал, что вести машину дальше не смогу, надо попросить Тонио или кого-нибудь еще. Теперь я понял, что сохранять трезвость усилием воли мне больше не под силу. Невозможно... Проклятый вражина алкоголь умеет подкрасться как раз в тот момент, когда ты думаешь, что одолел его.

Рядом снова появился Тонио.

— Сядьте в кабину, рядом со мной, — сказал он. — Отдайте мне ключи. В случае, если нас оставят, вы ни при чем. Я сам отвезу вас в больницу. Правда, придется подождать минут десять — там, в доме, ждет пациент, ему надо выписать рецепт... Вы хоть слово поняли из того, что я сказал?

— Большую часть.

— Тогда полезайте. — Он распахнул двери и подхватил меня под руку. — Если понадобится Элизабет, посигнальте.

— Хорошо.

Я влез на сиденье, устроился пониже и поудобнее и откинулся головой на спинку. Подкрававшаяся дремота постепенно сковывала меня.

— Ты как там, в порядке? — спросил я Элизабет. Ее голова находилась у меня за спиной. Я слышал, как она пробормотала:

— Да.

Насос ритмично гудел, усугубляя сонливость. Чувство напряжения и страха исчезло. Тонио нас отвезет... Элизабет в безопасности. Веки перестали сопротивляться. Я словно провалился в колодец, в круговорот тьмы без конца и края. Не такое уж противное ощущение, если не пытаться преодолеть себя...

Тонио отворил дверцу и потряс меня за плечо.

— Вот, выпейте. — Кофейник, полный кофе, черного и сладкого. — Вернусь через минуту.

Он вернулся в дом, подперев калитку тяжелым брусом из сварного железа в виде Пизанской

башни. Кофе был слишком горячим. С преувеличенной осторожностью я опустил кофейник на пол. Выпрямился, мечтая, чтобы боль, давящая на спину и плечи, исчезла. Правда, чувствовалась она не столь остро благодаря самому испытанному из обезболивающих средств.

Только раз в жизни я так же страшно напился. Но это произошло не тогда, когда в больнице мне сообщили, что Элизабет умрет, а через четыре дня, когда я узнал, что она будет жить. Я пропустил несчетное число стаканчиков с двойным виски, при этом надо еще учесть, что целую неделю я почти ничего не ел. Как странно сейчас даже вспоминать то исступленное ощущение счастья, в котором я пребывал в ту ночь, не подозревая еще, что это не конец мучений, а лишь начало, начало долгих лет страданий, борьбы и потерь...

Я сидел, тупо уставившись в боковое зеркало. Если проста... черт!... постараться... как следует, вполне можно рассмотреть, что там отражается... Бессмысленная игра. Меня просто бесило, что я не в состоянии четко и ясно различать предметы. Упрямо вглядываясь в зеркало, я ждал, пока взгляд не сфокусируется и изображение не обретет четкость. Наконец с неленой торжествующей улыбкой я отметил, что превосходно вижу все происходящее на улице. Ничего особенного. Ничего, достойного внимания. Дурацкое старое такси стоит у обочины. Дурацкий человек в плаще влезает в это такси.

В плаще...

Плащ!

В сонном мозгу прозвучал смутный сигнал тревоги. Я открыл дверцу и неловко выбрался из кабины на тротуар, опрокинув по дороге кофейник. Привалившись к стенке фургона, глянул в сторону такси. Оно стояло на том же месте, у

телефонной будки. Откуда звонил кому-то человек в плаще.

Говорят, что внезапное потрясение или несчастье отрезвляет, но я этого не заметил. Пошатываясь, пересек тротуар и поднялся на крыльцо дома Тонио. Совершенно забыл про автомобильный сигнал. Заколотил в дверь кулаками, громко взывая к Тонио. Он тотчас же появился на лестнице, ведущей в кабинет и квартиру на втором этаже.

— Перестаньте, Тай, — сказал он. — Я уже скоро.

— Нам... нас преследуют... Это опасно.

«Он ничего не понимает, — в замешательстве подумал я. — Не знает, о чем идет речь. Но как объяснить?»

Элизабет, должно быть, успела рассказать ему главное.

— Вот как? Понятно. Спустишь к вам через минуту. — Он исчез, а я, неуклюже развернувшись, снова посмотрел в ту сторону.

Такси на том же месте. Огонек погашен: машина занята. Ждет. Ждет, чтобы сообщить Вьерстероду, куда мы поехали.

Я весь затрясся от бессильной злобы. Значит, Вьерстерод не поверил, что дубинка Росса и угрозы в адрес Элизабет помогут хоть на время добиться от меня послушания. «Плащ» был оставлен для наблюдения. На всякий случай. И я не заметил его. Был пьян и ничего не заметил. А он тут как тут. Повис на «хвосте». «Ну погоди, — в бешенстве подумал я, — уж я тебя проучу, проучу как следует!»

По лестнице в сопровождении Тонио спускался худенький, сторбленный старичок. Я отчетливо слышал, как натужно, со свистом ловит он воздух открытым ртом. Они медленно сошли вниз. Поддерживая под руку, Тонио провел его мимо

меня, помог переступить через порог и вывел на тротуар.

Из «Ровера», стоявшего за нашим фургоном, вышла почти такая же пожилая женщина. Тони передал ей старика, помог усадить его в машину и подошел ко мне.

— Предпочитают ездить ночью, — объяснил он, — когда на улицах меньше выхлопных газов и легче найти место, где поставить машину.

— Лорд Фор... Фор... как там его, — пробормотал я.

— Фолингэм, — кивнул Тони. — Вы его знаете?

— Видел на скачках. Несчастный старик! — Я повернул голову. — Видите такси?

— Да.

— Они преследуют нас.

— Так...

— Вот что, вы сами отвезете Элизабет в лечебницу. А я задержу их. Знаете, как трудно ловить такси, когда дождь как из ведра... — Я хихикнул.

— Подождите, пойду надену пальто. — На нем был обычный медицинский халат, но даже в этом одеянии он выглядел юным и ослепительно красивым, как какая-нибудь звезда поп-эстрады. — Подождите еще немного.

Я сделал размашистый жест рукой.

— Такси! — произнес я тоном гуляки-полуночника. — Такси нас ждет!

Он пошел переодеваться. Я слышал равномерное глухое постукивание насоса. Элизабет... Может, надо пойти и успокоить ее? «Нет, — решил я. — В моем нынешнем состоянии от этого вряд ли будет толк».

Фолингэмы уехали. Такси осталось ждать.

Сперва я подумал, что мне мерещится, что я увидел нечто вроде розового слона на улице. Нет,

только не здесь! Здесь их не может быть. И все-таки это не галлюцинация. Из-за угла, плавно срезав поворот и мягко притормозив у обочины, выехал «Силвер Рейт», собственность фирмы «Машины Лукулла». «Плащ» вылез из такси, подошел к «Роллсу» доложить. Минуты через две он вернулся к машине, сел и уехал.

Тонио быстро сбежал по лестнице, вместо пальто на нем был черный свитер.

— Ну поехали!

Я неуклюже опустил руку ему на плечо.

— Визи... я говорю, видите «Роллс» — там, где стояло такси?

— Да.

— В нем, — стараясь отчетливо выговаривать слова, продолжал я, — сидит «человек, который сказал, что... убьет Элизабет... если я не сделаю, что... он требует... Вот, может, правда... а может, и нет... Но нельзя рисковать... нельзя. Увезите ее... Увезите отсюда... Я не дам... я задержу их!

— Как? — спокойно спросил Тонио.

Я посмотрел на подпорку в виде Пизанской башни.

— Вот этим.

— Очень тяжелая штука, — возразил он.

— Ради Бога, только не спорьте со мной, — слабым голосом проговорил я. — Надо увезти ее туда, где вас не найдут. Прошу... ну, прошу вас... давайте, двигайтесь, Тонио. Только ведите машину осторожно...

Он помедлил, но в конце концов начал проявлять признаки активности.

— Только помните, — серьезным тоном произнес он, — что Элизабет больше пользы от вас живого.

— Д-д-допустим...

— Дайте мне ваш пиджак, — внезапно попросил он. — Пусть думают, что это вы сидите в фургоне.

Я покорно стащил пиджак, и Тонио надел его. Он был меньше ростом и стройнее, пиджак болтался на нем как на вешалке. Но волосы, такие же темные, как у меня, могли ввести их в заблуждение. Копируя мою пьяную походку, Тонио, пошатываясь, обошел фургон сзади и забрался в кабину.

Я расхохотался. Мне было море по колено.

Он завел мотор и медленно отъехал. Я видел, какой артистичный зигзаг выписал он посередине улицы. Все-таки жутко сообразительный парень этот Тонио Перелли!

«Силвер Рейт» тоже тронулся с места. «Их надо остановить, — тупо твердил я про себя. — Остановить. Не дать разрушить нашу жизнь и жизни других людей. Должен же кто-то, хоть кто-нибудь остановить их, в конце концов! Здесь, на Уэлбек-стрит, с помощью дверной подпорки».

Как помешанный я не мог думать ни о чем другом. Я должен их остановить...

Наклонился и поднял «падающую башню» за два верхних «этажа». Как и предупреждал Тонио, она оказалась страшно тяжелой. Такой тяжелой — прямо руки обрывались. Завтра все это скажется на мне в полной мере. Что да, то да. Но если я поставлю ее обратно... или промахнусь, то завтра будет еще ужаснее.

Медленно следуя за фургоном, «Роллс» приближался ко мне. Будь я хоть чуточку трезвее, я успел бы подготовиться как следует. Не рассчитал, он проезжает мимо!

Сошел со ступеньки. Только бы не упасть... Пересек тротуар... Скорее. Держась за железную «башню» обеими руками, раскрутил ее, словно ме-

татель молота, и забыл выпустить из рук. Под действием веса и инерции меня протащило следом за ней несколько ярдов. И хотя в последний момент Росс заметил неладное и попытался свернуть, тяжелая металлическая болванка врезалась именно туда, куда я метил. Пьяным везет! Прямо в центр ветрового стекла!

Стекло треснуло, по нему с хрустом разбегалась лучистая звезда.

Серебристые трещины мешали обзору. Огромная машина резко вильнула к середине дороги. Росс нажал на тормоза, и ее отшвырнуло к обочине. Визг шин, скрежещущий толчок... «Роллс» резко остановился под углом к тротуару, его длинный капот выдвинулся до середины улицы, привлекая внимание полиции. Однако полиции на месте не оказалось. Очень жаль! Я был бы ничуть не против, если бы меня замели за появление в нетрезвом виде и нарушение спокойствия граждан и общественного порядка...

Я отпрянул от гладкого бока машины и как подкошенный рухнул на асфальт. «Роллс» остановлен, и это самое главное. Дело сделано... Сквозь туман, застилавший мозги, не пробивалась ни одна сколько-нибудь здравая мысль о самосохранении. Я совсем забыл, что в нескольких ярдах от меня осталась распахнутой массивная дверь в квартиру Тонию. Ноги были как ватные. Уэлбек-стрит завертелась колесом и, похоже, вовсе не собиралась останавливаться.

Меня поднял Росс. Росс со своей дубинкой. Мне было почти безразлично, что он собирается делать. Я так и остался в неведении, потому что в этот момент на улицу из соседнего дома высыпала компания разодетых в вечерние туалеты мужчин и дам. Громкими радостными голосами, разогретыми удавшейся вечеринкой, они немедленно принялись

выражать сочувствие по поводу происшествия с «Роллсом».

— Послушайте, вам помочь чем-нибудь?

— Вызвать полицию... или «Скороую»?

— Хотите, мы подвезем?

— Или позвоним в гараж?

— Нет, нет, благодарю вас, — ответил Вьерстерод, выжимая из голоса максимум очарования, — вы очень любезны... но мы справимся сами.

Росс поставил меня на ноги и мрачно встал рядом, придерживая меня за рукав. Вьерстерод все говорил:

— Мой племянник мастер попадать в разные истории. Вот сегодня напился... Сами, надеюсь, видите, как он пьян... Отвезем его домой, и все будет в порядке...

Они пробормотали что-то сочувственное. И стали уходить.

— Н-н-неправда! — закричал я. — Они меня убьют! — Голос звучал невнятно и слишком мелодраматично. Они приостановились, с понимающими и немного смущенными улыбками взглянули на Вьерстерода и двинулись дальше по улице.

— Эй! — закричал я. — Возьмите меня с собой!

Бесполезно. Они даже не оглянулись.

— Что дальше? — спросил Росс Вьерстерода.

— Его нельзя оставлять здесь. Эти люди нас видели.

— В машину?

Вьерстерод кивнул. Росс подтолкнул меня к «Роллсу», по-прежнему крепко придерживая за правую руку. Я попытался стукнуть его левой, но промахнулся. Он двоился у меня в глазах, и это осложняло дело. Вдвоем они с трудом впихнули меня на заднее сиденье, и я растянулся там лицом вниз, сползая наполовину, вне себя от ярости, что мне никак не удается выйти из этого дурацкого

алкогольного ступора. В голове звенело, как под действием газового наркоза у дантиста. Но мне не суждено пробудиться навстречу солнечному дню. Привкуса крови во рту тоже не было. Лишь странное бесконечное ощущение одновременного пребывания в сознательном и бессознательном состоянии.

Росс снял с ветрового стекла несколько отбитых кусков и включил мотор. Сидевший рядом с ним Вьерстерод откинулся на спинку и спросил самым будничным тоном:

— Куда теперь, мистер Тайрон? Может, навес- тим вашу жену? Как туда ехать?

— «Вокруг, вокруг, вокруг куста тутовни- ка», — неразборчиво промямлил я. — И спокойной ночи.

Он выдавил непечатное слово, которое куда больше соответствовало его натуре, нежели обыч- ная высокопарная болтовня.

— Все это без толку, — презрительно заметил Росс. — Он все равно не скажет, хоть на куски его режь... А если и скажет, что нам за польза от это- го? Работать на вас он никогда не станет. Никогда.

— Почему? — с тупым упрямством спросил Вьерстерод.

— Ну, посудите сами. Мы угрожали убить его жену, так? И что же, он сдался? Да, пока мы были там, в квартире. А стоило только отвернуть- ся, как он первым делом вывозит ее оттуда. Мы едем за ним, находим. Он снова увозит ее... И так может продолжаться до бесконечности. Допустим даже, мы убьем ее, тогда он окончательно выйдет из-под контроля. Вот почему он никогда не будет работать на вас.

«Да, разложил все по полочкам, — в дурацком восхищении подумал я. — Вот это называется глу- бокий анализ ситуации. Высший класс!»

— Мало вы его били, — укоризненно произнес Вьерстерод, не желая оспаривать эту тираду.

— Достаточно.

— Не похоже.

— Если помните, — терпеливо продолжал Росс, — ребята Бостона тоже не произвели на него впечатления. Есть два типа людей: одни реагируют на обработку, другие — нет. Этот не реагирует. И угрозы не помогают. И виски тоже. Обычно довольно одного метода. А здесь мы применили все три, чтоб уж наверняка. И что же, какой результат? А никакого. Как тогда, в прошлом году, с Гюнтером Брауталем.

Вьерстерод пробормотал нечто нечленораздельное.

«Интересно, — вяло подумал я, — что же случилось с этим самым Гюнтером Брауталем? Уж лучше, пожалуй, не знать...»

— Я не могу допустить, чтобы все эти штучки сошли ему с рук, — сказал Вьерстерод.

— Вот это правильно, — согласился Росс.

— Я не сторонник устранения на территории Великобритании, — раздраженно продолжал Вьерстерод. — Слишком рискованно. Слишком много людей кругом.

— Предоставьте это мне, — спокойно заметил Росс.

Опираясь на руки, я с трудом перешел в сидячее положение. Посмотрел в окно. Сверкающие огоньки проносились мимо, сливаясь в сплошную блестящую ленту. Из-за разбитого стекла мы ехали не слишком быстро, но ночной декабрьский воздух врывался в машину и пробирал меня, сидящего в одной хлопковой рубашке, до костей. Через минуту, когда в голове немного прояснится, я распахну дверцу и выскочу. Мы едем не слишком быстро... Хорошо бы дождаться большой улицы, полной на-

роду... Но долго ждать нельзя. Мне совсем не хотелось, чтобы Росс приступил к моему устранению.

Вьерстерод обернулся:

— Сами виноваты, мистер Тайрон. Не надо было сердить меня. Надо было слушаться. И делать, что вам говорят. Я дал вам шанс... Вы очень глупо поступили, мистер Тайрон, право же, очень глупо. И вот теперь расплачиваетесь за это.

— Чего? — грубо спросил я.

— Он все еще пьяный, — заметил Росс. — Ничего не понимает.

— Я в этом не уверен. Подумайте только, что он успел натворить за истекший час. Голова у него крепкая, как орех.

Взгляд мой упал за окно, и я насторожился. Что-то знакомое, ужасно знакомое. Птичьи вольеры, Риджентс-парк, многоугольное проволочное сооружение у входа в зоопарк. Я встречался здесь с Вьерстеродом. Должно быть, он живет где-то поблизости. Наверное, туда меня и везут. Но неважно, что это рядом с зоопарком. Важно, что это совсем недалеко от лечебницы, куда Тонио повез Элизабет. Меньше мили...

На секунду меня обуял отчаянный страх. Я подумал, что, должно быть, рассказал Вьерстероду, куда надо ехать. Потом вспомнил, что ничего не говорил. Но мы находились слишком близко... А что, если по пути придется проехать мимо больницы и он заметит фургон? А вдруг еще увидит, как выгружают носилки?.. Он может передумать и убьет ее, а меня оставит в живых, и это будет невыносимо, абсолютно и совершенно невыносимо.

Надо отвлечь их внимание.

Я заговорил, стараясь выговаривать слова как можно отчетливее:

— Вьерстерод и Росс, Вьерстерод и Росс...

— Что такое?! — воскликнул Вьерстерод.

Реакция Росса свелась к тому, что машина вильнула в сторону и притормозила.

— Убирайтесь к себе, в Южную Африку, пока... вас не поймали!

Развернувшись всем корпусом, Вьерстерод уставился на меня. Росс тоже больше посматривал в зеркало, чем на дорогу. Однако не забыл включить мигалку на правый поворот, откуда начиналась дорога к мосту через Риджентс-канал. Прямая дорога к лечебнице, до нее оставалось полмили.

— Властям все известно, — отчаянно проговорил я. — Я все рассказал им... все рассказал о вас. В прошлую среду. В газете тоже знают... Они напечатают статью в воскресном номере. Так что вы меня тоже запомните, надолго запомните...

Росс резко крутанул баранку. Я приподнялся, нелепо взмахнул руками и с силой зажал ему глаза. Он снял обе руки с руля, пытаясь освободиться, и машина, пролетев поворот, напролом пересекла дорогу и напрямик понеслась к каналу.

Вьерстерод бешено завопил и изо всей силы вцепился мне в плечо. Но я по силе отчаяния несколько не уступал ему. Я все крепче прижимал к себе голову Росса... Это по их вине я был пьян и плевать хотел, где и как разобьется наша машина.

— Тормози! — заорал Вьерстерод. — Тормози, ты, идиот!

Росс опустил ногу, но не видел куда. Вместо тормоза он с силой надавил на акселератор.

«Роллс» перескочил через тротуар и помчался по траве. Набережная, обсаженная молодыми деревьями, сначала полого, а потом все круче спустилась к каналу. «Роллс» с хрустом переломил один ствол, затем налетел на саженец и скосил его, точно стебелек пшеницы.

Вьерстерод сам схватился за руль, но тяжелая машина слишком быстро неслась под уклон, и спра-

виться с ней он был не в силах. Переднее колесо ударилось еще об один ствол дерева, от толчка руль завертелся и вырвался у него из рук. Вокруг трещали ветки, царапающие полированный корпус автомобиля. В отделении для перчаток Вьерстерод нашел дубинку, повернулся и в припадке ярости стал колотить меня по руке.

Я отпустил Росса. Но было слишком поздно. Не успел он потянуться к ручному тормозу, как «Роллс», смяв последнее на своем пути дерево, рухнул в канал.

От удара о поверхность воды машина конвульсивно завертелась, меня, словно тряпичную куклу, отбросило назад, а Росс и Вьерстерод кувырком полстели вперед. Через разбитое ветровое стекло сразу же ворвалась вода, с катастрофической скоростью заливая машину.

Как выбраться?.. Во внезапно наступившей непроглядной тьме я пытался нащупать ручку дверцы, но не нашел и застыл, не понимая, где теперь мои ноги, где верх, а где низ... Вообще ничего не соображал, кроме того, что мы тонем.

Вьерстерод пронзительно вопил, вода поднималась все выше. Он все еще размахивал рукой, стараясь нанести мне новый удар. Я понял, что дубинка у него в руке. Вырвал ее и с силой ударил туда, где, по моим предположениям, находилось боковое стекло. Попал во что-то мягкое. Стал как безумный шарить вокруг, обнаружил стекло у себя над головой и ударил.

Оно треснуло. Треснуло, но не разбилось. Черт бы побрал эти первоклассные «Роллс-Ройсы»! Ударил еще раз. Никак не удавалось размахнуться как следует. Пробуем еще. Пробил дырку. В нее хлынула вода. Не то чтобы потоком, но очень сильно. Стекло находилось под водой. Но не слишком глубоко. Еще раз. Удар, удар! Дыра стала больше,

но все еще недостаточно... А ледяная вода все прибывала и доходила почти до груди.

«Как легко и нестрашно умирать, когда ты мертвецки пьян... — подумал я. — А когда я умру, хоронить меня не надо, просто заспиртуйте мои косточки в виски...» Снова стукнул дубинкой по стеклу, снова промахнулся. Рука проскочила через дыру. И высунулась на поверхность, на воздух! Глупо, как глупо тонуть на глубине в один дюйм в центре Лондона, в Риджентс-канале!

Втянул руку обратно и ударил снова. Совершенно бесполезно: слишком много воды, слишком много виски... Вода снаружи, а виски внутри. Избитые мышцы слабели, сознание мутилось. «Плыть по реке смерти... Прости меня, Элизабет».

Внезапно перед глазами мелькнул свет. «Галлюцинация, — подумал я. — Аллилуйя, галлюцинация! Так вот что такое смерть — слепящий белый свет, адский шум в голове, потоки воды и стекла, зовущие голоса, руки, подхватывающие меня, они тянут куда-то и поднимают... поднимают навстречу ветру, вольному холодному ветру...»

— Был кто-нибудь еще в машине? — услышал я голос. Громкий, настойчивый, он обращался ко мне. Он говорил мне, что я жив. Требовал, чтобы я встал и сделал что-то. Я не соображал что, только смотрел на него, глупо моргая.

— Скажите, — спросил он снова, — есть кто-нибудь еще в машине? — Он потряс меня за плечо. Больно. Я немного пришел в себя. Он опять спросил: — Был кто-нибудь еще?

Я кивнул:

— Двое.

— Боже, — пробормотал он, — какое несчастье!

Я сидел на траве на берегу канала и дрожал. Кто-то накинул мне на плечи пальто. Было очень много народу, и люди все прибывали, черные

фигурки на фоне испещренной бликами света темной воды, фигуры, освещенные с одной стороны фарами автомобиля, который съехал вниз по траншее, пробитой в траве «Роллсом». Машина стояла у самой воды, освещая место, где затонул «Роллс». Под водой у самого берега проступал серебристый ободок заднего стекла. Было видно, как плещется вода в зияющей дыре, через которую мои спасители извлекли меня на свет Божий. Больше ничего не было видно, лишь чернота и вода.

Какой-то молодой человек, раздевшись, вызвался пролезть через заднее стекло и попытаться спасти остальных. Люди пробовали отговорить его, но он все-таки полез в воду.

Я наблюдал за этой сценой как в тумане, без эмоций. В дыре появилась его голова, и несколько рук протянулись на помощь. Они вытащили Вьерстерода и опустили на землю.

— Искусственное дыхание, — сказал кто-то. — Поцелуй жизни.

Целовать Вьерстерода!.. Что ж, если кому хочется, пусть целует.

Молодой человек отправился за Россом. Он нырял за ним дважды. Настоящий храбрец! Ведь «Роллс» в любой момент мог перевернуться, и он очутился бы в ловушке. «Все же люди, — с пьяной восторженностью подумал я, — удивительные существа!»

Росса положили рядом с Вьерстеродом и тоже принялись «целовать» его. Но ни один из них не откликнулся.

Холод проникал в каждую клеточку тела. Он шел с земли, на которой я сидел, он был в пронизывающем ветре и в мокрой одежде, намертво прилипшей к телу. У меня вдруг сразу все заболело, и чем дальше, тем больше. Шум в ушах был

поистине оглушающим. Самое время выветриться алкоголю. Самое время выпить и согреться.

Я лежал на траве, под голову мне подсунули что-то мягкое. Голоса звенели надо мной, вопрошающие и озабоченные:

— Как это случилось?

— Уже вызвали «Скорую»...

— Все, что ему нужно, это чашка горячего крепкого чая...

— Как ужасно, что ваши друзья...

— Вы слышите? Как вас зовут?

Я не отвечал. Не было сил. Обойдутся и без меня. Не надо двигаться и сопротивляться... Пусть старый враг алкоголь получит все, что от меня осталось.

Закрыв глаза. Мир быстро отступил куда-то.

— Он потерял сознание, — произнес чей-то отдаленный голос.

В ту секунду это было неправдой. Но еще через мгновение именно это и произошло.

Глава 16

Я находился в длинной, плохо освещенной комнате, тесно уставленной рядами кроватей, на которых лежали неподвижные тела в белом. Я, тоже в белом, был втиснут в узкую и жесткую, как цемент, койку. В голове, торчавшей из-под одеяла, стучало и звенело, словно к уху приставили паровой молот. Детали ночного кошмара постепенно превращались в удручающую реальность. И вот результат: больничная палата, все тело в синяках и тяжелейшее похмелье.

Приподняв руку, я взглянул на часы. Без десяти пять.

Даже это слабое движение отдалось болью во всем теле. Я тихо опустил руку на простыни и попытался снова погрузиться в сон.

Не получилось. Слишком много проблем. Слишком много потребуется объяснений. Надо решить, где можно говорить правду, а где следует несколько исказить факты. Для этого необходимо иметь ясную голову, а не вязкую трясиину вместо мозгов.

Попробуем по порядку восстановить события вчерашнего вечера. Интересно, чем бы закончилась поездка в «Роллсе», если бы я не был так пьян. В странном оцепенении вспомнил, как Росса и Вьертерода вытаскивали из воды. Если они погибли, в чем я почти не сомневался, то я, и никто другой, виноват в их смерти. Самое ужасное, что и это мне безразлично.

Стоит закрыть глаза, и в них снова начинает вертеться эта проклятая карусель, и шум в голове становится невыносимым.

В шесть утра больных разбудили, и палата огласилась кашлем, скрипом кроватей и воркотней. На завтрак принесли паровую треску и стакан слабого чая. Я попросил воды и чего-нибудь от головной боли и с сочувствием вспомнил о знакомом, говорившем, что не выносит таблеток Алка-Зельцер, потому что они какие-то очень уж шумные.

Палата была оборудована телефоном на контактных роликах, но, несмотря на самые настоятельные просьбы, мне не удалось добраться до него раньше половины десятого. Я сунул в аппарат монетки, извлеченные из мокрых брюк, и позвонил Тонио. К счастью, он оказался у себя в приемной и секретарша немедленно позвала его, когда я объяснил, кто звонит.

— Тай! Dio grazit...¹ Где вас черти носят?

— Купался, — ответил я. — Расскажу потом. Как Элизабет?

¹ Слава Богу (итал.).

— В полном порядке. Но ужасно беспокоилась, когда вы не объявились вчера вечером... Где вы сейчас? Почему не позвонили ей сами?

— Я в больнице при Университи-колледж. Лежу здесь вот уже несколько часов. Меня привезли ночью. Ничего страшного как будто нет.

— Как голова?

— Паршиво.

Он рассмеялся. Прекрасный парень...

Я позвонил в лечебницу и поговорил с Элизабет. Она, конечно же, обрадовалась, что я нашелся, но по не свойственной голосу апатии я догадался, что ее держат на транквилизаторах. Слишком уж спокойно она говорила! Даже не спросила, что произошло со мной, когда Тонио увез ее в больницу, и не поинтересовалась, где я сейчас.

— Ты не против побыть в лечебнице еще пару дней? — спросил я. — Тут надо утрясти кое-какие дела.

— Конечно, — ответила она. — На пару дней? Хорошо...

— Скоро увидимся, детка.

— Конечно, — повторила она. — Увидимся.

Потом я позвонил Люку-Джону. Его энергичный голос раскатисто звенел в трубке и вонзался в мозг. Я сказал, что не успеваю написать воскресную статью, так как накануне ночью попал в автомобильную аварию, и дюймов на шесть отодвинул трубку от уха, слушая его крики.

— Авария была вчера днем!

— Да нет, это другая.

— Господи, да что же это у тебя за хобби такое?!

— Постараюсь написать сегодня вечером, а завтра, перед поездкой в Хитбери-парк, доставлю в редакцию. Идет?

— Ладно, что делать... — проворчал он. — А ты не пострадал в этой последней аварии?

По тону, каким это было сказано, я понял, что утвердительный ответ крайне нежелателен.

— Отделался синяками, — ответил я и услышал в ответ какое-то нечленораздельное хмыканье.

— Постарайся написать получше, — сказал он. — Сорви с них покровы!

Я поспешил положить трубку, пока он не сорвал покровы с моего несчастного котелка. Тот по-прежнему гудел от нещадной боли. Место, на котором Росс демонстрировал свое мастерство, тоже горело и ныло от боли. Лежать в постели было неудобно. Мрачное утро не кончалось.

Пришли какие-то люди и спросили, кто я такой. И кто те двое, что были со мной в машине и утонули. Знаю ли я их адрес?

— Нет, не знаю.

— А как произошел несчастный случай?

— Шофер потерял сознание, — ответил я.

Пришел сержант полиции с блокнотом и записал то небольшое, что я мог сообщить ему.

— Я не слишком хорошо знал Вьерстерода. Так, просто случайный знакомый... Предложил довезти меня до больницы, где в настоящее время находится моя жена. Шофер потерял сознание, и машина съехала с дороги. Все случилось невероятно быстро... Я помню все довольно смутно, потому что перед тем выпил лишку. Когда машина стала тонуть, Вьерстерод протянул мне какой-то предмет, чтобы я пробил стекло и выбрался. Как ужасно, что и он, и шофер погибли! Парень, который вытащил их, заслужил медаль.

Сержант сказал, что меня еще вызовут для расследования, и удалился.

В полдень появился врач, осмотрел меня, сочувственно покачал головой при виде моих болячек, заметив при этом, что просто поразительно, сколько синяков можно заработать, перекувыркнувшись в

автомобиле пару раз. Я мрачно согласился с ним и попросил отпустить меня домой.

— Почему бы нет? — сказал он. — Идите, раз так не терпится.

Как во сне я натянул плохо отглаженные рубашку и брюки и с небритым лицом, нечесаными волосами и развязанным галстуком спустился вниз, в вестибюль. Там я попросил привратника вызвать такси и быстро доехал на нем до Уэлбек-стрит. Кто-то подобрал «падающую башню» и водрузил ее на место, целую и невредимую, без единой царапины. Чего нельзя было сказать о «Роллсе». И обо мне.

Тонио внимательно посмотрел на меня, придвинул кресло и подал снадобье в стеклянном стаканчике.

— Из чего делается эта штука? — проглотив лекарство, осведомился я.

— Смесь опиума и шерри-бренди.

— Нет, правда?

Он кивнул:

— Опиум и шерри-бренди. Весьма действенное средство. Интересно, как часто вы намереваетесь забегать ко мне с целью его отведать?

— Сегодня в последний раз.

Ему не терпелось узнать, что произошло вчера вечером, и я подробно рассказал все, опустив лишь одну деталь: то, что я сам вывел шофера из строя. Однако он был далеко не дурак. Понимающе улыбнулся, принес из спальни мой пиджак и заявил, что твердо намерен доставить меня и фургон до дома, поскольку Элизабет я нужен в здравии, а не в виде лепешки, распластанной на фонарном столбе, чего просто чудом удалось избежать нынче ночью. Я не стал спорить — не было сил. Он поставил фургон в гараж и пошел на улицу ловить такси, а я медленно поднялся в квартиру.

В комнате стояла удушающая жара. Вчера я забыл выключить обогреватели, миссис Вудворд, видимо, тоже не догадалась это сделать. На столе лежала записка: *«Что случилось? Молоко поставила в холодильник. Ужасно волнуюсь. Миссис В.»*.

Я взглянул на кровать: ничего, кроме простыней. Вспомнил, что отнес все одеяла и подушки в фургон. Спускаться за ними не хотелось. Снял розовые одеяла с постели Элизабет. Одно расстелил на диване, лег на него, не раздеваясь, другое натянул сверху, осторожно опустил голову на мягкую прохладную подушку. Какое блаженство!

Голова еще кружится... И вообще радоваться особенно нечему. В ушах звенит. Несмотря на целительную и укрепляющую смесь, тело, кажется, распадается на куски. Но какое счастье, что не надо двигаться... Лишь медленно-медленно подплывать к краю пропасти и погружаться в черный, глубокий, божественный сон...

Резко зазвонил телефон, оборвав дремоту. Миссис Вудворд. От волнения ее ланкаширский акцент стал еще заметнее, и как трогательно обрадовалась она, узнав, что с Элизабет не произошло никакого непоправимого несчастья!

— Я и сам приболел. А жена пару дней побудет в лечебнице. Позвоните завтра — тогда я буду точно знать, когда ее привезут.

Положив трубку, я поплелся к кровати. На полпути остановился, зевнул и задумался. Стоит ли сообщать Виктору Ронси, что теперь он может забрать домой Мэдж с детишками? Стоит ли разрешить Уилли Ондрию ослабить бдительность и снять лишнюю охрану?..

Пока оставим все как есть. До скачек всего одни сутки. Может, и обойдется. С другой стороны, хоть Вьерстерод и выбыл из игры, оставался еще Чарли Бостон...

Тиддли Пом вряд ли выиграет Золотой кубок. После всех этих передрыг шансов у него немного, да и приступ колик сильно изнурил его. Тогда выходит, что Чарли Бостон все равно получит свою прибыль, как планировали мошенники.

Я вернулся к телефону и после недолгих переговоров со справочной заказал Бирмингем.

— Мистер Бостон?

— Угу.

— Говорит Джеймс Тайрон.

На другом конце линии воцарилось гробовое молчание, прерываемое лишь хриплым дыханием.

— Сколько лично вы поставили на Тиддли Пома? — спросил я.

Какое-то невнятное хрюканье или ворчание вместо ответа.

— Лошадь будет бежать, — заметил я.

— Это все, что вы хотели сказать? — вымолвил он наконец.

Какой грубый и злобный голос! Грубый и злобный человек!

— На Росса и Вьерстерода можете больше не рассчитывать, — спокойно продолжал я. — Вы их никогда не увидите и не услышите. Оба они, бедняги, теперь покойники!

Я положил трубку, не дожидаясь ответа. У меня даже хватило сил стащить с себя пиджак. Я вернулся к дивану и обнаружил, что столь милая моему сердцу бездонная пропасть сна еще поджидает меня. Неловко заставлять ее ждать слишком долго.

Проснулся я не скоро, во рту пересохло, язык казался шершавым и неповоротливым. Действие лекарства кончилось. Отяжелевшие плечи болели и ныли. Какая тоска! Какая тоска и занудство эта боль! В комнате темно. Я взглянул на светящийся циферблат: четыре — хочешь верь, хочешь нет. Я проспал без малого двенадцать часов.

Зевнул. Голова почти не болела. И вдруг я с ужасом вспомнил, что так и не написал статью для «Блейз». Включил свет и отпил глоток из бутылочки Тонио. Достал блокнот и карандаш. Сварил кофе. Высоко подоткнул подушки, забрался в кровать и принялся «срывать покровы» к вящему удовольствию Люка-Джона.

* * *

— Юристы попадают в обморок, — сказал он.

— Я уже говорил, что человек, стоявший во главе рэкета, скончался на этой неделе, а закон о диффамации распространяется только на живых. Покойник не может возбудить дело. Кроме того, мертвец и сам не подлежит судебной ответственности, по крайней мере на этом свете, среди живых. Поэтому ни за один из их проступков они не могут оказаться *subjudis*.¹ Так или нет?

— Незачем цитировать мне юридические уловки «Блейз», приятель. Я жил ими, когда ты еще из пеленок не вышел. — Двумя пальцами он приподнял напечатанные мною листки, как будто они обжигали ему руку. — *«Скованные страхом владельцы могут выползть из укрытий»*, — прочитал он вслух. — *«С господством страха покончено, скандал с нестартающими фаворитами разоблачен полностью!»*.

Подняв голову от бумаг, Дерри выслушал эту тираду, усмехнулся и сказал:

— Снова наш любитель острых ощущений привлекает огонь на себя.

— Иначе жизнь становится пресной, — отпарировал я.

— Для кого как.

Люк-Джон подозрительно посмотрел на меня.

¹ Под следствием (лат.).

— Похоже, что мишенью был в основном он. Надо думать, эти синяки под глазами есть результат дня, столь урожайного на дорожные происшествия? — Он ткнул пальцем в статью. — А что, ты лично изобрел этого безымянного злодея или же он существует на самом деле? И если да, то кто он такой?

Если я не скажу, то Майк де Йонг из конкурирующей газеты быстро сообразит, что к чему, и выступит с разоблачительной статьей, чего Люк-Джон мне никогда не простит. Да и смысла особого не было и дальше хранить это в тайне.

— Это южноафриканец по имени Вьерстерод, и погиб он позапрошлой ночью во второй автомобильной катастрофе.

Они буквально разинули рты.

— Вот это... бомба, — вымолвил наконец Дерри.

Я рассказал им почти все. Умолчал лишь о Гейл и о дубинке Росса, но рассказал, как они угрожали Элизабет. Умолчал и о том, что пьяный вел машину и зажал Россу глаза. Изложил факты, опустив детали, ужас и пот.

Люк-Джон призадумался и перечитал статью.

— Когда известны такие подробности, описание выглядит довольно пресным. Но, думаю, этого достаточно. Статья сыграет свою роль — поможет снять напряжение, люди будут знать, что теперь исключительно благодаря «Блейз» они могут снова со спокойной душой делать по почте ставки. Именно этого мы и добивались.

— Покупайте карающую преступников «Блейз»! — дурашливо закричал Дерри. — Она специализируется на борьбе с рэкетом!

Люк-Джон кисло взглянул на него, всем видом давая понять, что шутка дурного тона. Он, как всегда, с чрезмерной серьезностью относился

к репутации любимой газеты. Я попросил его позвонить своему влиятельному знакомому из среды букмекеров и узнать о положении дел на рынке ставок. Он приподнял брови, выслушал просьбу и, не сказав ни слова, взялся за телефон.

Он выслушал ответ с возрастающим интересом и записал несколько цифр. Окончив разговор, тихо присвистнул и крепко потер кадык.

— Говорят, со вчерашнего дня Чарли Бостон пытается снять поставленные на Тиддли Пома пятьдесят тысяч. Все понимают, что дело его тухлое после твоей статьи и вмешательства «Блейз», но люди в растерянности, не знают, ставить на лошадь или нет. Пока что на это решилась только одна крупная фирма.

— Если Бостон, — сказал я, — не снимет свои тысячи, а Тиддли Пом выиграет, можно считать, что прохвосту крышка. Но, если лошадь проигрывает, он прикарманит не только свои денежки, но и долю Вьерстерода и окажется еще в более крупном выигрыше, чем всегда.

— Да, проблема... — задумчиво произнес Дерри. — Или, если хотите, целый букет проблем.

— Интересно, знает ли он о коликах? — спросил Люк-Джон.

Поразмыслив, мы пришли к выводу, что, пожалуй, не знает, раз так суетится. Люк-Джон еще раз позвонил своему букмекеру и посоветовал перекупить у Бостона как можно больше билетов...

— После чего, — мрачно заметил он, положив трубку, — все эти чертовы лошадки поломают ноги, а Тиддли Пом победит!

Я отправился в Хитбери-парк поездом вместе с Дерри. Погода была как на заказ. Ясный солнечный морозный день, настоящее декабрьское утро. Дерри заметил, что такая славная погодка соберет огромную толпу зрителей и что, по его мнению,

выиграет Зигзаг. Еще он сказал, что выгляжу я паршиво.

— Видел бы ты меня вчера! — лениво проворчал я.

Так, по-приятельски болтая и перебраниваясь, мы завершили путешествие, и я, вне всякой связи с происходящим, вдруг задумался, почему наши с Дерри отношения так и не переросли в дружбу.

В одном он не ошибся. Хитбери-парк лопался по всем швам. Я первым делом отправился к конторе Уилли Ондроя рядом с весовой, у которой толпилась куча людей, желающих перемолвиться с ним словечком, но он меня заметил и поманил рукой.

— Да, — сказал он, — паршивая лошадка стоила мне хлопот... Натерпелся от одного Виктора Ронси, который вот где у меня сидит...

— А в чем дело?

— Явился сюда в девять утра, готовый взорваться, как паровой котел, если лошадь опоздает хоть на минуту, а когда узнал, что она уже здесь, все равно устроил скандал. Кричал, что мы должны были ему сообщить...

— Да, характерец не сахар, — согласился я.

— Но это еще полбеды. Примерно в восемь утра позвонил сторож и сказал, что некий человек настойчиво пытается проникнуть в конюшни. Предлагал деньги и даже назвал сумму, а потом, как только сторож отвернулся, хотел проскочить незамеченным, с кем-то из конюхов. Пришлось пойти туда, и я обнаружил, что позади конюшен болтается какой-то весьма упитанный коротышка, пытаясь отыскать лазейку. Я отвел его к сторожу, и тот сразу опознал в нем пройдоху, но на вопрос, кто он такой и что ему надобно, ответа мы не получили. Сказал только, что ничего дурного не сделал, преступления не совершил. Пришлось отпустить.

— Жаль.

— погоди минутку. Когда этот человек уходил, вышел управляющий и первым делом спросил: «А что здесь делает Чарли Бостон?»

— Что?!

— Ага, так и знал, что тебя это заинтересует. Однако действовал он чрезвычайно нелепо.

— Ни ловкости, ни ума, — согласился я.

Он посмотрел на меня с укоризной.

— Не кажется ли тебе, что ты несколько преувеличил опасность, если угроза Тиддли Пома действительно исходила от Чарли Бостона?

— Читай следующий сенсационный и разоблачительный материал в «Блейз», — сухо ответил я.

Он рассмеялся и повернулся к ожидавшим его посетителям. Я вышел на лужайку у скакового круга, размышляя о Чарли Бостоне и его бесплодных попытках добраться до фаворита. О Чарли Бостоне, который считает, что, раз есть сила, ума не надо. Но молодчики выбыли из игры, а Вьерстерод и Росе числятся в списках погибших. И теперь он гол и беззащитен, словно устрица с открытыми створками раковины.

И не только беззащитен, но и доведен до последней степени отчаяния. Раз он хотел снять пятьдесят тысяч, то его потери в случае победы Тиддли Пома составят минимум в десять раз больше — до полумиллиона. Поистине астрономические масштабы! Подобная перспектива может ввергнуть в панику и толкнуть на самые безрассудные поступки, причем чем ближе скачки, тем больше их вероятность.

Я решил, что Ронси тоже должен участвовать в мероприятиях по охране лошади, и стал высматривать его в толпе. Завернул за угол и, глаза по сторонам, чуть не сбил с ног человека, стоявшего у светового табло. Я было раскрыл рот, чтобы извиниться, как вдруг узнал, кто это.

Гейл...

Мелькнувшая в ее глазах радость сменилась робостью. Вероятно, и у меня на лице было точно такое же выражение. Видно, она, как и я, не ожидала этой встречи. Но, с другой стороны, ничего странного тут нет — она пришла посмотреть, как будет бежать лошадь ее дядюшки.

— Тай? — растерянно и вопросительно произнесла она.

— Не ожидал, не ожидал. — Мой голос звучал излишне развязно.

— Я так и думала, что встречу тебя. — Гладкие черные волосы блестели на солнце, свет оттенял строгие черты лица и золотисто-бронзовый цвет кожи. Тело, которое я видел обнаженным, скрыто складками бирюзового платья. «Прошла лишь неделя, — подумал я. — Всего неделя с той ночи в гостинице...»

— Что, Гарри и Сара тоже здесь? — Типичная светская беседа. Скрыть от нее рану, которая еще не начала затягиваться. И вообще нельзя было позволять наносить эту рану. Сам виноват. Нечего жаловаться.

— Они в баре. Где ж еще...

— Не желаешь ли выпить?

Она покачала головой:

— Я хочу... объяснить. Я вижу, тебе все известно... И надо объяснить.

— Не стоит. Может быть, чашечку кофе?

— Послушай...

Я весь напрягся, губы и подбородок словно окаменели. Сознательно, усилием воли, я приказал себе расслабиться.

— Да, слушаю.

— Она... я хочу сказать, твоя жена действительно собирается с тобой развестись?

— Нет.

— Ах вот как! — Долгий вздох. — Тогда прости за то, что я вовлекла тебя в эти неприятности. Но если она не собирается разводиться, зачем же тогда следила за мной?

Я смотрел на нее с изумлением.

— В чем дело? — спросила она.

— А ну-ка расскажи, что произошло в гостинице, когда я уехал. Расскажи, кто следил за тобой.

— Он подошел ко мне на улице, у выхода из отеля.

— Как он выглядел?

— Честно говоря, несколько странно. Дело в том, что он казался... ну, слишком интеллигентным. По крайней мере для сыщика. Костюм от дорогого портного. И говорил с каким-то непонятным акцентом. Высокий, с желтоватой кожей, лет сорока.

— Что он сказал?

— Он сказал, что твоя жена хочет развода и наняла его следить. И попросил меня... э-э... предоставить конкретные доказательства.

— Счет из гостиницы?

Она кивнула, избегая смотреть мне в глаза.

— И я согласилась и вернулась в отель за счетом.

— Но зачем ты это сделала, Гейл?

Она молчала.

— Он что, заплатил?

— Господи, Тай! — нетерпеливо воскликнула она. — А почему же нет? Мне постоянно не хватает денег! Мы виделись с тобой всего три раза... Да и вообще, чем ты лучше меня, если живешь со своей женой только потому, что она богата?

— Да, конечно, — сказал я. — И сколько же?

— Поначалу предложил пятьдесят фунтов, но когда я поняла, что настроен он серьезно, попросила добавить. Почему бы и не раскошелиться в обмен на свободу, раз уж она так богата?

— Что дальше?

— Дальше он сказал, что, если я предоставлю исчерпывающие и убедительные доказательства, он готов заплатить гораздо больше. — После паузы она добавила с вызовом и смущением одновременно: — В конце концов мы сошлись на тысяче фунтов.

Я буквально онемел от изумления.

— А что, разве жена тебе не сказала?

Я мотнул головой.

— Вряд ли у него оказались при себе такие деньги. Он что, выписал чек?

— Нет, мы встретились вечером, около школы, и он передал мне кожаную сумочку... набитую новыми хрустящими купюрами в пачках. А я отдала ему счет... и все рассказала, все, что могла.

— Это я понял.

— Но почему он заплатил так много, если она не хотела развода?

Я не ответил, и она продолжала:

— Дело тут не только в деньгах. Я подумала, раз она хочет развестись, то какого черта я должна этому препятствовать! Ты говорил, что не бросишь ее, ну а если бы она бросила тебя, тогда ты был бы свободен, и мы могли бы встречаться не только по воскресеньям.

В один прекрасный день я, может быть, буду еще смеяться над всем этим.

— Не моя жена платила тебе, Гейл. Платил тот человек. И факты эти нужны были не для развода, а для того, чтобы шантажировать меня.

— О-о-о... — Она издала нечто похожее на стон. — О нет. Тай! О Господи, какой ужас! — Вдруг глаза ее расширились. — Надеюсь, ты не думаешь... наверное, все же думал... что я продала тебя за деньги...

— К сожалению, да. Я был не прав.

— Что ж, тогда мы квиты. — К ней разом вернулась вся ее самоуверенность. — А сколько он требовал от тебя?

— Ему не нужны были деньги. Он хотел, чтобы каждую неделю я писал в «Блейз» статьи по его указке.

— Как странно... Но это довольно просто исполнить!

— А ты согласилась бы моделировать платья по чьему-либо приказу, под угрозой?

— Что ты!

— Вот именно «что ты»! И я все рассказал жене, пришлось рассказать.

— А что... что же она?

— Она огорчилась, — кратко ответил я. — Я обещал, что не буду больше с тобой встречаться. И никакого развода не будет.

Она медленно пожала плечами:

— Что ж, нет так нет.

Я стоял, отвернувшись, стараясь не показать, как ужасно для меня это окончательное «нет». Завтра воскресенье, и я волен делать все, что заблагорассудится, но ничего мне так не хотелось, как снова увидеть ее.

— Теперь понимаю, — задумчиво протянула она, — почему этот человек показался мне таким омерзительным. Ведь он шантажист.

— Омерзительным? Обычно он фантастически вежлив.

— Он говорил со мной так, будто я выползла из какой-то грязной щели. Ни за что бы не стала иметь с ним дело, если б... если б не деньги.

— Бедняжка, — сочувственно произнес я. — Он южноафриканец.

Она поняла, и глаза ее загорелись гневом.

— Ах вот оно что! Чертов африкандер!¹ Знала бы — никогда бы не согласилась!

— Не глупи. Утешайся тем, что стоила ему так дорого.

Она успокоилась и рассмеялась.

— А я никогда не была в Африке. Поэтому и не узнала его по акценту. Глупо, правда?

Мужчина в клетчатом твидовом костюме попросил нас посторониться — он хотел прочитать надписи на табло. Мы отошли на несколько шагов и снова остановились.

— Ну что ж, думаю, будем встречаться иногда на скачках, — сказала она.

— Думаю, да.

Пристально взглянув на меня, Гейл вдруг спросила:

— Тай, ты ведь мучаешься, я вижу... Почему же тогда ты не бросишь ее?

— Не могу.

— Смог бы... Ведь ты хочешь быть со мной — я знаю. В конце концов, деньги еще не все.

Я криво улыбнулся.

— Пожалуй. — Видно, я и впрямь что-то значу для нее, раз она сказала такое.

— Будем встречаться время от времени, — тупо повторил я. — На скачках.

Глава 17

Виктора Ронси я поймал у выхода из закуской и предупредил, что опасность, грозящая Тиддли Пому, еще не миновала.

— Но ведь он здесь, разве нет?! — рявкнул Ронси.

¹ *Африкандер* — уроженец ЮАР европейского (обычно голландского) происхождения.

— Да, благодаря нам он здесь, — не преминул подчеркнуть я. — А до начала скачек еще целых два часа.

— Ну и что вам от меня надо? Чтоб я водил его за ручку?

— Кстати, не помешало бы, — коротко отрезал я.

Началась столь типичная для него борьба между заносчивостью и желанием внять разумному совету.

— Пусть тогда Питер подежурит у стойла, — пробурчал он наконец.

— А где он?

Он махнул рукой.

— Там, кончает завтрак.

— Придется вам проводить его: у него нет пропуска конюха.

Поворчав, он согласился и отправился за сыном. Вместе с ними я дошел до конюшен и поговорил там со сторожем. Тот сообщил, что, как обычно, несколько человек пытались прорваться, но коротышка, который шастал утром, не появлялся. Если этот тип будет опять здесь вертеться, полковник Уилли Ондрой приказал посадить его в кладовую под замок. Я одобрительно улыбнулся и пошел посмотреть на лошадь. Тиддли Пом терпеливо стоял в своем заточении, слегка отставив заднюю ногу. Когда открылась дверь, он лениво повернул голову и равнодушно повел глазом в нашу сторону. Да, он мало походил на скаковую лошадь, нетерпеливо перебирающую копытами и готовую лететь как стрела, чтобы завоевать Золотой кубок.

— Он что, всегда такой квелый перед скачками? — спросил я. — Как будто его опоили.

Ронси с ужасом взглянул на меня и подскочил к Тиддли Пому. Он заглянул ему в пасть и в глаза, ощупал шею и ноги и, раскидав носком ботин-

ка, тщательно исследовал небольшую кучу помета. Потом покачал головой:

— Ничем его не опоили. Во всяком случае, не похоже.

— А к чему ему нервничать? — заметил Питер. — Не для этого предназначен.

Похоже, что предназначен он был развозить бидоны с молоком. Однако я сдержался. Вышел на улицу и решил, что лучше, если позволят распорядители, седлать Тиддли Пома прямо в конюшне, а не в специальных маленьких стойлах.

Распорядители, в том числе Эрик Юлл, не возражали. Единственное, чем нельзя было пожертвовать, так это традиционным парадом, где все лошади, ведомые под уздцы жокеями, проходят по три круга. Нам с Питером разрешили вести Тиддли Пома на расстоянии шести футов от ограды.

— Напрасные хлопоты, — пробормотал Ронси. — Уж здесь-то никто на него не нападет.

— Как знать, — сказал я. — Человек способен пойти на все, если ему грозит потеря полумиллиона фунтов, которых к тому же пока нет в наличии.

Первые два заезда я смотрел из ложи прессы. В перерыве между ними бесцельно болтался в толпе, изо всех сил стараясь доказать себе, что вовсе не стремлюсь снова увидеть Гейл.

И я ее не видел. Зато вдруг в толпе заметил Дермота Финнегана. Крошечный ирландец подбежал ко мне, широко ухмыляясь беззубым ртом. Он был одет в яркий жокейский костюм — значит, будет участвовать в скачках. Верхняя часть камзола была небрежно расстегнута. Я рассмотрел также пурпурную звезду на розовом с белыми полосками фоне. Заметив мое удивление, он расхохотался.

— Сам до сих пор не верю, Господь свидетель, — сказал он. — Но, как бы там ни было,

я наконец получил свой шанс, и, если оплошаю, может, Бог и простит меня, но сам себе не прощу.

— Не оплошаете.

— Поживем — увидим. — Он весело улыбнулся. — А вы здорово расписали про меня в этом «Тэлли». Спасибо. Я купил журнал и принес показать хозяину. Но тот сказал, что уже видел. И знаете, может, отчасти из-за журнала ему пришло в голову выпустить меня на Роквилле, после того как во вторник он сбросил двух наших ребят. Так что спасибо вам и за это.

Когда во время второго заезда я рассказал Дерри о Финнегане, он только пожал плечами.

— Конечно, знаю, он скачет на Роквилле. Ты что, газет не читаешь?

— Вчера не читал.

— Ах да. Только вряд ли этот кусок ему по зубам. Роквилл — капризная штучка даже в руках самых опытных жокеев, а твой Финнеган далеко не из них. — Он неторопливо протирал стекла бинокля. — Букмекер нашего Люка-Джона, должно быть, забрал большую часть бостонских тысяч, потому что ставки на Тиддли Пома упали с катастрофической быстротой. Вначале он шел по сто к восьми, а теперь четыре к одному.

Я быстренько прикинул: если Бостон принимал ставки из расчета десять-двенадцать к одному, а сейчас он идет как четыре к одному, то образуется бешеный зазор, примерно шесть-восемь к одному. В случае выигрыша Тиддли Пома он должен выплачивать деньги именно по этим расценкам, что составит на круг примерно четверть миллиона фунтов. Это означает, что ему придется распродать всю свою сеть игорных лавок, чтобы покрыть долги. Глупышка Бостон! Ввязался в игру с нехорошими мальчиками, вот его и выдавили, словно тубик пасты!

На трибунах его не было видно. Ронси оседлал Тиддли Пома в стойле и вывел на круг за минуту до начала парада. Питер вел лошадь под уздцы, а я находился поблизости, однако никто и не подумал, перегнувшись через загородку, плеснуть в нашего фаворита серной кислотой.

— Ну, что я вам говорил? — проворчал Ронси. — Паника на пустом месте. — Он помог жокею сесть на лошадь, хлопнул Тиддли Пома по заду и побежал занимать удобное для обзора место в ложе тренеров. Питер вывел лошадь на скаковой круг и отпустил: Тиддли Пом легким, размашистым галопом, столь не вяжущимся с его внешним видом, поскакал к стартовой отметке. Я с облегчением вздохнул и отправился к Дерри в ложу прессы.

— Тиддли Пом — фаворит, — сказал он. — За ним идет Зигзаг, потом Роквилл. Можно считать, что кубок Зигзагу обеспечен. — Он приставил бинокль к глазам, рассматривая лошадей, гарцующих на старте.

Я не взял с собой бинокль, потому что ремешок слишком больно давил на шею. Без него я был словно улитка без рожек. Стартовая площадка находилась в четверти мили от ложи, и я изо всех сил напрягал глаза, пытаясь различить лошадей по цветам жокеев.

— Что за черт! — воскликнул вдруг Дерри.

— Тиддли Пом? — с ужасом прошептал я. Только не сейчас, не в самый последний момент. Следовало предвидеть это... поставить там кого-нибудь из своих. И место такое людное. Там вечно собирается толпа желающих наблюдать за стартом. Сотни свидетелей...

— Какой-то человек повис у него на поводьях. Нет, его оттолкнули. Бог мой! — Дерри рассмеялся. — Просто глазам своим не верю!

— Да что там происходит, в конце концов?! — нетерпеливо закричал я. Я видел только выстроившихся в аккуратную линию лошадей, среди которых каким-то чудом оказался и Тиддли Пом; в толпе у дальнего конца ограды происходила странная возня.

— Это Мэдж, Мэдж Ронси. Да, она, ее ни с кем не спутаешь... Катается по траве, сцепившись с каким-то толстым коротышкой... Дерутся! Она оттолкнула его от Тиддли Пома. Сплошной клубок, только руки и ноги торчат... — Он замолк, задыхаясь от смеха. — А вон и ребяташки... тоже навалились на этого беднягу! Настоящая куча мала, как в регби!

— Ставлю фунт против пенни, что этот толстяк и есть Чарли Бостон. И если Мэдж, а не «Блейз» окажется героем дня, мы никогда не услышим от Виктора Ронси конца этой истории.

— Да черт с ним, с Виктором Ронси, — сказал Дерри. — Смотри, они пошли.

Линия лошадей двинулась вперед, набирая скорость перед первым препятствием. Семнадцать участников, дистанция три с половиной мили. Золотой кубок победителю и кругленькая сумма тому, кто его угадал.

Одна из лошадей выбыла из строя уже после первого барьера. Но не Тиддли Пом, чьи ало-белые цвета отчетливо выделялись на зеленом фоне поля. Не Зигзаг, который шел сейчас четвертым — место, откуда он обычно выигрывал. Не Эгоцентрик, летящий впереди всех вдоль трибун на радость Хантерсонам. И не Роквилл с Дермотом Финнеганом в седле, который отчаянно сражался сейчас за свою судьбу.

Они перелетели через ров с водой. Толпа ахнула: одна из лошадей с всплеском врезалась в

него задними ногами. Жокей в оранжево-зеленом вылетел из седла и покатился по траве.

— Эта лошадь не преминет вляпаться в любую лужу, — бесстрастно заметил Дерри. — Может прыгать только через барьер. — Ни руки, ни голос у него не дрожали. Какую цену заплатил он за то, чтобы Тиддли Пом бежал сейчас по кругу? Мне это обошлось дорого...

Они миновали поворот и вышли на прямую.

Еще два с половиной круга. Я не спускал глаз с Тиддли Пома, все время опасаясь, что он упадет или отстанет, что он слишком ослабел от колик и не закончит скачку. Они подходили к трем барьерам перед трибунами. Эгоцентрик впереди. Зигзаг по-прежнему четвертый. Дермот Финнеган удерживал свою лошадь в серединке, и где-то там, рядом, не самым последним, шел Тиддли Пом. Зигзаг споткнулся, удержал равновесие, помчался дальше. Теперь уже не четвертый. Шестой или седьмой. Тиддли Пом перескочил четыре препятствия совсем не так грациозно, как Эгоцентрик, но со скоростью вдвое большей. Обогнал двух лошадей.

Они снова отдалились от трибун.

— Тиддли Пом опять отстал, — спокойно заметил Дерри.

— Черт! — выругался я. — Жокей!

Жокей бешено работал локтями, посылая его вперед. Бесполезно. Оставалось не больше полутора миль.

Я закрыл глаза. На меня вдруг навалились усталость и дурнота. Хотелось прилечь на что-нибудь мягкое и спать, спать неделю, уйти от всех проблем и разочарований долгой и утомительной жизни. Побывать неделю одному и залечить все раны. Неделю, чтобы хоть чуть-чуть прийти в себя. Минимум неделю. Если повезет, удастся vykроить один день.

— Там кто-то упал у барьера. — Голос комментатора, усиленный громкоговорителем, заставил меня открыть глаза. — Кто-то из лидеров. Кажется, Эгоцентрик... Да, Эгоцентрик упал.

Не повезло Хантерсонам... Бедный Гарри, бедняжка Сара.

Гейл... Не хочу думать о ней. Но не могу не думать.

— А наш-то все скачет, — сказал Дерри. — Я имею в виду Тиддли Пома.

Красно-белые цвета были едва различимы вдали.

— Выровнялся, — продолжал Дерри. — Немного прибавил скорость.

Они перескочили последний барьер на дальнем конце поля и, растянувшись в длинную цепочку, вышли на прямую, к трибунам. Расстояние между участниками заметно увеличивалось. Одна или две лошадки плелись в самом хвосте, отставая от основной группы ярдов на пять-десять. Нарастающий рев толпы и перекрывающий его голос комментатора:

— И вот Зигзаг идет впереди... возглавляя лидирующую группу.

— Да, Зигзаг обошел их всех, — сказал Дерри. — Элементарно, как младенцев!

— А Тиддли Пом? — спросил я.

— Сильно отстает. Но все еще тащится с грехом пополам. На что еще тут можно рассчитывать?

Зигзаг преодолел первый барьер секунд на пять раньше остальных.

— Теперь он недосыгаем, — заметил Дерри.

Я простил ему звучавшее в его голосе торжество. Ведь именно он в своей колонке предсказал Зигзагу победу. Приятно сознавать свою правоту. — Тиддли Пом во второй группе, видишь?

Даже если не выиграет, все равно можно считать, что он не опозорился.

Зигзаг первым перескочил второй барьер, за ним через приличный интервал, но более или менее вровень последовали еще четыре лошади. За ними Тиддли Пом, а потом с полдюжины других участников.

Однако судьба подстерегла Зигзага ярдов за двадцать до последнего препятствия. Фатальная ошибка жокея — он никак не мог решить, пришпорить ли лошадь теперь, чтобы набрать больше скорости для разбега, или, наоборот, слегка осадить ее и надавать ходу прямо перед прыжком. В результате он не сделал ни того, ни другого, предоставив выбор скакуну. Одним лошадям можно доверить такое, другие же предпочитают подсказку. Зигзаг пошел на изгородь, словно корабль, потерявший управление, слишком поздно оторвался от земли и со всего маха врезался в барьер передними ногами. Он перевернулся в воздухе, рухнул на землю и отбросил своего незадачливого седока на боковую дорожку.

— Идиот несчастный! — яростно прошипел Дерри, опуская бинокль. — Новичок и тот так бы не оплошал.

Я не отрываясь следил за Тиддли Помом. Идущие впереди него лошади взяли последний барьер. Одна из них метнулась в сторону, чтобы не наскочить на Зигзага и распростертого на траве жокея, и столкнулась с другой, скачущей рядом. Обе потеряли равновесие, и еще один жокей вылетел из седла. Вышедший на прямую после препятствий Тиддли Пом был теперь третьим.

Толпа заревела.

— А у него есть шанс! — воскликнул Дерри. — Даже сейчас!

Несмотря на все старания жокея, скорости он не прибавил. Он шел все тем же ровным и тряс-

ким аллюром. Но одна из идущих впереди лошадей явно выбилась из сил, и Тиддли Пом настигал ее ярд за ярдом. Правда, и финишный столб был все ближе и ближе, и был еще лидер.

Впервые за все время скачек я как следует рассмотрел его. Жокей в полосатом розово-белом камзоле мчался словно одержимый, словно демон, оседлавший клубок коричневых напряженных тренированных мышц. Дермот Финнеган на Роквилле в момент, когда на карту поставлена вся его судьба!

Я не спускал с него глаз, и вот он пролетел мимо финишного столба, и даже с трибун была видна щербатая ирландская ухмылка, словно солнышко озарившая его лицо.

Отставший от него на три корпуса Тиддли Пом, чье бойцовское сердце помогло ему победить недуг, пришел вторым. «Да, у этой лошади сердце истинного скакуна, — растроганно подумал я. — Она стоит всех треволнений и хлопот, по крайней мере почти всех».

— Единственное, что нам поможет сейчас, это опротестование, — сказал Дерри и, торопливо сунув бинокль в футляр, помчался к выходу. Я не спеша последовал за ним, протискиваясь сквозь толпу, пока не наткнулся на группу журналистов, ожидавших окончательных результатов. Послышались приветственные возгласы — это Роквилла повели к месту победителя. Снова возгласы, на этот раз в честь Тиддли Пома.

Я не присоединился к ним. Все кончено. Тиддли Пом проиграл. Да и глупо было надеяться на победу... На смену возбуждению сразу пришли усталость и опустошенность.

Внезапно толпа расступилась, как Красное море, и в образовавшуюся расщелину, огромная и непопратная, как сама мать-Земля, окруженная планетами, продралась Мэдж Ронси с сыновьями.

Она целеустремленно пересекла небольшое огороженное пространство, где расседлывали лошадей, и приветствовала своего мужа нежным хлопком по плечу. Он, видимо, не ожидал встретить ее здесь и застыл, в изумлении разинув рот, так и не расстегнув до конца пряжку подпруги.

Я подошел к ним.

— Привет! — сказала Мэдж. — Здорово было, а?

Выражение ее глаз уже не было отсутствующим: еще бы, мир фантазий сблизился наконец с реальностью! На ней было немного тесноватое платье алого цвета. Волосы нависали над лбом все той же аморфной массой. Зато на ногах чулки. Со спустившимися петлями.

— Здорово, — согласился я.

Ронси подозрительно покосился в мою сторону:

— Все шутите?

— Что же все-таки случилось на старте? — спросил я ее.

Она рассмеялась.

— Да там какой-то толстый коротышка, видать, совсем рехнулся, начал вопить, что остановит Тиддли Пома даже ценой собственной жизни... — Ронси резко обернулся и уставился на жену. — Повис на поводьях, — продолжала она, — и не отпускал, даже когда распорядитель закричал, чтобы он убирался. Все норовил ударить Тиддли Пома по ногам. Ну, тогда я перелезла через ограду, подошла и говорю, мол, это наша лошадь и лучше ее не трогать. А он оказался таким хамом... — Глаза ее вновь приняли задумчивое выражение. — Говорил такие слова, каких я сроду не слыхивала.

— Ради Бога, — нервно воскликнул Ронси, — нельзя ли без подробностей!

Ничуть не смутившись, она продолжала:

— Ну вот, а он все не отпускает лошадь... Тогда я обхватила его руками, приподняла и от-

тащила в сторону, а он так удивился, что бросил поводья и все старался вырваться, и тогда я повалила его на землю, протащила под перекладину. Тут уж и ребяташки, и я — мы все вместе уселись на него.

Я спросил, стараясь сохранить серьезное выражение лица:

— А что он говорил потом?

— По правде сказать, он к тому времени сильно выдохся, — рассудительно заметила Мэдж. — Хотя говорил... что собирается вас убить. Видно, не нравиться вы ему или очень уж чем-то досадили. Сказал, что вы всему виной, и жизнь его разбили, и помешали добраться до Тиддли Пома. В такую истерику впал, ей-богу, чуть не плакал!

— Где он сейчас? — спросил я.

— Чего не знаю, того не знаю. Я отпустила его, он и убежал.

— Выходит, вовсе не «Блейз», а моя жена спасла Тиддли Пома? — Ронси с презрением посмотрел на меня.

— Да ну, что ты, милый! — примирительно проворковала она. — Если бы не мистер Тайрон, коротышка уж давно бы добрался до нашей лошадки. А если бы я не приехала с острова? А вернулись мы потому, что думали, будто все утряслось, и потом уж очень хотелось посмотреть скачки... Но и тогда кто-нибудь другой остановил бы этого дурака. Народу там было пропасть, и многие хотели броситься на помощь. Просто я подросла первой, вот и все. — Она одарила меня нежнейшей улыбкой. — Давненько я так не веселилась!

* * *

Остаток дня прошел как в тумане, какие-то люди подходили ко мне, и поздравляли, и говорили, но я не слышал что. Запомнились какие-то

отрывочные сцены: Дермоту Финнегану вручают уменьшенную копию Золотого кубка, и он держит ее с таким благоговейным видом, будто это Святой Грааль.¹ Уилли Ондрой сообщил, что Бостона вышвырнули с ипподрома и что Эрик Юлл вместе с другими распорядителями уже разработал план полного его отстранения от участия в игорном бизнесе, вплоть до конфискации лицензии и закрытия всех его игорных лавок.

Дерри узнал, что букмекер — приятель Люка-Джона — забрал у Бостона пятьдесят тысяч и теперь совершенно счастлив, что Тиддли Пом проиграл.

Колли Гиббонс пригласил меня выпить. Я отказался: мне претила сама мысль о спиртном. Он был с женой, никакого американского полковника в поле зрения.

Глубоко засунув руки в карманы, на меня угрюмо смотрел Пэт Ронси. Я подошел и спросил, кому он сообщил номер моего телефона заодно со сведениями о местонахождении Тиддли Пома. Заносчиво-вызывающим тоном Пэт начал оправдываться — того человека гораздо больше интересовало, где живу я, а не где спрятана лошадь.

— Что за человек?

— Да приезжий один, такой высокий, загорелый, с иностранным акцентом. Сказал, что он из «Нью стейтсмен».

— А знаешь ли ты, Пэт, что «Нью стейтсмен» — единственная в Англии газета, не публикующая материалов о скачках?

Нет, Пэт этого не знал.

Прошла Сэнди Виллис, ведя под уздцы Зигзага, и нервно улыбнулась мне. Я спросил, в по-

¹ *Святой Грааль* — чаша, мистический культ которой восходит к языческим временам. Часто упоминается в средневековых легендах.

рядке ли лошадь. Она пробормотала несколько не свойственных даме выражений в адрес жокея, так глупо упустившего победу. Еще раз сказала, что успела привязаться к Тиддли Пому и ужасно рада, что он держался таким молодцом — пришел вторым, и она даже выиграла на нем немножко денег. А теперь ей пора идти, надо успеть еще как следует протереть Зигзага губкой.

Возле Эгоцентрика стояли мрачные Хантерсоны, и тренер внушал им, что их лотерейная лошадка получила серьезные повреждения и не сможет выступать еще минимум год, а может быть, и вообще не сможет.

Со всей остротой и отчетливостью я вдруг осознал, что это означает. Эгоцентрика не будет на скачках, значит, и Хантерсонов тоже. И Гейл... Даже этого я лишился.

Что ж, с меня довольно. Все тело болело и ныло. Смысл фразы горечью отдавался в сердце.

Слишком уж много жестоких и трагических событий в последние дни... Погиб Вьерстерод, погиб Берт Чехов, рэкет с нестартерами тоже испустил дух. По крайней мере пока... Пока не появился новый лихой парень с угрозами, шантажом и прочей тяжелой артиллерией.

И тогда снова кто-то должен будет противостоять ему. Кто угодно, только не я. Я свое получил, получил сполна.

Я медленно вышел на поле и остановился у рва с водой. Уйти домой нельзя — надо дожидаться конца последнего заезда. Надо позвонить Люку-Джону по поводу окончательного варианта воскресной статьи. Да и что ждет меня дома — пустая квартира и безрадостные перспективы на будущее...

По траве прошуршали чьи-то шаги. Я не оглянулся. Разговаривать не хотелось.

— Тай, — проговорила Гейл.

Я поднял голову. У нее было совершенно незнакомое мне выражение лица. Не такое надменное, мягче, добрее. Но по-прежнему прекрасное, прекрасное лицо...

— Тай, почему ты ничего не рассказал мне о своей жене?

Я молча пожал плечами. Она продолжала:

— Мы сидели в кафе с Гарри и Сарой, и тут кто-то познакомил нас с майором Гиббонсом и его женой — ты ведь тоже писал о нем в «Тэлли». Заговорили о тебе, и тут Гиббонс вдруг говорит, как это ужасно, какая трагедия эта история с твоей женой... А я спросила, что за трагедия... И он рассказал нам все.

Она замолчала. Я набрал в легкие побольше воздуха, но не произнес ни слова.

— Тут я говорю, хорошо еще хоть денег у жены достаточно. А он и спрашивает: «Что значит достаточно? Насколько мне известно, у нее ни пени за душой. И Таю очень туго приходится, если учесть все затраты по уходу за ней. Было бы куда легче, если бы он поместил ее в больницу на государственное обеспечение, вместо того чтобы лезть из кожи...».

Полуотвернувшись от меня и рассматривая скаковую дорожку, она еще раз спросила:

— Так почему все-таки ты ничего не сказал мне?

Я судорожно глотнул и с трудом разлепил губы:

— Не хотел... Мне не нужны... подачки из жалости.

— Понимаю, — сказала она после паузы. Похоже, она действительно что-то поняла. Прохладный голос ее звучал надтреснуто: — Если бы ты женился на мне и я заболела бы полиомиелитом... Теперь я знаю — ты должен остаться с ней. Понимаю, как сильно она нуждается в тебе. Если бы я оказалась

на ее месте... и ты бы меня бросил... — У нее вырвался какой-то странный звук, одновременно похожий на смех и рыдание. — Жизнь всегда бьет по самому уязвимому месту! Как только я встретила человека, с которым не хочу расставаться... без которого не могу жить... с которым могла бы жить в шалаше... И это оказывается невозможным... даже на время. Даже изредка видеться с ним нельзя.

Глава 18

Все воскресенье я провел дома один и проспал большую часть дня. Прибрал квартиру, пытался навести порядок в мыслях. Не слишком преуспел и в том, и в этом.

Утром в понедельник поехал к Элизабет. Она прибыла домой в карете «Скорой помощи», носилки и насос несли на этот раз два дюжих молодца в белых халатах. Они опустили ее на застланную свежим бельем постель, проверили, как работает насос, должным образом закрепили «Спирашелл», выпили по чашечке кофе, дружно посетовали, что погода стоит холодная и сырая, но что еще ждать от декабря, и в конце концов удалились.

Я распаковал чемоданы с вещами, поджарил яичницу и покормил Элизабет, потом принес ей кофе и закрепил кружку в держателе.

Она улыбнулась и поблагодарила меня. Выглядела она усталой, но одновременно спокойной. Вообще в ней произошла какая-то перемена, и я долго не мог определить, в чем дело. Потом наконец понял и удивился. Исчезло глубоко укоренившееся в ней чувство неуверенности и беспокойства, которое я так часто читал в ее глазах.

— Оставь посуду. Тай, — сказала она. — Нам надо поговорить.

Я сел в кресло. Она внимательно посмотрела на меня.

— Что, все еще болит? Я имею в виду побои...

— Немножко, — сознался я.

— Тонио рассказал: в ту ночь они пытались напасть на мой след и оба погибли.

— Он все рассказал?

Она кивнула:

— Да. Вчера он приходил в больницу. И у нас был долгий разговор. Очень серьезный, долгий и важный. Он сказал мне много очень важного...

— Детка, — начал я, — послушай...

— Помолчи минутку, Тай. Я хочу пересказать тебе нашу беседу.

— Ты устала.

— Нет. Вернее, устала, но не так, как всегда.

Я чувствую себя просто уставшей. Но не изнуренной беспокойством. И это благодаря Тонио. И тебе... Просто он помог мне разобраться во всем. И в том, что произошло в четверг. Он рассказал, что ты чуть не погиб, когда вел машину пьяный, и как ты рисковал угодить в тюрьму, и... и все это ради того, чтобы защитить меня. Он сказал, что если бы я видела это собственными глазами, то перестала бы сомневаться... бояться, что ты бросишь меня... И я почувствовала такое облегчение. Я помню, ты все время старался убедить меня в этом. Но только теперь я действительно и до конца поверила.

— Я рад. Я очень, очень рад.

Помолчав немного, она продолжала:

— Я говорила с Тонио... об этой девушке.

— Милая...

— Подожди, — перебила она. — И о шантаже. О, мы говорили и говорили целую вечность. Он такой чуткий и понимающий. Конечно, сказал он, вполне понятно, что я так переживаю все

это — каждый переживал бы на моем месте, — но особых причин для беспокойства нет. Он считает, что ты здоровый, нормальный мужчина, и, будь у меня хоть капля здравого смысла, волноваться стоило бы в том случае, если бы тебя совсем перестали интересоваться женщины. — Она улыбнулась. — И еще, если бы я спокойно смотрела на эти вещи, мы бы оба могли быть куда счастливее... Он сказал, что ты всегда будешь возвращаться домой.

— Да, много чего наговорит тебе этот Тонио!

Она кивнула:

— И все правильно. Я вела себя как эгоистка.

— Элизабет... — протестующе начал я.

— Да, да, не спорь, как эгоистка. Я слишком боялась потерять тебя и не понимала, что требую слишком много. Но теперь я знаю: чем чаще я буду отпускать тебя из дома, тем легче нам станет ладить... и тем прочней мы будем привязаны друг к другу.

— Что, прямо так и сказал?

— Да, прямо так.

— Он очень тебя любит.

Она усмехнулась.

— Да, он говорил. А еще, если хочешь знать, он наговорил массу прекрасных и лестных слов в твой адрес. — И она повторила их мне, причем уголки ее губ все время растягивались в улыбке, а глаза сияли покоем.

— Все это сильно преувеличено, — скромно сказал я.

Она рассмеялась. Счастливым, захлебывающимся смехом.

Я встал и поцеловал ее в лоб и щеку. В конце концов, она была моей женой, той девушкой, на которой я женился. И я действительно очень, очень любил ее...

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	3
Глава 2	15
Глава 3.....	28
Глава 4.....	44
Глава 5	61
Глава 6.....	75
Глава 7	89
Глава 8.....	103
Глава 9	120
Глава 10.....	134
Глава 11.....	147
Глава 12.....	164
Глава 13.....	180
Глава 14	196
Глава 15.....	212
Глава 16.....	228
Глава 17.....	244
Глава 18.....	259

Дик Фрэнсис

СТАВКА НА ПРОИГРЫШ

Редактор *И. Рахимова*
Художник-дизайнер *Б. Зуфаров*
Технический редактор *Т. Харитоновна*
Младший редактор *Д. Холматова*
Компьютерная верстка *К. Голдобина*

Издательская лицензия АІ №158, 14.08.2009.

Подписано в печать 23 октября 2015 года.

Формат 80×100¹/₃₂. Бумага газетная пухлая.

Гарнитура «Virtec Peterburg».

Печать офсетная. Условно-печатных листов 12,21.

Учетно-издательских листов 12,19.

Тираж 2000. Заказ № 15-159.

Издательско-полиграфический творческий дом «Узбекистан»

Узбекского агентства по печати и информации.

100129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Телефон: (371) 244-87-55, 244-87-20.

Факс: (371) 244-37-81, 244-38-10.

e-mail: uzbekistan@iptd-uzbekistan.uz

www.iptd-uzbekistan.uz

Ф 93 Фрэнсис, Дик
 Ставка на проигрыш / Д. Фрэнсис. Ташкент:
 «Узбекистан», 2015. 264 с.

ISBN 978-9943-28-294-0

УДК: 821.111-3
ББК 84(4 Ингл)

«УЗБЕКИСТАН»

ISBN 978-9943-28-294-0

9 789943 282940